

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 34 АВГУСТ 1988

РЫНОК
ПРОТИВ
ДЕФИЦИТА



ДЕТСКИЙ
ФОТОВЕРНИСАЖ

ИСКУССТВО
ЖАЖДЕТ ТИШИНЫ



СУДЬБА
РЕЗИДЕНТА



СЪЕМКИ В СТИЛЕ
ПОСТМОДЕРН



ВОЗРОДИТЬ
ИСЧЕЗАЮЩУЮ
КУЛЬТУРУ!

8E-18

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!



ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 34 (3187)

20 — 27 АВГУСТА

© Издательство «Правда», «Огонек», 1988.

Главный редактор

В. А. КОРОТИЧ.

Редакционная коллегия:

Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ,

В. В. ГЛОТОВ

(ответственный секретарь),

Л. Н. ГУЩИН

(первый заместитель
главного редактора),

Н. А. ЗЛОБИН,

В. Д. НИКОЛАЕВ

(заместитель
главного редактора),

Ю. В. НИКУЛИН,

А. Г. ПАНЧЕНКО,

С. Н. ФЕДОРОВ,

Ю. Д. ЧЕРНИЧЕНКО,

В. Б. ЧЕРНОВ,

В. Б. ЮМАШЕВ.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

В мастерской, руководимой А. П. Грековым, по картинам возвращают из «небытия» уникальные фрески церкви Спаса Преображения на Ковалеве. (См. материал Д. Лихачева «Боль Отечества».)

Фото Виктора ЯКОБСОНА

Оформление В. В. ВАНТРУСОВА
при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА

Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп.,

на полгода — 10 руб. 38 коп.,

на квартал — 5 руб. 19 коп.

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27;
Отделы: Публицистический — 212-21-88; Между-
народный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69;
Искусства — 212-15-39; Морали и писем —
212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных
приложений — 212-22-13, 212-23-07.

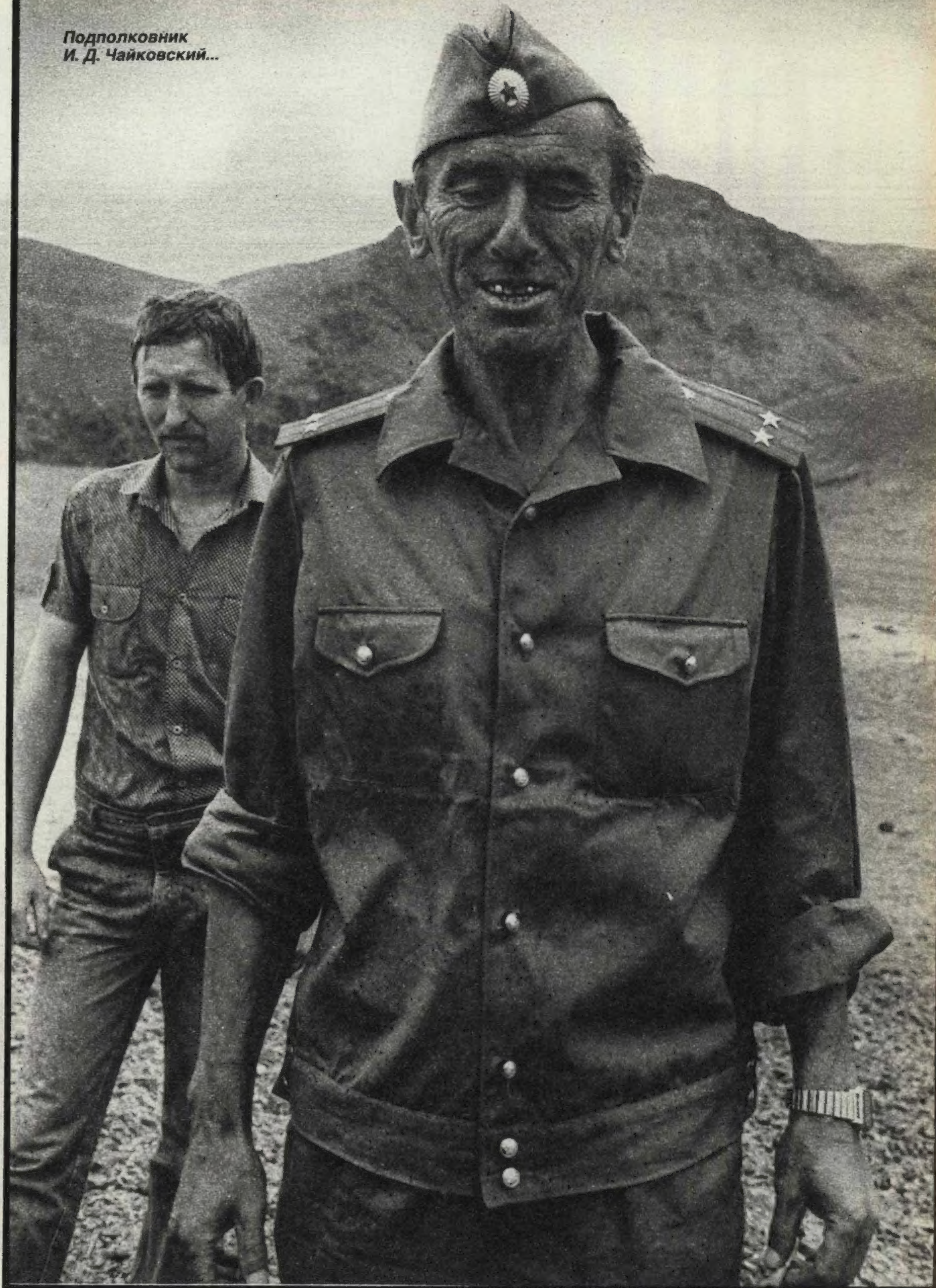
Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Сдано в набор 01.08.88. Подписано к печати 16.08.88. А 10390. Формат 70 × 108%. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 800 000 экз. Заказ № 2742.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

**Адрес редакции: 101456, ГСП,
Москва, Бумажный проезд, 14.**

Подполковник
И. Д. Чайковский...



Лев ШЕРСТЕННИКОВ,
специальный
корреспондент
«Огонька»
Фото автора

АККОРДЫ ЧАЙКОВСКОГО НАД САРЬЮЗЕКОМ

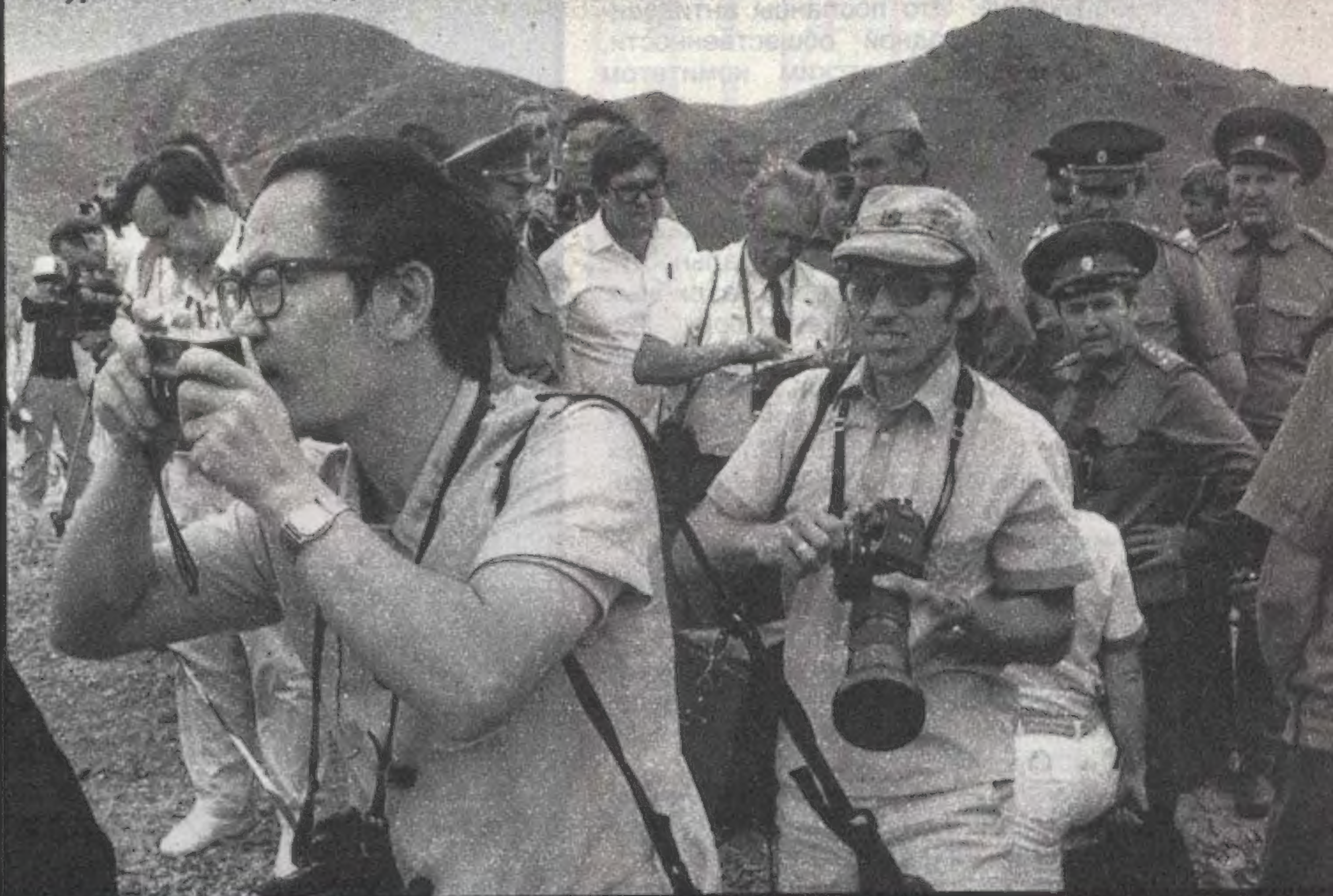
НЕТ,
 РЕЧЬ НЕ О МУЗЫКЕ
 ВЕЛИКОГО КОМПОЗИТОРА.
 НАД ХОЛМАМИ
 КАЗАХСТАНСКОЙ СТЕПИ
 ЗВУЧАТ
 СОВСЕМ ИНЫЕ АККОРДЫ.
 ПЕРВЫЙ ИЗ НИХ,
 РАЗДАВШИЙСЯ
 1 АВГУСТА 1988 ГОДА В 12.00
 ПО МОСКОВСКОМУ
 ВРЕМЕНИ,
 ОТМЕТИЛ НАЧАЛО
 ЭРЫ
 РЕАЛЬНОГО
 ЯДЕРНОГО РАЗОРУЖЕНИЯ.
 ВЗРЫВ В КЛОЧЬЯ
 РАЗМЕТАЛ
 «СВЯЗКУ»
 ИЗ ЧЕТЫРЕХ
 БОЕВЫХ РАКЕТ...
 А НЕПОСРЕДСТВЕННЫМ
 АВТОРОМ
 ЭТОЙ «МУЗЫКИ»
 БЫЛ
 ПОДПОЛКОВНИК
 ИГОРЬ ДМИТРИЕВИЧ
 ЧАЙКОВСКИЙ —
 РУКОВОДИТЕЛЬ
 ПОДРЫВНИКОВ.

3

азубренные эти осколки
 размером с палец, с ла-
 донь, с локоть, казалось,
 еще сохраняли в себе не-
 укротимую ярость и жар,
 с которыми они мгновение
 назад прошивали тучи. Но
 пыл уже угас, энергия ис-
 сякла, и легли они пустопорожним хла-
 мом в серую пыль потрясенной взрывом
 земли. И если бы не люди, с любопыт-
 ством копошащиеся на пепелище, — ле-
 жать бы осколкам тут до веку, пока
 ржа не изъест, пока ветры не развеют,
 пока дожди не залижут этой раны зем-
 ли. Да полно, раны ли? Так, малой
 ссадины. Но ссадина эта, наподобие
 прививки, должна спасти Землю от
 раны неизлечимой, раны смертель-
 ной — раны ядерного удара...

Сарыозек — название небольшого
 поселка, затерянного среди побурев-
 ших трав в предгорьях Алатау, еще не-
 сколько недель назад мало что говори-
 ло человеку непосвященному. Разве
 что местным чабанам да пахарям, да
 еще узкому кругу специалистов. Из тех,
 что не любят болтать лишнего... Что ж!
 Когда-то казахстанский же собрат Са-
 рюзек Байконур был такой же безве-

Журналисты фиксируют...



В 12.00 по московскому времени!

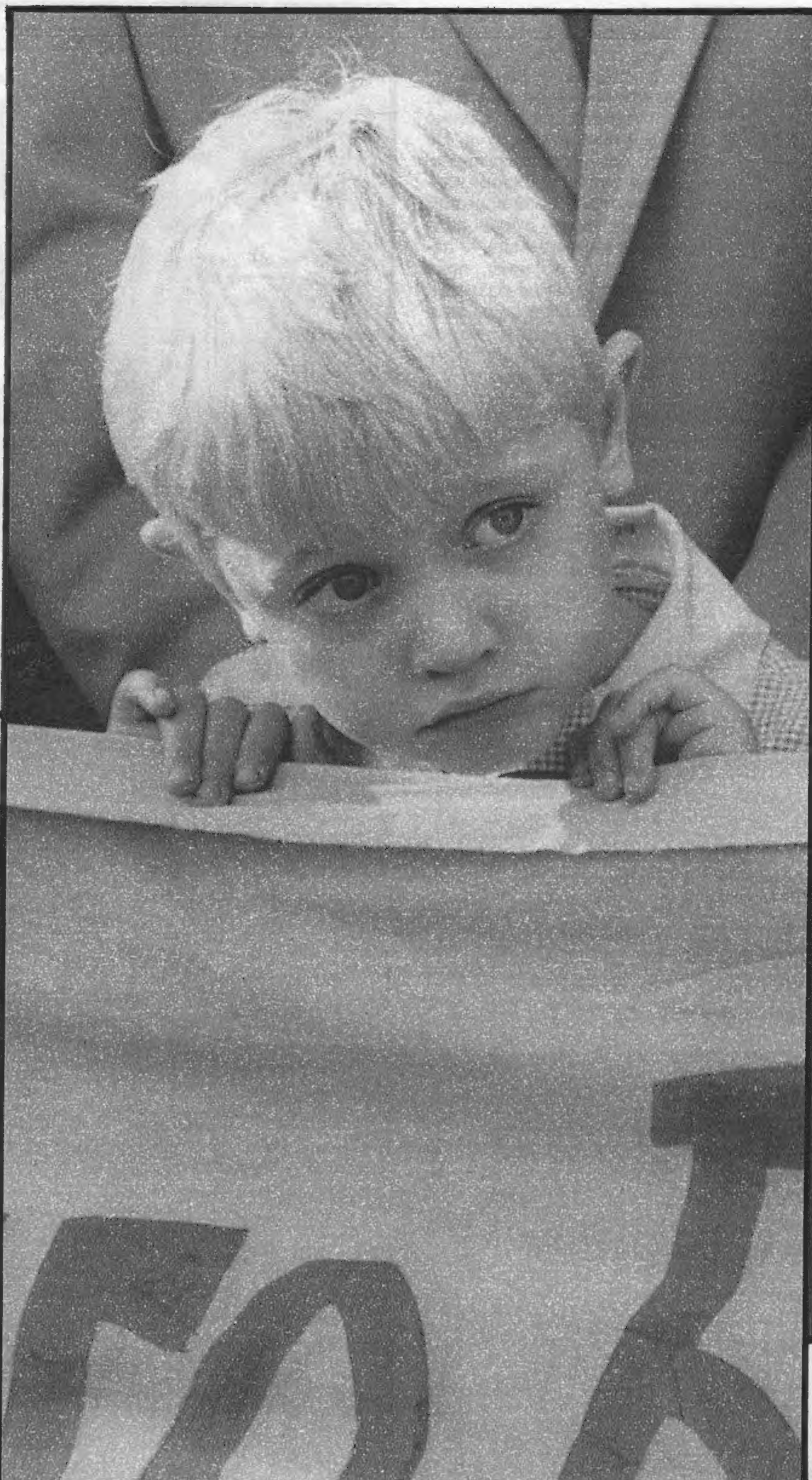
стной точкой на карте. А ныне! Гонцы с пяти континентов собрались сегодня в Сарыюзеке. Это посланцы антивоенной международной общественности, приглашенные Советским комитетом защиты мира, наблюдатели.

Международное общественное движение за мир приложило немало сил ради заключения договора между Советским Союзом и США о ликвидации ракет средней и меньшей дальности. И сегодня представители различных организаций этого движения покусывают сухие горькие травинки, поглядывая на медленно движущиеся стрелки часов, пьют непривычный для многих из них напиток — кумыс, в белых юртах приготовленный для гостей, ведут беседы, отстаивая свои взгляды. Атакуют вопросами людей в фуражках и защитной форме. Жарковато начальнику Центра управления ликвидации ракет полковнику Станиславу Дмитриевичу Петренко и подполковнику Александру Ильичу Бородину, начальнику ракетно-операционной базы, — по ним основной залп вопросов.

— Ракета — сложное устройство. Вся ли ракета подвергается уничтожению или какая-то ее часть?

— Ядерная головка демонтируется

Алесь Адамович:
«Начало положено!»



нец и белорус. Развивая мысль, Адамович говорит:

— Нет таких социальных ценностей в мире — ни в социалистическом обществе, ни в капиталистическом, — которые бы стоили атомной войны. Ни то, ни другое не стоит жизни человечества. Поэтому абсурдно и дико, когда какая-то из сторон навязывает свою систему, с которой и сама-то не может еще совладать, другой стороне. Человечество одну истину уже осознало: победы в ядерной войне быть не может. И на Земле должно быть много языков, много культур и много соревнующихся социальных систем...

Школьница Оля Яковлева кратко выразила свою мысль:

— От ошибок взрослых страдают прежде всего дети. И я рада, что буду присутствовать на событии, на котором взрослые уничтожают свои ошибки...

А время между тем подходило к назначенной минуте. Писатель предложил: не дать ли девочке-школьнице нажать ту самую кнопку, открывающую дверь в новую эру. Было бы символично: детская рука приостанавливает ядерный вал... Но военным людям чужды сантименты, да и устав строг.

И где-то там, в далеком бункере, рука уже легла на пульт. Счет на минуты, на секунды... Вспыхнуло небо до облаков. И, право, этот аккорд «маэстро от пиротехники» Чайковского стоил жизнеутверждающих симфоний его великого однофамильца.



Джеймс Буш:
«Хорошо, что вместо
своих ракет я сам прибыл в Союз!»

на специальном оборудовании на заводах, а ядерный заряд будет использован в мирных целях. Демонтируются системы наведения для извлечения драгоценных металлов, использованных при их изготовлении. Взрыву подлежат те части, которые содержат отдельные узлы и механизмы, пригодные для использования лишь в военных целях, а также корпус ракеты, топливо...

— Не слишком ли расточительно? Вылетает в трубу труд, материальные ресурсы... Не пострадает ли природа от взрывов?

— Не пострадает. Замеры, проводимые учеными на испытаниях, показали очень незначительное изменение среды, даже меньшее, чем от работы одной ТЭЦ... Методы уничтожения ракет обусловлены договором...

Крупнейший ученый-физик, ученик Эйнштейна Раис Ахмад из Индии и московская школьница Оля Яковлева, заместитель директора Центра оборонной информации США, профессиональный военный Джеймс Буш и человек, с детства хлебнувший все горести войны, писатель Алесь Адамович... Они стоят рядом, в одной группе ожидающих. Но близки ли они духом, устремлениями, мыслями? Может быть, пропасть между

людьми непреодолима? Вспоминается недавний разговор между Адамовичем и Бушем. «Если бы половина человечества, к которой принадлежите вы, была почти полностью уничтожена ядерным ударом, ответили бы вы ударом на удар, чтоб уничтожить оставшуюся половину? Я бы никогда этого не сделал», — твердо ответил Адамович на свой же вопрос. «Я бы, будучи профессиональным военным, даже не задался бы подобным вопросом. Я просто бы исполнил свой долг», — сказал Буш.

Бывший капитан военно-морской службы США, командир подводной лодки, оснащенной атомным оружием, Джеймс Буш, подумав, добавил:

— Большую часть своей сознательной жизни я уделил подготовке к использованию атомного оружия. Но теперь я с гордостью приехал к вам как член делегации по наблюдению за уничтожением атомного оружия... Десять лет я возил атомное оружие и моими целями были объекты Советского Союза. Но я счастлив, что вместо своих ракет прибыл сюда сам, теперь уже как борец за разоружение, от которого выиграют не только СССР и США, а все страны, все народы...

Так они переговариваются, америка-





ОТ УСТРЕМЛЕНИЙ — К РЕАЛИЯМ МИРА

Президент Республики Кипр Георгиос ВАСИЛИУ отвечает на вопросы главного редактора журнала «Огонек» Виталия КОРОТИЧА

Вопрос: Вы избраны руководителем государства, расположенного по истине в середине нашего полушария, государства, роль которого в мировой истории и культуре значительна. Какова международная позиция сегодняшнего Кипра, в чем ее особенности?

Ответ: С первых дней своей истории Кипр служил как бы связующим звеном трех континентов, объединяя народы и культуры. Географически мы расположены в месте пересечения путей международной торговли и туризма. Кипрский народ намерен и в дальнейшем способствовать укреплению роли острова как центра по расширению понимания и сотрудничества.

Республика Кипр проводит мирную политику. При этом у нас есть, конечно, свои внутренние проблемы. Страна играет активную роль в движении неприсоединения, в глобальном стремлении к разрядке. Тот факт, что в сентябре будущего года на Кипре состоится встреча министров иностранных дел неприсоединившихся государств, служит ярким доказательством приверженности принципам мира и сотрудничества.

Вопрос: Какой личный опыт вы приобрели за время пребывания на посту президента? Ведь вам приходится напряженно работать.

Ответ: В напряженной работе нет для меня ничего нового, я всегда так работал. Отличие в том, что приходится решать вопросы гораздо более широкого круга. Когда работаешь самостоятельно, можешь быть уверен в результатах, однако, когда речь идет о государственном аппарате с тысячами служащих — уже труднее. Приходится изучать систему функционирования этого аппарата, то есть изучать множество законов и правил, по которым функционирует система. Делать так необходимо, в противном случае, пойдя, например, против системы, можно разбить себе голову. Систему ведь не сломаешь... Можно содействовать ее развитию, но революционные изменения в один день не делаются.

Вопрос: Беспокоят ли вас проблемы безопасности, терроризма? В вашей мирной стране, в вашем мирном городе недавно была взорвана машина...

Ответ: Проблемы эти в самом деле существуют. В Лондоне тем не менее произошло больше взрывов, чем у нас вообще когда-либо произойдет. В Париже в прошлом году произошло такое количество взрывов, что, надеюсь, я не увижу столько их до конца жизни. Терроризм стал частью современного мира. Это та цена, которую мы вынуждены платить. Не хочу преувеличивать и утверждать, будто Кипр охвачен терроризмом и люди гибнут каждый день. Принимаются меры для укрепления безопасности населения. Возможность разного рода неприятных событий должна быть сведена к минимуму.

Вопрос: Вам не свойственно видеть повсюду врагов и угрозы. Поскольку же вы все-таки осознаете

возможность различных проявлений зла, не осложняет ли это перспективу решать проблемы демократическим путем?

Ответ: Есть единственный путь. Если считать, что вокруг одни враги — можно зайти в тупик. Кипр — туристский центр. В прошлом году три с лишним миллиона человек побывали здесь. Надеюсь, через несколько лет цифра увеличится. Невозможно помешать целеустремленному террористу проникнуть на Кипр, но можно расширить средства контроля. А также расширить сотрудничество с Интерполом и различными организациями, чтобы, обмениваясь информацией, выявлять и сводить к минимуму опасность.

Вопрос: Сегодня Кипр по-прежнему разделен, на острове иностранные войска, ваше отношение к этому? Каковы, по-вашему, перспективы урегулирования кипрского вопроса?

Ответ: Искусственное разделение нашей страны и нашего народа беспокоит население Кипра — как греков, так и турок. Помимо психологических проблем, возникших в результате разделения, оно создало также крупные и очевидные экономические и политические проблемы. Большинство турок-киприотов с помощью своих политических партий и различных организаций ежедневно жалуются на то, что для них разделение, по сути дела, превращается в ассимиляцию, проводимую Турцией в области политики, экономики и культуры.

В тот момент, когда происходит процесс объединения Европы, а сверхдержавам удается добиться большего сближения, не только грустно, но и смешно, что такой небольшой остров, как Кипр, искусственно разделен, а 37 процентов его территории и 18 процентов населения находятся под иностранной оккупацией. Как со всей очевидностью следует из сообщений газет, выпускаемых турками-киприотами, турецкое население Кипра считает, что во всех областях оно находится под турецкой оккупацией. К счастью, у него еще есть возможность высказывать свое недовольство.

Надеемся, будет найдено решение проблемы и восстановлено единство нашего народа прежде, чем наступит такой момент, когда сделать это будет уже невозможно. Мы готовы приложить любые усилия в этом направлении, выдвинуть любую инициативу, чтобы добиться прорыва и начать серьезные переговоры.

Мы уверены в том, что крупные державы и мир в целом осознают эти опасности и приложат усилия к тому, чтобы помочь справедливому урегулированию проблемы Кипра на основе резолюций ООН и обеспечить мир как в региональных, так и в глобальных масштабах.

Вопрос: Как вы воспринимаете Советский Союз и его место в современном мире? Ваше отношение к советским предложениям по Кипру от

21 января 1986 года? Как складываются отношения между Республикой Кипр и СССР? Что вы хотели бы изменить в этих отношениях, углубить?

Ответ: Роль и действия СССР по обеспечению международного мира и сотрудничества путем разоружения и ликвидации угрозы войны в условиях безъядерного мира заслужили высокую оценку, и мы надеемся, что все усилия СССР увенчаются успехом на благо всего человечества.

В частности, мы ценим позицию СССР по кипрской проблеме, нашедшую свое отражение в предложениях об урегулировании проблемы Кипра, которые были выдвинуты в январе 1986 года и позднее находили подтверждение в заявлениях советских руководителей.

В частности, мы поддерживаем предложение о созыве под эгидой ООН международной конференции, которая могла бы с должной отдачей заняться внешними аспектами этой проблемы, и, в частности, разработать международные гарантии выполнения соглашения, которое может быть достигнуто.

Мы поддерживаем с Советским Союзом очень тесные отношения, сотрудничаем во всех областях и всегда стремимся к дальнейшему укреплению наших отношений.

Вопрос: Какое, на ваш взгляд, главное достижение первых месяцев вашего президентства?

Ответ: Достижения немногочисленны. Главное — это новый стиль управления, который люди начинают ощущать. Новый стиль преследует следующую цель: взглянуть на вещи объективно. Не с одной какой-то точки зрения. Не пользоваться советами одной какой-то группы, а пытаться найти решение, которое пойдет на благо большинству. Необходимо проявлять решительность, не нелзя принимать решение прежде, чем узнаешь точку зрения всех заинтересованных сторон. Важно то, что люди ощущают обстановку сотрудничества и консультации.

И еще — дух напряженной работы. Верхний эшелон государственных руководителей понял это. Теперь эта мысль утверждается на более низких уровнях. Наряду с этим руководящие деятели правительства чувствуют, что они имеют доступ к президенту. Они приходят ко мне, и мы беседуем на равных. Я говорю им: «Сейчас я высказываюсь не обязательно как президент, а как человек, думающий вслух». Если решение должно быть принято президентом в одиночку — для меня это не составляет проблемы. Они осознали, что сами способны принимать решения.

Моя резиденция сейчас открыта для делегаций, деятелей культуры, мужчин и женщин. В правительственный офис вошла жизнь. Недавно меня посетил видный кипрский деятель, человек, который был явно против меня на выборах. Он сказал: «Благодарю вас, произошли подлинные перемены. Я действительно так думаю и искренне поздравляю вас, а вы можете рассчитывать на мою поддержку в любых ваших начинаниях». Это действительно самое большое достижение — за короткий отрезок времени создалась совершенно иная обстановка.

Вопрос: Не считаете ли вы иногда, что вы совершаете перестройку или проводите «новый курс»?

Ответ: С политической точки зрения, то, что мы делаем, — это перестройка.

Вопрос: Каково главное ее направление?

Ответ: Во внутренней политике мы стремимся сделать государство более справедливым, утвердить социальное равенство, повысить уровень жизни и добиться того, чтобы народ не чувствовал отчуждения по отношению к правительству. Если у кого-то возникает проблема, всегда должна быть возможность решить ее. Мы стремимся к демократии, которая несет людям свободу, открывает новые возможности.

Вопрос: Какая часть населения, какие политические группы и партии поддерживают вас больше всего? Только ли левые?

Ответ: С философской точки зрения, если отказаться от черно-белого восприятия мира, я думаю, что все люди стремятся к одному и тому же — свободе, счастью, лучшей жизни. Им представляется, что они могут добиться этого с помощью той или иной политической партии. Я не пытаюсь создать новую философию для всего мира — это не получится. Но на Кипре существует небольшое общество, где социальные конфликты не носят столь острого характера. Здесь члены одной семьи могут голосовать за четыре разные партии. Весь год они могут сохранять между собой прекрасные отношения, а на выборах разойтись. Легче добиться единства в таком обществе, чем в обществе, где существуют полярные точки зрения. С точки зрения социальных особенностей кипрской экономики здесь нельзя вести речь о национализации — для этого нет условий. Большинство фирм очень малы, и при любой системе они должны действовать самостоятельно, потому что только в таком случае они могут быть эффективными. Такова особенность Кипра. Я считаю, что догматизм, распространяющийся на все случаи жизни, — крупнейшая ошибка. Необходимо учитывать цели, анализировать ситуацию и понимать, каким образом эти цели могут быть достигнуты в данных конкретных условиях.

Вопрос: Что вы хотели бы передать советским людям?

Ответ: Я хотел бы выразить советскому народу чувство дружбы и нашу признательность за поддержку нашей борьбы, за решение нашей проблемы. Общие идеалы мира и международного сотрудничества сближают советский и кипрский народы. Мы хотим заверить советский народ в том, что киприоты будут по-прежнему стремиться к осуществлению этих идеалов, прилагая ради достижения этой цели все силы.

Спустя несколько дней после завершения работы XIX партконференции собралась наша партийная группа, чтобы обменяться мнениями: ведь каждый из нас смотрел и слушал телевизионные передачи из Кремлевского Дворца съездов, успел прочитать выступления делегатов, опубликованные в газетах. Мнение коммунистов совпадало — разработанные и принятые конференцией решения имеют огромное значение для судеб партии и страны; радуют прямота и острота дискуссий, их гласность и демократичность.

И все же ряд вопросов для нас, рядовых коммунистов, остался открытым. Например, как совместить предстоящее разграничение функций партийных и государственных органов и в то же время соединение в одном лице секретарем партийного комитета руководство Советами?

В нашем Подольском районе горком партии один, а исполкомов четыре (в городах Подольске, Климовске, Троицке и Подольском районе). Как же секретарю горкома удастся разместиться на четырех стульях? Или будем создавать теперь еще два горкома и один райком? Это вместо того, чтобы сокращать аппарат, будем его раздувать?..

Мы ожидали, что XIX Всесоюзная скажет твердо: Закон о государственном предприятии должен действовать неукоснительно, тот, кто занимается самоуправством и нарушает его, тормозит перестройку, и нам с ним не по пути.

В докладе Генерального секретаря ЦК КПСС тов. М. С. Горбачева да и в выступлениях многих делегатов конференции убедительно говорилось о том, что Агропром и РАПО в том виде, в котором они пребывают сегодня, себя не оправдывают. Но это же было ясно и год, и два назад! Чего же мы ждем? Чуда? Его не будет, не может быть, ибо еще одна бюрократическая инстанция вне сферы производства не помощник, а помеха в решении практических задач, в решении Продовольственной программы.

Раньше по всем вопросам мы отправлялись в Орликов переулок и, обойдя несколько этажей, решали их или получали на них ответы. Теперь для этого надо побывать на пяти, а то и на восьми улицах Москвы, чтобы только встретиться с работниками различных служб областного и республиканского агропрома. Но это не означает, что вопрос будет решен. Обязательно нужна бумага, а бумага требует резолюции, значит, она должна выложаться. Таков закон бюрократической карусели.

М. И. ЯМ,
партгруппорг строительного цеха
совхоза имени 60-летия СССР
Подольский район Московской области

Мне 67. На долю моего поколения прилились многие ухабы нашей крутой эпохи. Достались они и мне сполна. Были большие стройки, большая война, кровавые репрессии. Началась была перестройка после XX съезда, да на том и кончилась. Пока мы примерялись, сомневались

и осматривались, а наши писатели выискивали крылья серафима на спине у палача, сам он снова водружился на стеклах автомобилей и в душах многих людей.

В том, что «хрущевская» перестройка не состоялась, вина и наша, всех тех, кому сегодня за 50. А «застой» и вовсе дело наших рук. Будем справедливыми — вина неравная: кому-то было 20, а кто-то уже не одну «собаку съел» в высоком кресле руководителя, но виноваты все-таки все сообща! Так что и исправлять надо всем вместе — ташаром!

Мудрец сказал: не тот дурак, кто спотыкается, а тот, кто на том же месте спотыкается дважды! Сейчас особенно ясно становится: перестройку надо защищать!

В марте я 20 дней пробыл в Баку. Ездил, чтобы узнать, что к чему. Ни в нефтяном техникуме, где учился, ни на заводах «черного» города, где работал, ни в среде потомственной интеллигенции, где рос, я не встречал, чтобы азербайджанцы строили отношения со своими соседями по национальным признакам. Да нет, сколько ни пытаюсь вспомнить, не было этого! Позволю себе утверждать: сегодня Баку интернационален. Да он по большому счету и не может быть другим: это вот уже полтора века сузубо рабочий город. Пожалуй, с самыми давними пролетарскими традициями. Откуда вдруг у моих соотечественников появился воинствующий национализм? Нет, не то чтобы его раньше не было вовсе. Бывал. По мелочам, этаким «кухонным», «бытовым», в небольших дозах на уровне «лавочников», не более того.

Да, но Сумгаит конца февраля ведь был! Озверевшие ублюдки грабили, жгли, насиловали, убивали! Был же этот срам, этот национальный позор на нашу голову! И не где-нибудь, а именно в «молодом» рабочем городе Сумгаите, где живут люди самых разных национальностей, в том числе и наиболее близкие нам по духовной и бытовой культуре армяне. И это при том, подчеркиваю, что редко бывает, чтобы жизнь, культура и быт двух этнических и религиозно-разных народов были так сплетены органически, как у нас и армян. Беречь и беречь, гордиться надобно нам этим веками сложившимся единством.

В Баку мне говорили о «специфике» Сумгаита, об особенностях его людского контингента... Все так. Но что все-таки «двинуло» погромщиков? Кто «сплотил» их под «флагом» национализма? Никан не укладывался в логику версия о национализме так, как это трактуется после событий.

Как бы там ни было, а шумиха по поводу административной принадлежности Нагорного Карабаха, бандитская вылазка в Сумгаите прежде всего на руку силам, стремящимся задуть демократизацию.

Убежден, что события в Алма-Ате, националистическая затея в Степанакерте, погром в Сумгаите, письмо в «Советской России» от 13 марта, в котором преподаватель химии с завидной осведомленностью и публицистической бойкостью пера «не может поступиться принципами» кровавого топора, и слезные прошения в защиту сталинизма и призывы оградить от «нападок» карате-

ля и палача — все это ипостаси одного бога, бога реакции. Реакции на демократизацию и неизбежное перераспределение власти.

Акиф Рза-кули оглы НАДЖАФОВ,
пенсионер,
бывший фронтовик,
полковой разведчик
Душанбе

И. Волгин («Огонек» № 27) поднял вопрос о недопустимости «исправлений» истории с помощью фигуры умолчания. Хочу обратить внимание на другие, на первый взгляд безобидные способы.

Происходящая, хотя и с запозданием, посмертная реабилитация жертв массовых репрессий, восстановление их честного партийного и гражданского имени воспринимается с удовлетворением как современная переоценка событий прошлого. Но что может означать процедура формального посмертного восстановления в партии, например, Н. И. Бухарина? А если восстанавливать, то «и генерала, и рядового» — список их огромен; соответственно следует исключить всех, кто был виновен в извращениях принципов социализма. Это также вступит в противоречия с историческими реалиями того времени.

Сомнительно и посмертное восстановление Б. Пастернака в Союзе писателей. Его исключение — факт истории литературы. Поэт умер изгоем, отменить его исключение уже невозможно, можно лишь осудить, что совсем не одно и то же.

Чувство меры и исторической дистанции порой изменяет и при посмертных награждениях и присвоении званий. Никому не придет в голову наградить орденом «Победа» фельдмаршала Кутузова, отменить гражданскую казнь Чернышевского или восстановить М. Горького в почетных членах Императорской Академии наук. Предложений по наведению «порядка» в истории не счесть: тех посмертно исключить, других — приговорить, третьих — наградить, четвертым — присвоить звание, у пятых — его снять и т. д. спустя 10, 40, 50 лет и более.

Не пора ли нам понять, что факты истории неприкосновенны? Парадоксы, порой трагические, сопровождающие любую эпоху. Все это штрихи истории, свидетельства своего времени. Их необходимо изучать, постигая обстоятельства и причины, давать им оценку, делать выводы.

«История злопамятнее народа», — писал Карамзин. В ней не должно быть ни заклеенных, ни подчищенных строк.

Е. Ф. БУРШТЕЙН,
геолог
Москва

Поддерживаю рабочего из Читы Г. Кочергина («Огонек» № 19); предлагающего упразднить районное звено управления в городах, подобных Чите. Курск тоже сравнительно небольшой город, насчитывающий около 400 тысяч жителей, а имеет по три райкома партии, три райисполкома, три райкома комсомола и т. д. Нужны ли такие разбухшие штаты командного руководства?

Но я как журналист хочу сказать и о другом. Взгляните на многотиражные газеты. На них жалко смотреть. Даже сейчас, в эпоху перестройки и гласности, они в большинстве своем «беззубые» регистраторы событий. В лучшем случае изредка увидишь на их страницах критику, да и ту в адрес какого-либо «стрелочника». А кого они могут еще критиковать, если на каждой такой двух- или четырехполоске написано, что газета является органом парткома (раз), завкома профсоюза (два), комитета ВЛКСМ (три) и дирекции (четыре)?! А поскольку она четырежды орган, то должна и вести себя соответственно: не причинять неприятностей своему многоликому начальственному организму. Кроме того, многотиражками руководят райком и горком партии (у них почему-то нет печатных органов) и, разумеется, сектор печати обкома КПСС. Как говорится, у семи нянек...

В каких порой невыносимых условиях работы находятся редакции многотиражек! Их сотрудники вроде бы числятся и получают зарплату на предприятии, а премии — как посмотрит райком партии. В штате не предусмотрены ни машинистка, ни фотограф. Это же уму непостижимо! Как можно без них выпускать номер? Ютятся они, как правило, в таких помещениях, что в них нельзя не только работать творческому человеку, а и читателю зайти стыдно: тесно, темно, потолки текут, мебель «на тебе, боже, что нам негоже». Вспоминаю, как в бытность мою редактором многотиражки нам по прихоти руководства предприятия приходилось неоднократно кочевать в поисках места, выслушивать наказы за то, что не того товарища «побеспокоили» печатным словом, и т. п. Вот откуда крик души многотиражников, которых преследуют за критику (публикации в «Социндустрини»).

На мой взгляд, нужна радикальная реформа печати. Не открывать новые, как это делается у нас сейчас, а упразднить все многотиражки. Вместо них создать городские газеты. Надо ли говорить, как они необходимы горкомам партии, как поднимутся авторитет и действенность печатного слова?

Л. Н. БОЧЕНКОВ,
член Союза журналистов СССР
Курск

С большим интересом читаю ваши публикации. Из них мы, работающие за пределами Родины, черпаем все то новое, что происходит сейчас в стране, прежде всего в вопросах развития демократии, гласности, просто уважительного отношения к человеку.

И вот, по-моему, резким диссонансом в общем перестроечном процессе является решение Госкомиздата СССР отменить начавшуюся еще в 1986 году подписку на «Библиотеку пионера» в 16 томах. Спокойно взяв у подписчиков деньги, а у живущих за границей — иностранную валюту еще в 1985 году, пользовавшихся ими на свои нужды, Госкомиздат через три года, не сообщив мотивов, уведомляет своих кредиторов, что он раздумал отдать то, за что взял

деньги. Правда, высокопоставленный должник дает своим подписчикам «широкое» право выбора: подписаться на Фейхтвангера в 6 томах или забрать деньги назад. Что и говорить, жест поистине царский. Ну, а если у меня уже есть подписка на Фейхтвангера или я не желаю на него подписываться? Как быть? Три года Госкомиздат пользовался нашими деньгами. Почему Госкомиздат в наши дни так бесцеремонно диктует свои условия, даже не пытаясь что-то объяснить? Мол, что бы мы ни решили, все пройдет, ведь на книги голод, что предложим, то и возьмут. Где же уважение к человеку?

Руководители Госкомиздата в своих выступлениях много говорят о перестройке издательского дела в стране. Так как же совместить эти слова с делом?

Не знаю, почему вышло решение об отмене издания «Библиотеки пионера», которая, по-моему, очень нужна нашим детям, но в любом случае Госкомиздат обязан был все объяснить подписчикам и предложить взамен подписку по их усмотрению, а не навязывать свой вариант. Так было бы справедливо и в духе времени.

Недавно узнал, что подписка на Тургенева, за которую было уплачено в 1987 году, также отменяется. В голове не укладывается, какой еще спортизм преподнесет нам такой «солидный» партнер, как Госкомиздат.

В связи с этим хочется задать вопрос: существуют ли вообще юридические гарантии от подобного произвола и если да, то как они должны срабатывать в подобных ситуациях? Кто должен защитить рядового гражданина от произвольных решений высоких ведомств?

В. А. ЛИХТМАН,
советский специалист,
работающий в МНР

Когда бричка Чичикова въехала в губернский город NN, два мужика сделали кое-какие замечания, а именно: «Доедет то колесо, если б случилось, в Москву, или не доедет?»

Не знаю, какую именно губернию имел в виду Гоголь, но вопрос тех мужиков остается удивительно актуальным для всех колес, что катятся по дорогам Псковской области. Ехать по ним в прямом смысле слова опасно для жизни. Это дороги для самоубийц.

Да, как говаривал другой русский гений, дороги наши плохи. Но даже на общем унылом фоне Псковщины выделяется в худшую сторону. Стоит пересечь границу Ленинградской области или с другой стороны границы прибалтийских республик, и сразу видишь удручающую разницу. Создается впечатление, что на дорогах Псковщины в отличие от всех иных мест война кончилась только вчера. Посреди проезжей части подстерегают вас глубокие дыры, и каждая из них грозит бедой.

Говорят, что хозяйина области можно узнать по состоянию дорог. В таком случае заслуживают ли руководители Псковщины своего положения? А если нет, то для чего они занимают свои кресла?

Юрий АЛЯНСКИЙ,
член СП СССР

Перестройка... Решили и мы с мужем, несмотря на свой преклонный возраст, принять в ней посильное участие.

У нас в Павловске (пригород Ленинграда) на берегу реки Славянки стоит разрушенный фонтан «Мальчик с дельфином». С 1945 года он не работает. И вот мой муж (по профессии

он горный инженер) загорелся идеей восстановить его на общественных началах. Моя роль заключалась только в моральной поддержке, которая в дальнейшем оказалась просто необходимой. Получив разрешение горсовета и заручившись поддержкой с его стороны, муж приступил к работе. Не буду описывать его «хождения по мукам» по разным организациям, скажу только, что ему удалось расшевелить людей и убедить, что фонтан необходим людям не меньше, чем хлеб наш насущный.

Удалось заменить прогнившие трубы, отремонтировать скульптуру, восстановить вазу, и фонтан заработал. Самое деятельное, бескорыстное участие в восстановлении фонтана принимали школьники, дети с нашего двора, и даже дошкольники просили: «Дайте нам работу потруднее, мы тоже хотим в шахту».

Теперь, когда фонтан заработал, появилось столько желающих помочь! И штукатуры, и слесари, и сварщики — всех не перечтешь. Спасибо им! Народ радуется и благодарит. Эта эпопея тянется третий год. Мечтали закончить все к XIX партконференции, но, увы... скоро сказка сказывается... особенно на общественных началах. Главное — цель достигнута: народ радуется, детвора в восторге.

Н. Н. МИТАСОВА
Ленинград — Павловск

В «Огоньке» № 22 опубликована статья К. Рудникова «Крушение театра» о В. Мейерхольде.

Статья интересна рассказом о тех незаметных героях, которые спасли хотя бы часть архива Мейерхольда, жалостью к мученику. Приятно было прочесть и о благородстве Станиславского (Мейерхольд так шельмовал его, так приписывал ему политические промахи, что было бы понятно, если бы и он кинул камешек).

Но сам Мейерхольд не был святым. Страстность и нетерпимость, которыми он отличался, может быть, и неразлучны с художественной натурой. Не он первый, не он последний отличался этим. Хуже то, что с его именем связана «мейерхольдовщина» — жестокое и грубое давление в пользу «единственного рабочего-крестьянского метода в искусстве, метода Мейерхольда». А о том, что собой представлял этот метод, можно прочитать у Ильфа и Петрова. Постановка «Женитьбы» содержит карикатурного очень немного. И опять-таки даже не в этом основная беда. Беда в том, что Мейерхольд был одним из тех, кто бился за культ собственной личности, что он использовал все средства, чтобы сокрушить, изгнать всех тех, кто ему не слишком кланялся.

Одно время Мейерхольд занимал крупный пост в Наробразе, ведая театрами. Именно там он «раззудил плечо — размахнул рука». Тысячи людей лишились работы из-за него, а количество творческих драм и не перечислить.

Я был слишком мал, чтобы в те времена разбираться в хитросплетениях искусствоведческих и политических интриг, но помню, что кампания против Мейерхольда вызвала скорее злорадовство: Мейерхольд был всех, теперь его быют — жизнь справедлива. Именно Мейерхольд бился за то, чтобы художественные поиски рассматривались с политических позиций. Создался аппарат, который повернулся против него.

Мейерхольда реабилитировали давно. В театральном кругу его имя пользуется большим уважением. Пора сказать и правду, что он

был не только ярким новатором, но и примитивным чиновником от искусства. У него есть как талантливые открытия, так и грубые ошибки. И если мы жалеем его как одного из мучеников культуры личности, если можем воспользоваться некоторыми его открытиями, то его теории и административные методы руководства заслуживают лишь порицания.

Автор статьи о Мейерхольде должен был объективно показать образ режиссера в его сложных противоречиях, и его талант, и его трагическую судьбу.

Э. Г. ДЕМЕНТЬЕВ
Череповец

В наше время доказывать значимость науки в развитии общества — это все равно, что ломиться в открытую дверь. Особенно велика ее роль в период перестройки. Об этом за последние годы мы слышали с трибун различных форумов. Об этом говорится и в «Тезисах» к XIX партконференции. В развитии науки центральным всегда был и будет «человеческий фактор». Науку делают люди. В ряде важных партийных и правительственных решений наметен ряд прогрессивных мер, направленных на умножение, воспитание, повышение квалификации, создание оптимальных условий работы научных кадров. К числу таких положительных шагов следует отнести и решение общего собрания Академии наук о ежегодном обновлении на 3—5 процентов научных кадров за счет притока молодежи.

Все это хорошо и правильно. Но в кадровой политике в науке получились некоторые «перекося», которые могут иметь очень нежелательные последствия. Дело в том, что для «омоложения» кадров, как правило, никаких дополнительных штатов не дается. Места для молодежи освобождаются за счет ухода на пенсию лиц, достигших пенсионного возраста. Научных сотрудников, директоров научных учреждений, достигших этого рубежа, почти насильно увольняют на пенсию. В ряде случаев это бывает, когда увольняемый находится в полном расцвете творческих сил, активно работает в науке, имеет учеников и т. п. В особенности в области биологических наук знания и эрудиция ученого накапливаются постепенно, что связано с освоением огромного фактического материала. И подчас получается парадокс. Ученый, ставший крупным специалистом, имеющий в своей области мировое имя, вынужден прекратить работу, хотя знания и опыт его очень нужны.

Для ученых, имеющих ученую степень доктора наук, еще существует возможность стать «консультантом» с минимальной оплатой. К сожалению, эти возможности тоже очень ограничены. Для научных сотрудников, имеющих степень кандидата и тоже подчас являющихся крупными специалистами, и такого пути нет. Они не могут стать консультантами и должны убираться «восвояси». Я уже не говорю о моральной стороне проблемы, когда активно работающий человек «вдруг» оказывается за бортом жизни.

Разумеется, не может быть общего решения для всех ученых, достигших пенсионного возраста. Полагаю, что каждый отдельный случай должен быть рассмотрен Ученым советом института.

Вопрос этот действительно важен. Уже сейчас во многих научных учреждениях (я это хорошо знаю, так как нахожусь «в гуще событий») имеют место нездоровые явления, связанные с тем, что работоспособ-

ные, творческие люди вынуждены оставить работу... А ведь для настоящего ученого вся жизнь в творческой работе!

Ю. И. ПОЛЯНСКИЙ,
член-корреспондент АН СССР

В районном отделении «Союзпечати» мне отказали в оформлении подписки на «Огонек», «Аргументы и факты», «Знамя», ряд других изданий. Все эти издания объединяет то, что они занимают не выжидательную, а активную творческую позицию к политике партии на перестройку.

Я не могу представить себя без «Огонька», «Знамени», «Октября». Я не могу без этих журналов эффективно вести свою повседневную партийную работу (я — партгруппорг).

Считаю приказ министра связи СССР об ограничении подписки на эти издания сомнительной акцией по отношению к перестройке или, по крайней мере, результатом косной шаблонности бюрократического мышления с его готовностью запрещать, ограничивать и вообще «не пущать». Уверен, что при свободной подписке произойдет не перегрузка полиграфической базы, на что любят ссылаться не любящие (или не умеющие) рассуждать чиновники, а перераспределение тиражей в соответствии со свободно выраженной волей подписчиков, то есть народа.

Ю. Н. ЧЕХОВОЙ,
доктор технических наук,
ведущий научный сотрудник
Института кибернетики
имени В. М. Глушкова АН УССР

Последние дни непрерывным потоком в редакцию идут письма, телеграммы, раздаются телефонные звонки... Рабочие, служащие, учащиеся, пенсионеры, ученые, писатели — все задают один вопрос: «Как подписаться на «Огонек?»

Положение, действительно, очень серьезное. Вот некоторые факты распределения лимита на «Огонек» и другие издания на различных предприятиях и в учреждениях:

4-я Градская больница Москвы — на 2 тысячи сотрудников один «Огонек» и одна «Литературная газета».

Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) АН СССР — как нам сообщили в парткоме, на тысячу сотрудников получил 20 экземпляров «Огонька».

Звонок из Ленинграда: рабочий Метростроя сообщил, что многотысячный коллектив метростроителей фактически остался без подписки — так мало выделили экземпляров «Огонька».

Телеграмма из Одессы: на экипаж теплохода «Брянский» — один экземпляр журнала. Подпись: председатель профкома судна Кошелев.

И, наконец, редакция журнала «Огонек» досталось 8 экземпляров собственного журнала.

С просьбой оказать содействие в подписке на журнал в редакцию обратились академик Д. Лихачев, писатель А. Рыбаков, литературовед В. Турбин, критики В. Лакин и В. Оскоцкий, социолог И. Кон.

Что же нам ответить подписчикам?



Наш адрес:
Москва,
101456, ГСП,
Бумажный проезд, 14.

ТОВАР

Николай ПЕТРАКОВ,
член-корреспондент
Академии наук СССР



И

РЫНОК

В ПЛЕНУ ДЕФИЦИТА

От нашего рынка устали все, кто с ним соприкасается. Не прекращаются десятилетиями жалобы хозяйственников на перебои в снабжении, на необязательность поставщиков, на низкое качество сырья. О населении и говорить нечего. Товары у нас давно уже не продают, а «выбрасывают», не покупают, а «достаю». До сих пор не потеряло своей актуальности шуточное определение очереди как социалистического подхода к прилавку. Однако не до шуток, когда ежедневно десятки миллионов советских людей сталкиваются с ситуациями: деньги есть, товара нет; товар есть, деньги есть, но нужны еще и какие-то талоны, или пропуска, или удостоверения на право... а то еще и справка из загса (о том, что он и она предполагают вступить в законный брак), именуемая, правда, «приглашением» в спецмагазин.

Что же это за экзотические формы производства и распределения продуктов и услуг? С одной стороны, говорят, чем лучше будешь трудиться, тем больше заработаешь. С другой, — оказывается, что заработок не так легко обратить в нужные товары, а иногда и просто невозможно.

Некоторые советские экономисты считали (да и считают сейчас, но временно молчат), что такая система отношений представляет одно из коренных преимуществ социализма. Западные советологи полагают, что именно здесь заложен главный порок экономики социализма. Но те и другие трогательно единодушны в том, что натуральный по сути и денежный по форме способ организации хозяйственной жизни внутренне присущ социализму, что «нормальный» рынок и социализм просто взаимоисключающие понятия. Стихия рынка! — панически восклицают поборники планомерности, заметим, той самой «планомерности», которая привела нас на грань кризиса, к тем удручающим диспропорциям и узким местам, один перечень которых потребовал не один десяток страниц партийных и правительственных документов, появившихся после марта 1985 года.

Почему же стихия? Ведь если научно обоснованно планируются объемы, ассортимент и качество выпускаемой продукции, денежные доходы предприятий и населения, то есть все факторы, лежащие как на стороне предложения, так и спроса, то это и есть планомерность, понимаемая как постоянно и сознательно поддерживаемая пропорциональность. Дефицит, выпуск ненужного

или недоброкачественной продукции, очереди, рост незавершенного строительства, деньги, не обеспеченные товарами, — вот что такое стихия, анархия, сколько бы ни клялись преимуществами плановой системы хозяйствования, сколько бы ни утверждали народнохозяйственных, республиканских, отраслевых и тому подобных планов.

Сбалансированный рынок создает условия для эффективной реализации основных принципов социализма, идей социальной справедливости. Прежде всего это касается закона распределения по труду. Заработная плата, как бы совершенна она ни была, как бы точно она ни отражала вклад каждого работника в достижение конечных результатов, должна быть отоварена не вообще, не в среднем, а конкретными товарами, пользующимися спросом. Иначе вся конструкция материальных стимулов, хозяйственного интереса рухнет. «Архангельские мужики», семейные и иные подрады, кооперативы останутся единичными маяками, дающими пищу не столько населению, сколько журналистам и писателям, если их политые потом и кровью высокие заработки не смогут воплотиться в модные и добротные промышленные товары, строительные материалы, путевки в санатории и круизы. Захлебнется и социалистическое самоуправление, столкнувшись с тем, что на заработанные деньги нельзя не только построить жилой дом для рабочих, но и купить новое оборудование. Вообще оздоравливающую демократичность честно заработанного рубля мы многие годы недооценивали. Забывая, что она проявляется только в условиях сбалансированного рынка, на товарно-денежные отношения навешивали все смертные грехи. И спекуляцию, и коррупцию, и подпольный бизнес, и вешизм.

В действительности же все не так, как в директивных учебниках политической экономии, впитавших в себя идеи Сталина, изложенные им в работе «Экономические проблемы социализма в СССР». Эта работа стала своеобразной библией экономистов еще до ее появления в печати. Сначала, как и полагается, божественные откровения были доведены до сведения избранных, тех, кто готовили текст учебника. Сам учебник был задуман как катехизис, призванный ввести единомыслие в экономическую науку. Почва для этого акта была подготовлена давно. Светлые головы экономической науки к этому времени уже сошли со сцены, были «выдворены» из жизни или из науки. Кстати, были у экономистов и свои презенты, были и галилеи. Но к началу 1951 года полигон для ясновидящего

был окончательно расчищен. Молодая поросль экономистов, воспитанная на нигилизме к достижениям своих предшественников, ждала чуда. И чудо свершилось в виде небольшой брошюры, где закон стоимости объявлялся хотя и объективным, но все-таки «не нашим». Посему этот закон, сферу его действия следует ограничивать и использовать только там, где еще социализм продолжает делать вынужденные уступки незрелой колхозно-кооперативной собственности, а также собственности личной (одежда, мебель, детские коляски и т. п.).

Но если мы направляем свою энергию на борьбу с самим законом, позволяем себе не считаться с объективной реальностью, то мы тем самым создаем сюрреалистический экономический мир, который десятикратно перекрывает самые необузданные фантазии Сальвадора Дали.

Возникает мир, в котором рубить баранью тушу выгоднее и престижнее, чем проводить тончайшую хирургическую операцию; где поощрение за ответственную работу по управлению целыми хозяйственными комплексами осуществляется не столько на базе денежного вознаграждения, сколько с помощью сосисок, карбоната и вырезки; где существуют низкие цены на товары, которых нет в магазине, а дорогие, но высококачественные товары периодически поступают в торговую сеть в последние числа месяца, квартала и года; мир, в котором бессмысленно истратить ресурсы выгоднее, чем их сэкономить, потому что последнее приведет к урезуванию фондов на следующий плановый период или к снижению показателей темпов и объемов; и, наконец, где отчет о результате важнее самого результата, а производство важнее потребления, ради которого производится собственно и организовывалось.

Дефицит — это экономическая болезнь социализма. Пора об этом сказать вслух и именно нам. Вслух, потому что кулуарно об этом уже не один десяток лет говорят все здравомыслящие советские экономисты, а теперь уже не только экономисты; нам, поскольку весь мир трубит о дефицитном облике советской экономики, превращая его (этот облик) в пугало для третьего мира, не говоря уже о направленной девальвации идей социализма среди прогрессивных сил развитых капиталистических стран. Да, дефицит — это болезнь, но излечимая силами самого социализма. Реальный способ лечения нашего экономического недуга, больно бьющего и по нашему идеологическому и политическому престижу, следует

ДЕНЬГИ МОГУТ СТАТЬ ДЕНЬГАМИ,
ТО ЕСТЬ
ИСТИННЫМ МЕРИЛОМ ЗАТРАТ И РЕЗУЛЬТАТОВ,
ТОЛЬКО ПРИ НАЛИЧИИ
СБАЛАНСИРОВАННОГО РЫНКА.
БЕСТОВАРНЫЙ,
ИЛИ «ДЕФИЦИТНЫЙ», РЫНОК —
ЭТО НЕ РЫНОК, А ЖАРЕННЫЙ ЛЕД,
КВАДРАТНОЕ КОЛЕСО.

искать не в отходе от социализма, а в ликвидации его деформаций.

Одна из главных деформаций в экономической области заключается в отрицании того очевидного факта, что в конкретных условиях социалистического обобществления производственных ресурсов закон стоимости, рынок работают на социализм. Задачи максимального насыщения общественных и личных потребностей, обеспечения истинной планомерности, справедливого распределения по труду могут быть решены только при организации и постоянном поддержании сбалансированного рынка, нормализации денежного обращения, обеспечении твердого курса рубля.

О бюрократизме в последние месяцы написаны сотни страниц, есть и специальная, блестяще составленная резолюция XIX партконференции. Поэтому, лишь обозначив этот глубинный противовес рынку, позволю себе обратить внимание читателя на то обстоятельство, что экономический бюрократизм обладает стандартными чертами этого явления общественной жизни. Это прежде всего сверхконцентрация власти в сфере распоряжения хозяйственными ресурсами. Во-вторых, обезличка при принятии конкретных решений и оформление мнения аппарата (читай: клерка) как мнения инстанций, облеченных общественным доверием. И, в-третьих, полная безнаказанность за неблагоприятные для государства последствия своих действий в силу отсутствия механизма экономического возмездия за ошибочную хозяйственную политику (просьба не путать с возможностью административного наказания, как правило, за неподчинение приказам и указаниям вышестоящих звеньев, что имеет мало общего с ответственностью за нанесенный народному хозяйству ущерб).

Так вот, самореализация экономической бюрократии во всех трех вышеуказанных ипостасях совершенно невозможна при наличии четко и неумолимо действующего хозяйственного механизма, быстро реагирующего на любые шаги, идущие вразрез с требованиями экономических законов. Чтобы развязать себе руки, необходимо прежде всего дискредитировать такой механизм, свалив на него все беды, вызванные неправильными экономическими решениями, некомпетентной хозяйственной тактикой и стратегией. Непомимо растут государственные расходы, при которых экономические обязательства покрываются с помощью неуместной эмиссии денежных знаков без соответствующего товарного покрытия, — виноват «буржуазный» закон де-

нежного обращения, который мешает строительству социализма. Растет спекуляция, взвинчиваются цены черного рынка, падает покупательная способность рубля — опять-таки это не нарушение элементарных законов воспроизводства, а происки закона стоимости, который ставит палки в колеса политике сверхвысоких темпов индустриализации. Исчезает материальная заинтересованность в росте производительности труда в силу оскудения потребительского рынка, падения темпов развития легкой промышленности и деградации сельского хозяйства — значит, не вытравлена еще до конца из сознания трудящихся мелкобуржуазная, мешчанская психология потребительства, вещизма, преклонения перед западным образом жизни. И так до бесконечности. Вор кричит: держи вора! И люди раз за разом попадают на эту нехитрую уловку. А политики потирают руки и приговаривают: «Такой нехороший закон стоимости, но вынуждены его пока сохранять и использовать... в своих политических целях».

ОТ БАРЩИНЫ — К ОБРОКУ

Когда я учился в университете, курс политической экономии читал нам профессор Козодов, личность незаурядная. Многие студенты его не любили за строгость, вездливость, безапелляционность. А он любил теорию земельной ренты. Этот раздел курса он читал вдохновенно, с упоением, с особым артистизмом. Особенно ему нравилось разъяснять студентам, как исторически менялись формы взаимоотношений земельных собственников и крестьян и как эти изменения сказывались на развитии производства, на укреплении экономического интереса к рачительному использованию земельных угодий. В России большое распространение получила и закрепилась на века барщина. Крестьянин отрабатывал свою повинность на полях помещика в течение нескольких дней в неделю, а в остальные дни имел возможность обрабатывать свой надел, находившийся в его фактическом пользовании. С точки зрения эффективности земледельческого труда (я уже не говорю о социально-гуманистической стороне полурабского закабаления труженика) барщина имела массу негативных черт. Крестьянин, работая на поле помещика, естественно, не стремился «выкладывать», работал буквально из-под палки. Необходим был неусыпный глаз разного рода надсмотрщиков, контролеров. Существовала и детально разработанная система наказаний, индивидуальной и коллективной ответственности. Тотальный и скрупулезный контроль за подневольным трудом крепостных рождал иногда и комические формы. Помните сцену сбора урожая в усадьбе Лариных:

*В саду служанки, на грядках,
Сбирали ягоды в кустах
И хором по наказу пели
(Наказ, основанный на том,
Чтоб барской ягоды тайком
Уста лукавые не ели
И пеньем были заняты:
Затея сельской остроты!).*

Однако даже консервативный русский помещик, не говоря уже о «просвещенном» западном феодале, со временем убеждался, что следить за голосистостью пейзажа и содержать армию надзирателей довольно накладно. На рубеже тридцатых годов корабль нашей экономики решительно развернулся и лег на курс феодально-командной системы управления, причем не только аграрным сектором, но и всем народным хозяйством. И этим курсом шел

десятилетиями. Это стало привычным, обыденным уже не только для капитанов, но и для младших по званию, включая даже матросов и юнг. Потребовался апрельский (1985 г.) Пленум ЦК КПСС, чтобы активные «пассажиры» и критически мыслящая часть «команды» поставили под сомнение эффективность непогрешимого способа вовлечения народа в процесс строительства социализма.

Теперь мы все говорим: нужны экономические методы управления, необходимо больше демократии, то есть социализма, требуется повысить и заинтересованность, и ответственность. И уж совсем резко: государство не отвечает по долгам предприятий, а предприятие не отвечает по обязательствам государства. Это, конечно, не означает, что взаимные обязательства государства и трудовых коллективов исчезают. Напротив, они четко фиксируются, но вводятся в юридические рамки, за пределами которых «дружба дружбой, а табачок врозь». Это, по сути, и есть возврат к ленинскому продналогу (сначала натуральному, а потом денежному оброку). Давайте же наконец называть вещи своими именами.

Аналог ленинской новой экономической политики ныне у всех на устах и на слуху. Мол, вперед, к нэпу! Однако забывается, что теперь осуществить поворот государственного корабля на идеологию продналога существенно сложнее, чем в начале двадцатых годов. Казалось бы, парадоксальное утверждение. Ведь тогда — нищета, разруха, контрреволюционные элементы (не высосанные из указующего перста гения всех времен и народов, а реальные). Сейчас всего этого нет. Но нет и крестьянства, сросшегося с землей-кормилицей, готового дневать и ночевать на своей делянке, спасая урожай, заготавливая корма, готового пойти на смертный бой за эту самую землю и победить хорошо обученные армии денкиных — врангелей, и отвернуться от бунтарей-анархистов, и выступить за справедливую твердую власть, которая гарантирует крестьянину свободное землепользование. Туго нынче стало и с инициативными людьми, знающими не столько, на чем можно заработать, а как вести хозяйство фундаментально, не ориентируясь на настроение начальства или сиюминутную конъюнктуру дефицитного рынка. Исчезли практически и навыки управления, базирующегося на гибкой и отточенной до мелочей финансовой политике.

Долгие годы воспроизводились, тиражировались специалисты, руководители, управленцы, которым экономические методы были просто не нужны, а скорее даже противопоказаны. Это не их вина, а наша общая беда, коль скоро разговор о перестройке системы управления экономикой переходит в стадию практических действий. Поэтому, глядя правде прямо в глаза, следует признать, что многочисленной армии управленцев надо не только сокращаться, не только перестраиваться, но и переучиваться. И сложность нынешней ситуации в том, что необходимо переучиваться на ходу, и именно тем людям, которые уже занимают какие-то посты или места в управленческой иерархии.

Ведь они смотрят на подведомственные трудовые коллективы, как на неразумных и шkodливых детей, или ощущают себя реальными «слугами народа».

Художественные и документальные кинофильмы, корреспонденции с колхозных и совхозных полей, романы и научные трактаты долгое время пытались убедить всех нас, что для труженика, производственного коллектива нет большей радости, чем расстаться с плодами своего труда. До сих пор

триумфально со знаменами движутся по кино- и телеэкранам колонны грузовиков с зерном, хлопком, сахарной свеклой, направляясь прямоком на заготовительные пункты и элеваторы. Праздник и ликование в кадре, оплата за сданную продукцию — за кадром. Я не призываю к тому, чтобы документалисты вместо автоколонн с зерном начали бы показывать бухгалтерии. Нет, это правда жизни, философия нынешнего управленца. Главное — взять и отчитаться. Чем больше отобрал, тем лучше работаешь. Поэтому не зазорно отобрать девяносто процентов, а то и перечислить в бюджет (при отсутствии прибыли) оборотные средства предприятия. Столь же нормально забрать план, второй план и еще наложить руку на семенной фонд. Потом, правда, из бюджета или из госрезерва можно выдать необходимые ресурсы. Но степень этой необходимости определяет управленец лично. А главное, он как бы одаривает производителя милостью державы, перед которой тот отныне если не в материальном, то уж в моральном долгу навек. И заодно в долгу перед конкретным распределяющим лицом.

Непомерный, выходящий за рамки социальной справедливости и экономической разумности налог — это по сути своей та же барщина. Поэтому, когда речь идет о переходе от военно-казарменных методов управления производством к экономическим и, в частности, об использовании экономических нормативов распределения доходов, о налоговой системе, важно помнить, что это еще не панацея от всех экономических бед. Это лишь внешняя и, конечно, необходимая форма, которую незамедлительно надо наполнить соответствующим экономическим содержанием, дабы не дискредитировать саму форму в одночасье. А содержание заключается в принципиальном изменении подхода к пониманию системы взаимоотношений между функциональными звеньями живого экономического организма.

Спору нет, общественная собственность на средства производства — краеугольный камень социалистической экономики. Также очевидно, что социалистическое государство играет существенную роль в жизни общества и в том числе в организации народного хозяйства. Но какую роль при всем при этом должен играть государственный чиновник? Ведь основными действующими лицами являются общество — производственный коллектив — работник. Важно, как между ними складываются отношения. Общество доверяет на определенных экономических условиях конкретному трудовому коллективу часть общенационального достояния (аренда с заранее обусловленным размером платежей за предоставленные в пользование производственные ресурсы — землю, здания, оборудование).

Член трудового коллектива получает право контролировать хозяйственную деятельность избранной с его участием администрации и вообще активно участвовать в управлении производством, что зафиксировано в Законе о предприятии. А что же чиновник? Он хочет исполнять роль общества. Так сказать, «от имени и по поручению». Хочет-то хочет, но кто ему даст? Однако он в своих действиях исходит из известного афоризма: власть не дают — власть берут! А поскольку де-факто власть у него еще сохранилась от прошлых застойных и предзастойных времен, то позиция чиновника выглядит даже миролюбивой или, во всяком случае, не агрессивной: «Ну-ка, отними!» (так называется конфета, которой нет в широкой продаже четверть века). А ведь на самом-то деле роль чиновника в этой экономической пьесе чисто

вспомогательная, обслуживающая: он не режиссер, не автор сценария, а скорее суфлер, осветитель, машинист сцены... Не знаю, согласится ли с такой вольной аналогией читатель, но что возмутится чиновник — уверен на сто процентов. И, к сожалению, будет прав. Его ключевое положение в организации реального «обмена веществ» и жизнедеятельности экономического организма практически сохранилось без изменений. Произошла на сегодняшний день лишь моральная девальвация административно-командных методов руководства. Маловато, если учесть, какой общественно-политический нажим был оказан на эти методы в последние годы, в какой «яростный поход» пошли журналисты, ученые, руководители предприятий и колхозов, кооператоры и, наконец, в качестве орудий главного калибра обрушили свой огонь на головы руководителей отраслевых министерств и общезаконодательных ведомств делегаты партконференции. Но министры отмолчались, а ораторы разъехались по рабочим местам. Однако, будучи свидетелями этой устойчивости бюрократической машины, давайте не впадать в крайность. Не надо смиренно склонять голову перед ее якобы всемогуществом. Незачем также паниковать и искать новые концепции перестройки управления экономикой. Концепция июньского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС исключительно емкая и целенаправленная. Сейчас не надо придумывать новые схемы перестройки экономической жизни, а важно выделить главное звено, правильно оценить ситуацию. Политические реформы, которые будут проведены в ближайшее время в полном соответствии с решениями XIX Всесоюзной партконференции, безусловно, создадут «режим наибольшего благоприятствования» для дальнейшего развития и практической реализации программы июньского Пленума ЦК КПСС. Тем не менее этот неоспоримый факт не должен служить поводом для реанимации на новом уровне системы «отфутболивания». Мол, пусть политологи и юристы, поработают, а мы, экономисты, подождем результатов этой перепасовки. Достаточно этих игр.

Чтобы кардинально решить проблему трансформации феодально-командной психологии, ее вытравления из сознания как выше, так и нижестоящих в системе управленческой иерархии, нужно всем миром навалиться на реализацию одной-единственной (но ужасно непростой) задачи: укрепить, — нет, неподходящий термин, поскольку речь идет не о подпорках, — перестроить **денежную систему** нашей страны.

Рубль, не имеющий статуса всеобщего эквивалента, не может быть надежной опорой перестройки в экономике. Единственное и мощное, можно даже сказать, безоговорочное оправдание господства чиновника в экономической жизни нашей страны — картонная система, прямое натуральное распределение ресурсов (пусть формально облекаемое в денежные одежды). Сколько бы ни гневался товарищ Кабаидзе на чиновников, пока на заработанный его объединением рубль нельзя будет купить все, что нужно объединению, он будет им (этим чиновникам) кланяться. И речь свою на партконференции он будет использовать в рамках административно-картонной формы взаимодействия с вышестоящими хозяйственными органами. Попробуйте, мол, мне теперь не выделить фондов на то на се, когда я вас с такой высокой трибуны прищучил! Хитрый Кабаидзе, просто молодец. Но ведь знает и он, и десятки других руководителей объединений, что заработанный рубль — пустышка, если не взять за горло или не обойти окольным путем чиновника (например, прорваться прямо «на верха» с чело-

битной). А от хорошей ли это жизни? Конечно, от плохой. Тогда давайте займемся деньгами, теми самыми, которых у нас нет, а если бы были, то мы на них ничего не купим или купим не то, что хотим.

ПОСТОРОНИСЬ, СОВЕТСКИЙ РУБЛЬ ИДЕТ!

Выше я вспоминал студенческие годы, но не менее яркие «экономические» воспоминания запечатлелись у меня со школьного возраста. Когда я оканчивал начальную школу, свершилась знаменитая послевоенная денежная реформа. Карточки тоже отменили. Рублю установили золотое содержание. Необычайно престижное, но явно нереальное. Я тогда ничего этого, естественно, не понимал. Но врезался мне в память один плакат, напечатанный, кажется, в «Крокодиле»: идет розовощекий парень по асфальтированному шоссе, а в канавах валяются зелено-синие дряхлые старцы и старухи. На парне написано «рубль», а на бедолагах в канавах — «доллар», «фунт стерлингов», «франк», «лира» и т. д. И так, я вам скажу, было приятно это видеть даже школьнику (или, быть может, только школьнику). Но, во всяком случае, это после войны смотрелось необычно и поэтому, наверное, запомнилось. Не танк, не колхозница со снопом пшеницы идет, а советский рубль! Здорово! Но на этом все кончилось. Время шло. «Было время, и цены снижали», — почему-то сейчас очень модно ссылаться на детские воспоминания Владимира Высоцкого. Очевидно, более старшее поколение помнит, что до этих легендарных снижений цены подскочили в 2—3 раза, почти до уровня цен так называемых коммерческих магазинов.

Ну да ладно. Снижали — повышали, повышали — снижали, не об этом речь. Главное, что рубль стал довольно-таки условной единицей измерения затрат и результатов. Доказывать этот факт советскому читателю не надо. А вот понять, почему послевоенные начинания по укреплению денежной системы не получили развития, пожалуй, стоит. Ответ довольно очевиден. Да потому, что не было намерения менять командно-феодальную, барщинно-централизованную систему управления производством. Сталин отнюдь не собирался расширять сферу товарно-денежных отношений, использовать рынок, хозрасчет для укрепления социалистической экономики на базе расширения инициативы, интереса к конечным результатам производства. «Можно ли рассматривать средства производства при нашем социалистическом строе как товар?» — задавал себе Сталин риторический вопрос. И отвечал: «По-моему, никак нельзя». Ну, а в сельском хозяйстве стратегическая линия виделась как полный отказ даже от товарных форм и переход к натуральному продуктообмену. «Чтобы поднять колхозную собственность до уровня общенародной собственности, — писал Сталин, — нужно выключить излишки колхозного производства из системы товарного обращения и включить их в систему продуктообмена между государственной промышленностью и колхозами. В этом суть». Так что послевоенная денежная реформа преследовала весьма ограниченные цели. Она не была продиктована стремлением создать прочный фундамент для перехода системы управления на современные экономические методы. Нет, идеалом Сталина был социализм с феодально-барщинной моделью управления экономическими процессами. Формы управления производством должны были находиться в единстве с принципами взаимодействия звеньев надстроечной

иерархии. Сталин не понимал радости Владимира Ильича по поводу того, что нэп позволил найти «ту степень соединения частного интереса, частного торгового интереса, проверки и контроля его государством, степень подчинения его общим интересам, которая раньше составляла камень преткновения для многих и многих социалистов». Этот камень не лежал на пути сталинских представлений о социалистическом механизме ведения хозяйства. Его логика была иной, и в рамках этой логики камень преткновения был как раз нэп. И он был отброшен прочь с дороги. Типичный для того времени способ разрешения противоречий. Вместо поисков согласования в диалектическом единстве индивидуального и общественного интереса — механическое уничтожение, подавление одной из сторон в угоду другой. Но такой путь — лишь иллюзия разрешения противоречий. Подрыв индивидуальной заинтересованности деформирует и общественные интересы, превращая их в ведомственные, групповые, клановые.

Теперь мы вернулись к пониманию нужности реального, живого сочетания личного и общественного, «своего» и «нашего», частного и коллективного. А для решения такой задачи деньги, твердый рубль нужны уже не как декорация, а как жесткая необходимость. «Удастся нам на продолжительный срок, а впоследствии навсегда стабилизировать рубль — значит, мы выиграли... Тогда мы сможем наше хозяйство поставить на твердую почву и на твердой почве дальше развивать» — эти ленинские слова так актуальны, что создается впечатление, что они произнесены вчера, а не две трети века назад.

Чтобы со знанием дела приступить к реализации этого ленинского завета в нынешних наших условиях, следует прежде всего иметь в виду, что в последние десятилетия советская экономика развивается в условиях все нарастающей инфляции. Инфляция эта имеет свои особенности в отличие от аналогичных процессов в капиталистических странах. Поэтому экономисты называют ее по-разному: «подавленная», «деформированная» и даже «отложенная» инфляция. Но все-таки инфляция. Это важно подчеркнуть, потому что еще недавно применение этого термина к советской экономике считалось чуть ли не идеологической диверсией. Теперь это явление стали не только называть своим именем, но и изучать. Объем денежной массы у нас постоянно превышает размеры товарного предложения. Попытки государства сдержать неминуемый в таких условиях рост цен были не всегда удачными, а там, где это удавалось, возникали новые, иногда непредвиденные негативные последствия. К их числу относится прежде всего спекуляция, то есть тот же рост цен, но не в государственном секторе, а на черном рынке. Это приводит к перераспределению доходов между честными тружениками и перекупщиками, которые становятся богаче ровно настолько, насколько мы с вами беднеем, переплачивая.

Другим следствием несбалансированности спроса и предложения является падение качества и фальсификация продуктов и услуг. Формально цены не растут, а с учетом падения качества растут налицо. Например, если из трехкилограммового пакета картошки вы набираете в кастрюлю только треть, то нетрудно подсчитать реальный индекс цен. Далее убогость ассортимента товаров и услуг приводит к так называемым вынужденным сбережениям, когда деньги откладываются не на «черный день», не для покупки в будущем какой-либо крупной и дорогой вещи, а в связи с тем, что купить нечего из того, что хотелось, и в надежде, что,

может быть, повезет позже. Правда, как правило, не везет. Сумма вкладов на сберкнижках с 1970 года возросла более чем в 5 раз и перевалила ныне за 260 миллиардов рублей. И, конечно, «классика» социалистического варианта инфляции — это очередь. О ней сложено эстрадных куплетов и анекдотов больше, чем о теще, а легенд и небывлиц — больше, чем о летающих тарелках.

Итак, следующий шаг, который необходимо сделать, чтобы дальше двинуть дело перестройки управления экономикой, — проведение серии энергичных антиинфляционных мероприятий. Кто-то предлагает провести денежную реформу на манер сталинской (1947 г.) или хрущевской (1961 г.). Шаг, безусловно, революционный, будоражащий все без исключения слои общества, но экономически беспомощный, а политически сомнительный. Любая разовая денежная реформа подрывает в той или иной мере доверие населения к государству, перекладывая хотя бы часть экономических «грехов» последнего на плечи трудящихся. Таковы минусы реформы. А плюсы? Они начнут исчезать тут же, на следующий день, месяц, год, если не будут пресечены каналы, по которым избыточные деньги воспроизводятся в нашем хозяйственном механизме. Есть множество средств, чтобы взбудоражить, поднять с постели на день даже тяжелобольного человека, но нам нужны такие лекарства, которые привели бы к полному выздоровлению и при этом желательны с минимальными потрясениями. Опыт многих стран социализма, бравших в разное время курс на экономические методы управления, свидетельствует о том, что в народном хозяйстве начинается лавинообразный рост цен, быстрое обесценивание денег. Не избежали этого ни Польша, ни Венгрия, ни Югославия, ни Китай. Необходимо не только тщательно проанализировать эти процессы, но разработать и реализовать комплекс мероприятий, блокирующих развитие негативных явлений. Июньский (1987 г.) Пленум ЦК КПСС поставил задачу разработки программы финансового оздоровления нашей экономики. Сейчас проект этой программы готовится рядом ведомств. К сожалению, ученые-экономисты в «лучших» традициях застойного периода отстранены от участия в этой работе. Очевидно, здесь срабатывает старый стереотип: чем значительнее проблема, тем в большей секретности ее надо разрабатывать, а секретность легче всего обеспечить, резко ограничив круг допущенных к тайнству лиц. Аналогичная «модель» поведения наблюдается и в отношении подготовки реформы цен (особенно розничных). Ну, что же, недопущение в святая святых подготовки официальных проектов не налагает запрета на высказывание неофициальных мыслей. Ими я и хочу поделиться с читателями.

Первое, что необходимо сделать, чтобы оздоровить наше денежное хозяйство, — это резко сократить нерациональные расходы. Ведь обратная сторона дефицита — избыток денег, которые разными путями накачиваются в народное хозяйство.

Когда поднимается этот вопрос, обычно взгляд общественности сразу падает на огромную армию управленцев и чиновников. Споры нет, ее надо сокращать, хотя не дай бог впасть здесь в очередной административный раж. Ведь мы уже имеем печальный опыт, когда из года в год спускались сверху задания по сокращению административно-управленческого персонала (АУП), что, с одной стороны, ставило предприятия в тяжелые, иногда иррациональные условия,

ЖИВОВАЯ ПАЛИТРА

ПАЛИТРА

Елена МУРИНА

Талант — всегда личность. Значимость художника определяется неповторимостью его личностных позиций в искусстве. Такова очевидная истина, которую подтверждает история искусства, литературы, музыки — вообще всей художественной культуры. Но случались эпохи — и мы тому были свидетелями в течение нескольких десятилетий, — когда нивелирующая сила догматических штампов и всеобщих стандартов глушила и искореняла таланты и личности. Многие ли устояли? Ведь художникам, чтобы быть самими собой, приходилось идти на жертвы и лишения, сужать диапазон своих связей с жизнью и зрителем, вести диалоги лишь с немногими знатоками и ценителями, если таковые оказывались. Компромисс стал воздухом искусства. Печальные последствия этого мы все теперь наблюдаем и переживаем. Вот почему примеры верности своей личностной дороге в искусстве, своему взгляду на мир, реализованной в художественных образах, представляют сейчас особый, всеобщий интерес. К таким художникам, бесспорно, при-

Окончание на стр. 23



Д. М. КРАСНОПЕВЦЕВ. Род. 1925.
НАТЮРМОРТ С ДВУМЯ ЧАШАМИ.
1972.

надлежит Дмитрий Краснопевцев, прошедший с конца 50-х годов, когда он приступил к творческой деятельности, поразительно целостный и бескомпромиссный путь.

На его счастье, выбор пути художника-одиночки, почти затворника, не был для него «жертвенным». Потребность в творчестве означала для него с юных лет и потребность ума в созерцании, требующем, как известно, уединения, сосредоточенности, духовной самоуглубленности. Он мог писать свои картины, только живя и работая в согласии с самим собой и, стало быть, укрепляясь в своем стоицизме, защищавшем от разрушительных влияний среды присутствующую ему гармонию нравственного и творческого начал. Конечно, ему было нелегко, но зато он не знал внутреннего разлада и шел все вперед и вперед, совершенствуясь от вещи к вещи.

У художников такого склада биография бывает, как правило, скупа событиями. Родился в Москве. Рисовать начал с четырех лет. В доме было много книг, старинных предметов, камней, раковин, медалей, которые собирал дед художника. Он считает, что тогда-то и зародилась его любовь к предмету.

КНИГИ.
1971.





СОСУДЫ
В ЗЕМЛЕ.
1969.

тафоры, несущие на себе следы захватывающей воображение череды превращений из живого в мертвое, из пустяка — в раритет, из рядового участника быта — в свидетеля прошедшей эпохи.

Здесь вступает в действие нечто подобное тому, что составляет для человека магию любой старины, любой руины или памятника: таинственная притягательность прошедшего времени, наносящего разрушения, но и придающего драгоценность всему тому, что устояло перед его все разрушающей стихией.

«Прошлое — единственное наше достояние. Будущее — неведомо, настоящее — неуловимо. Возникая, оно тут же становится прошедшим, но не прошлым. Оно еще не устоялось — все сыро, шумно, обременено случайными деталями — это пока лишь материал, из которого время создаст картины прошлого. И вот они появляются — одна, другая, третья — портреты, пейзажи, интерьеры, сцены, сложные композиции — оказывается, все сохранилось... Но все пришло в порядок, отлилось в устойчивые формы. Картины развешаны, вставлены в рамы, покрыты лаком — в них уже ничего не изменишь, не перепишешь — целая галерея картин — наше прошлое».

Этот итог размышлений Красноперцева дает представление о программе всего его творчества. Действительно, только искусство, отлитое в устойчивые формы, остается вечным свидетельством прошлого, живущим в настоящем и будущем. Художнику остается в своей работе над картиной лишь довести работу времени над предметом до возможного совершенства. Он обобщает формы цветом и линией, очищает их от всего случайного, второстепенного, словно скульптор, высекающий из камня прекрасные в своей законченности объемы. Правда подобных образов не может быть ни иллюзорной, ни жизненно неподобной. Иллюзорна подделка «под жизнь». Здесь же речь идет о жизни идей, раскрываемых только условным языком искусства.

Этим и отличается искусство, размышляющее о жизни, от искусства, копирующего жизнь.

НАТЮРМОРТ СО СТЕЛЛАМИ. 1969.



В 1941 году поступил в Московское областное художественное училище, в класс замечательного педагога А. Н. Чиркова, который «учил не только живописи, рисунку и композиции, но и главным законам искусства — искренности и любви к искусству». Эти уроки запомнились на всю жизнь. Потом была служба в авиации на Дальнем Востоке (1943—1946). После демобилизации, окончив училище, Красноперцев преподавал рисование. И только в 1949 году ему удалось продолжить образование, поступив в Московский художественный институт имени В. И. Сурикова. Позднее он участвовал во многих неофициальных выставках (на официальные не принимали!) в Москве и за границей. Большинство его вещей разошлось по частным собраниям. Никогда не хлопотал о славе, никуда не «выезжал», его полностью обошло официальное признание. Даже в Союз художников этот большой мастер был принят только в 1982 году. Зато он приобрел то, что дороже всех званий и наград, — имя, репутацию, которые достаются только тем, кто приносит в искусство свой художественный мир и свой стиль, свою оригинальную образную систему. Красноперцев — это строгие, отточенные до совершенства предметные композиции-натюрморты, каждый из которых явился плодом углубленного размышления и неторопливого, лишенного поверхностных эффектов, прочувствованного мастерства.

Уже одно это делает его достаточно уникальной фигурой.

Красноперцев считает, что современность художественного видения необя-

зательно механически связана с критериями технического прогресса и вообще не должна быть предметом специальных забот художника. «Смешная и глупая забота иных художников — быть современными. Попробовали бы они не быть ими», — считает он. И в самом деле, художник, живущий тревогами и болями своей эпохи, всегда будет современен и найдет отклик в сердцах людей. И можно и нужно, как это и делает Красноперцев, стремиться нести в мир диссонансов, суеты, спешки и суетности хотя бы толику красоты и покоя, какие достижимы средствами искусства.

«Я уверен, — говорит художник, — что искусство нашего времени в силу необходимого и желанного контраста, как никогда прежде, требует тишины. Величавое, строгое, уравновешенное, оно должно пробуждать в нас чувство покоя, порядка, постоянства и прочности — всего того, чего лишены мы в этой безумной, уродующей души повседневности».

Начнем с самих предметов. Сосуды из глины и стекла, часто разбитые или наполненные прозрачной водой; камни, очень много камней, от больших до крохотных, обкатанных временем и стихиями; причудливые раковины, колючие морские звезды, сухие рыбы, старые книги, бумага — листы, рулоны, свитки, свертки, загадочные, словно скрывающие какие-то письмена; сухие ветки и травы, колючки, палки и т. д. и т. п. Все это предметы, являющие собой реликты природы или культуры, прошедшие обработку временем и ставшие, в той или иной мере, «говорящими» свидетелями прошлого. Это предметы-ме-

ПОЭТИЧЕСКАЯ АНТОЛОГИЯ

РУССКАЯ МУЗА XX ВЕКА

ВЕДЕТ ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО

Александр ЯШИН

(1913—1968)



Родившийся в северном сердце России — на Вологодчине, Яшин принес на московские страницы уникальный говорок тамошнего крестьянства; не задымленный ни железной дорогой, ни химзаводами. Мне довелось побывать в яшинских местах уже после

его смерти, когда на Бобришном Угоре рядом с бронзовым памятником сыну сидела в белом платке с горошинными крапинами мать поэта. Никогда и нигде я не видел такого щедрого, радужно ярмарочного разлива цветов, как там, на северных полях, и нигде не слышал такого искрометного русского языка, чудом уберженного и от канцелящины, и от магазинной озлобленности. В 1944 году в нетопленной аудитории МГУ я отбил себе ладоши, приветствуя яшинское стихотворение с такой концовкой про еще живого, тогда Гитлера: «Ты в сукиного сына колом войдешь, осина!» В послевоенные годы Яшин впал в затяжной кризис, со стороны выглядевший как успех — лакировочная, скучная поэма в стиле «а-ля рюс» «Алена Фомина» даже получила Сталинскую премию. Не делали чести Яшину его стихи о Волго-Доне и о целине, рисовавшие выдуманную ложноромантическую жизнь. И вдруг произошло выстраданное Яшиным чудо. Народное крестьянское начало могуче победило в яшинской душе. Муки совести за собственную ложь превратились в кровотокающий публицистический выплеск «Рычаги» — первую подстреленную влет предласточку гласности. Горько, со слезой жгучей был написан рассказ «Вологодская свадьба», по которому открыли уже снаряженную пальбу. Тогдашнее вологодское начальство велело даже снять фронттовую, простреленную шинель Яшина из краеведческого музея. Предсмертные стихи Яшина были написаны с болью, с почти самосожженным отчаявшимся мужеством.

ВОЛОГОДСКОЕ НОВОГОДНЕЕ

С новой запевкой на Новый год
Девка на лавке веревку вьет.
Косы у девки до полу, до пят,
В ковте булавки — головки горят,
Брошка на ковте, пуговицы в ряд,
Цветики на ковте...
Добёр наряд!

А вьюга по окнам ставнями бьет,
В ров за деревней набит сумёт,
Снег повсюду — не видно дров,
И вовки воют у самых дворов.

Николай РЫЛЕНКОВ

(1909—1969)



Из крестьянской семьи, со Смоленщины, одних корней с Исаковским, Твардовским, однако не достигший такого же широкого народного признания. Первая книга «Мои герои» вышла в 1933 году. Участник Великой Отечественной войны. Автор ряда популярных в свое время песен. В отличие от многих посредственных, но агрессивно амбициозных стихотворцев, Рыленков, несмо-

тря на постоянные похвалы официальной критики в его адрес, жил жизнью скромного труженика поэзии.

ТОЛОКА

День морозный,
День такой хороший,
Путь вчера подладила метель,
Но у Марьи околела лошадь,
А у Марьи семеро детей.

Вот два дня уж не топила печи,
Только что ж придумаешь тут, что ж?
Все равно дровишек из заречья,
Как ведро воды, не принесешь.

Но глядишь — приметили соседи,
Где дымок не вился поутру,
И обоз с дровами едет-едет,
Правит прямо к вдовьему двору.

«Принимай, соседка, у колодца
Не роняй слезы из-под платка...»
Здесь подмога издавна зовется
Добрым русским словом: толока!
1926

ПАМЯТНИК 1812 ГОДУ В СМОЛЕНСКЕ

Ты видел этот памятник? Скала,
Тяжелый меч в руке простертой
галла,

Гавкают собаки, боров ревет...

А девка на лавке веревку вьет,
Веревку вьет да припевку поет,
Припевку-запевку на Новый год.

«Вейся-повейся, крепка, ловка,
Вейся, свивайся, на смерть воякам.
Справлю обновку, взамуж пойду —
На эту веревку лиху беду,
Чтобы свекровка была не зла,
Чтобы золовка была не в козла,
Чтоб не терять мне девичью

стать,
С милым в ладу годов не считать,
Чтобы от сдобных печных пирогов
Духом парным распирало кров.
Вейся ж, свивайся...»

А вьюга ревет,
Девка на лавке веревку вьет.

(1935—1936)

ОРЕЛ

Из-за утеса, как из-за угла,
Почти в упор ударили в орла.

А он спокойно свой покинул камень,
Не оглянувшись даже на стрелка,
И, как всегда, широкими кругами,
Не торопясь, ушел за облака.

Быть может, дробь совсем мелка
была —

Для перепелок, а не для орла?
Иль задрожала у стрелка рука
И покачулся ствол дробовика?

Нет, ни дробинки не скользнуло
мимо,

А сердце и орлиное ранимо...
Орел упал,
Но среди далеких скал,
Чтоб враг не видел,
Не торжествовал.

1956

Я обречен на подвиг,
И некого винить,
Что свой удел свободно
Не в силах изменить,

Что этот трудный жребий
Приняв как благодать,

А там, за выступом, — гнездо орла,
Что крутизна веков оберегала.

Напрасно ввысь к нему стремится
галл,
Повиснув над зияющей бездной,
Здесь каждого пришельца настигал
Закон отмщенья — клюв орла
железный!

Россия, родина моя — скала,
Взнесенная над сумрачной долиной,
Врагов твоих читая список длинный,
Мы слышим взмах широкого крыла.

И славим сыновей твоих дела,
Их зоркий глаз и острый клюв
орлиный!

1940

ВСТРЕЧА НА ПУТИ В АРЗРУМ

Холмов тяжелые горбы,
Сдвигаясь, морщатся от зноя.
Ворвался в уши скрип арбы,
И гроб возник над крутизною.

В ярме два медленных вола,
Их трудный путь начался рано.

Я о дешевом хлебе
Не вправе помышлять.

Щадить себя не вправе,
И бестолковый спор
О доблестях, о славе
Не завожу с тех пор.

Что ждет меня, не знаю,
Живу не как хочу
И ношу поднимаю
Себе не по плечу.

У бедного провидца
Так мал в душе просвет,
Что даже погордиться
Собой охоты нет.

А други смотрят просто,
Какое дело им,
Крещусь я троеперстно
Или крестом иным.

Как рыцарь старомодный,
Я в их глазах смешон.
Да нужен ли мой подвиг?
Ко времени ли он?

Земли не чуя сдуру,
Восторженно визжа,
Ползу на амбразуру,
Клинок в зубах держа.

1966

ПУСТЫРЬ

Сколько лет мы видим этот дом —
Ни куста, ни деревца кругом.

Своего соседа не пойму.
Как же так:
Весь век в своем дому,
На земле родной,
Землею жить —
И не знать ее, не полюбить?
Очень занят? Некогда ему?

Хоть бы раз он руки натрудил:
Если ни цветов, ни деревца,
Хоть бы редьку, что ли, посадил,
Вырыл бы канавку у крыльца:
В дождь не лужи были бы — ручей...

Самых правильных его речей
Не могу дослушать до конца:
Вдруг встает перед глазами дом
И пустырь...
Сухой пустырь кругом.
1958

Он наклоняется с седла:
— Откуда гроб?
— Из Тегерана.

И что-то вдруг оборвалось,
Как этот камень, слово жестко.
— Так вот где встретиться

пришлось
С тобой, блистательный
мой тезка!

О, сколько вычеркнет имен
Граф Бенкендорф по черным
спискам —
Все, кто талантлив, кто умен,
Не ко двору царям российским.

Тот — в каземате, тот — в гробу...
Я тоже вижу злую мету.
И, с вами разделив судьбу,
Недолго поброжу по свету.

Спешу в далекие края, —
И там ничто не тешит взора.
Когда ж, о родина моя,
Переживешь ты дни позора?

На перекрестках всех дорог,
Где и столбы глядят с опаской,
Я говорю:
— Зачем не мог
Ты пасть на площади Сенатской?
1937

'ВЗГЛЯД'

Так называется детская фотостудия в молдавском городе Тирасполе. Руководит ею Александр Паламарь, биолог по образованию, педагог и художник по призванию. С его помощью ребята открывают мир, утверждают в нем себя и как художники, и как нравственно мыслящие люди. Не случайно среди воспитанников Сан Саныча (как ласково зовут его ребята) много победителей не только республиканских, всесоюзных, но и международных фотоконкурсов. За десять лет существования фотостудия «Взгляд» стала одной из лучших в стране.

Групповой портрет.

«Утро»
Юра Прикутовский, 16 лет





«Девочка с яблоком»
Алена Железогло, 16 лет

«В осеннем парке»
Роман Коршун, 12 лет



«Ванная комната» Наташа Приютовская, 11 лет



ТРИДЦАТЬ И ДРУГИЕ ПЯТЫЙ

Анатолий РЫБАКОВ

Главы из романа

8

Седьмого июля 1935 года Сталин председательствовал на пленуме Конституционной комиссии.

В комиссии было тридцать человек, он, Сталин, — тридцать первый. Присутствовали все, кроме Авеля Енукидзе, исключенного из партии и снятого со всех своих постов, хотя формально он и оставался членом Конституционной комиссии, — недосмотрели.

Главные докладчики — Бухарин и Радек, они авторы основного проекта новой Конституции. Но, конечно, будут выступать и остальные. А как же! Войдут теперь в историю как «отцы Конституции».

Первый докладчик — Бухарин.

В феврале, выступая на Втором Всесоюзном съезде колхозников-ударников, Бухарин сказал: «Вся страна сгрудилась вокруг ленинской партии, которую железной рукой ведет замечательный вождь трудящихся, полководец миллионов, чье имя — символ великих пятилеток, исполинских побед и исполинской борьбы — Сталин».

А ровно через неделю «Правда» опубликовала статью Радека «Полководец пролетариата», где Радек по части славословий обогнал даже Бухарина. Недаром его зовут «Крадек» — вор и жулик с обезьяньей мордой.

Повторяется история с Зиновьевым и Каменевым? Те тоже его славословили, а чем кончили?

Хитрят. Бухарин доложил «Основы проекта». Конституция должна обеспечить народу всевозможные свободы, величайшие в мире права, полное равноправие граждан, самую демократичную в мире избирательную систему, самое справедливое в мире правосудие...

Так они, Бухарин и Радек, резвились.

Даже ОН не ожидал от них такой прыти. Перещеголяли самые демократические в мире конституции.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 30—33.

Наивные люди. Надеются такой Конституцией обезопасить себя, обеспечить себе спокойное существование на первых порах, а потом и «конституционную» замену власти. Идиоты!

Эта Конституция нужна ЕМУ, и прежде всего ЕМУ. Она будет мощным политическим прикрытием предстоящей кадровой революции. Когда власть в одних руках, когда эта власть — несокрушима, когда народ поддерживает эту власть, годится любая Конституция.

А народ с НИМ. Несмотря на голод, нищету, несмотря на миллионы жертв, народ за НЕГО, ЕГО боится. И ЕГО любят. Главное условие единоличной власти осуществлено. Во все времена народ винил в своих страданиях кого угодно, только не бога. Бога не осуждают, бога благодарят.

Раздумывая таким образом, Сталин внимательно слушал Бухарина. Впрочем, его внимательно слушали все, особенно националы. Млели от восторга и умиления — перед ними выступает сам Бухарин, «лучший теоретик партии», «любимец партии», они наслаждались его логикой, блеском его формулировок. Айтаков из Туркмении даже рот раскрыл, Ербанов из Бурят-Монголии щурится, как сытый кот. А ведь националисты. И Мусабоев — председатель СНК Закавказья — националист, и Рахимбаев из Таджикистана — националист, и узбеки Икрамов с Файзуллою Ходжаевым — тоже националисты. У них у всех прямо глаза разгорелись, когда Бухарин разглагольствовал о суверенитете союзных республик. Для них Бухарин по-прежнему «вождь». Надеются, наверно, что, поручив Бухарину готовить новую Конституцию, ОН возвращает его к руководству. Им очень этого хочется. Убеждены в своей самостоятельности, своей незаменимости, удельные князьки!

Таковы же сидящие здесь Голодед и Червяков из Белоруссии, Любченко, Петровский и Чубарь с Украины... Люди неясные, ненадежные.

Чубарем и Микояном он заменил в Политбюро убитого Кирова и умершего в январе Куйбышева.

Микоян — хитрец, плут, но ЕГО хитрец, ЕГО плут, и работник хороший. Все бакинские комиссары расстреляны, а товарищ Микоян остался жив. Странно, не правда ли? Этот человек будет верно служить.

Чубарь непонятен. Но пришлось выбирать между ним и Петровским — оба кандидаты в члены Политбюро с 1926 года, так уж лучше Чубарь, чем Петровский. Чубарь непонятен, а Петровский ясен — чужой человек, из марксистов-идеалистов, как и ЕГО собственный дорогой тесть Аллилуев.

Да и не все сидящие здесь русские ясны.

Акулов, например, лысый, похож на монгола. Был прокурором, мешал Вышинскому, пришлось избрать его секретарем ЦИК вместо Енукидзе, а прокурором назначить Вышинского, развязать ему руки; большой прохвост Вышинский, но нужный прохвост, вот сидит с нахмуренным лицом, делает вид, что не в восторге от доклада Бухарина, для НЕГО делает вид, все понимает, скотина с аккуратной прической, седыми, тщательно подстриженными усами, в дорогом, видно, костюме, в рубашке с накрахмаленным воротничком, при галстукке — изображает из себя европейского интеллигента, а сам в душе — уголовник.

Иногда он любезно улыбается Крыленко, которого ненавидит, слопал бы без соли и перца.

Крыленко, безусловно, враг. Как он вел себя в вопросе об уголовной ответственности детей? Как враг.

Несмотря на закон от седьмого августа, хищения государственного имущества продолжают, особенно на транспорте. Главные расхитители — дети. Это особенно подчеркнул в последнем сообщении Ягода. Это же обстоятельство подтвердил и Каганович, с февраля, месяца возглавивший железнодорожный транспорт.

Но дети неподсудны.

А почему, собственно говоря, дети неподсудны? Мальчик в двенадцать лет хорошо знает, что воровать не полагается, хорошо знает, что воровство — преступление. Но этому мальчику известно также,



ГОЛДЫ

что судить его нельзя. Так вот, пусть знает: судить его можно и должно.

И родители, посылающие своих детей воровать, тоже пусть это знают. Нужна была поправка к уголовному кодексу: любая уголовная ответственность, вплоть до высшей меры наказания, распространяется на всех граждан, начиная с двенадцатилетнего возраста. Вот тогда перестанут воровать, перестанут растаскивать народное добро, перестанут грабить и убивать. И родителям это будет хорошим предосте-

режением. Всем и всяким родителям. Будут знать, что грозит их детям.

Однако Наркомюст товарищ Крыленко воспротивился изданию такого Указа. Даже просился на прием к НЕМУ. ОН, конечно, его не принял. У НЕГО есть точные донесения: Крыленко утверждает, что такой закон беспрецедентен, не имеет аналогий в мировой судебной практике, что якобы ни в одной стране мира двенадцатилетних детей не казнят, что дети могут стать жертвой ложного обвинения, а то и просто недоразумения, что принятие такого Указа на восемнадцатом году Советской власти произведет ужасное впечатление за границей, подорвет престиж Советского государства.

С чего это вдруг товарищ Крыленко стал такой гуманный, с чего это вдруг стал считаться с буржуазным общественным мнением?.. Раньше, выступая обвинителем на процессах промпартии, меньшевиков и на других процессах, он с этим не считался.

Совсем недавно товарищ Крыленко утверждал: «Требовать от судьи абсолютной объективности — чистейшая утопия», настаивал на том, чтобы сузить права защиты, поскольку, как он правильно тогда говорил, советский суд сам защищает обвиняемых, предлагал чуть ли даже не отменить процессуальный

кодекс, называл его «сколком буржуазного права».

И вдруг поворот на сто восемьдесят градусов. Мало того, что публично отрекся от своих взглядов, выпустил в прошлом году книжонку: «Ленин о суде и уголовной политике», где ратует за революционную законность, за абсолютную объективную доказательность, за строгое соблюдение всех процессуальных норм... Все это направлено против Вышинского, который правильно понимает задачи суда и прокуратуры на данном этапе, все это направлено против борьбы партии с ее врагами...

Сразу же после процесса меньшевиков Крыленко запросился в наркомюсты. Понятно. Крыленко не хочет больше выступать в суде, видит, куда идет дело. Он боролся с врагами вне партии, но бороться с врагами внутри партии не желает. Пытался скомпрометировать Вышинского.

А Вышинский нужен. У Вышинского нет связей в большевистской партии, следовательно, на борьбу с врагами внутри партии он более пригоден. Знает свое место, до сих пор дрожит от страха, готов выполнить любое задание.

Крыленко же мнит себя большим вельможей, член партии с 1904 года, первый наш Верховный Главнокомандующий, первый председатель Верховного трибунала, высоконравственный, видите ли, идейный революционер. К тому же спортсмен, альпинист. Старый большевик, а карабкается по горам где-то на Памире. Шахматист. Подражает Ленину, тоже потевшему порядочно времени на эту забаву.

На XVII съезде Крыленко не выбрали ни в ЦК, ни в КПК. Это ему предупреждение. Обиделся. Не сделал выводов. Сегодня его пятидесятилетие. Пусть читает в «Правде» приветствие от своих альпинистов. Центральный Комитет приветствовать его не собирается. Также предупреждение. Последнее. Посмотрим, сделает ли он из него выводы или опять будет ставить Вышинскому палки в колеса. Когда люди просто не ладят между собой — это хорошо: они соревнуются в преданности ЕМУ. В случае Крыленко — Вышинский этого нет. Вышинский предан ЕМУ, предан из страха, но предан. Крыленко — нет, не предан. Он не примыкал к оппозиции, ни к троцкистской, ни к бухаринской. Но и не выступал против них. Ненадежный человек. Чужой человек. И этот человек погибнет в огне кадровой революции.

Рисунок
Геннадия
НОВОЖИЛОВА



Много чужих людей, много ненадежных людей. Вот сидят здесь, вместе с ним, тридцать человек. На кого из них ОН может более или менее твердо положиться? Ворошилов, Жданов, Каганович, Мехлис, Микоян, Молотов. Сколько это? Шесть из двадцати девяти. Ну, негодяй Вышинский седьмой. Семь из двадцати девяти, даже четверти нет.

Кто более или менее нейтрален? Это «золотой фонд», это мумии с партстажем: Красиков, Стасова, Калинин, Литвинов, Петровский... Впрочем, Петровский нет, от него еще многого можно ожидать. Сын Петровского, Петр — рютинец, исключен из партии, в ссылке, его расстрелять надо было давно. Почему такое допустил отец — кандидат в члены Политбюро?

Итак, «нейтралов» — четыре, вместе с надежными одиннадцать.

А остальные восемнадцать? Это враги: Бухарин, Радек, Крыленко, Уншлихт. Или ненадежные: Акулов, Бубнов, Сулимов, Чубарь, Любченко, Червяков, Голодец, Икрамов, Ходжаев, Айтаков, Мусабеков, Ербанов, Рахимбаев, Петровский.

Этот подсчет о многом говорит. Он отражает положение в партии, он отражает положение в ЦК и даже положение в Политбюро. И в Политбюро есть ненадежные: Орджоникидзе, Рудзутак, Косиор, Чубарь, как теперь выясняется.

ОН не должен зависеть от того, имеет ли ОН большинство в Политбюро или не имеет. Не партия абсолют, ОН — абсолют. У него не должно быть ни явных, ни потенциальных соперников. Все потенциально опасное должно быть истреблено. Ни один человек не имеет права стремиться к верховной власти. Чтобы это понял каждый житель страны, он должен ощущать угрозу своему существованию, своей свободе, своей безопасности. Свою безопасность он должен видеть только в беспрекословном подчинении, террор должен быть непрерывен, он должен стать нормальным и привычным методом управления.

Понадобился голод начала тридцатых годов, чтобы показать деревне, КТО в ней хозяин. Голод унес миллионы жизней, но он принес победу.

ЕГО правление тоже будет стоить миллионы жизней, но ОН покажет стране, КТО в ней хозяин, ОН покажет всему миру, КТО хозяин в этой стране.

Первый шаг сделан. На убийство Кирова ОН ответил беспощадными ударами, создав в стране атмосферу устрашения. Самый мощный удар нанесен по Ленинграду. Как вторая столица этот город уже никогда не возродится. По всей стране идет гласная проверка партдокументов и негласная проверка каждого члена партии через органы НКВД. Вылавливаются, изолируются, а когда надо, уничтожаются бывшие участники всякого рода оппозиций, выходцы из других партий, выходцы из чуждых классов, царские чиновники и офицеры, служители религиозных культов, бывшие кулаки и подкулачники, все антисоветски настроенные люди: Но все это, хотя и в меньших масштабах, было и раньше. Главное впереди.

Зиновьев и Каменев признали свою моральную ответственность за убийство Кирова. Как хитро они ее признали, в какую двусмысленную формулу облекли: «В силу объективной ситуации прежняя деятельность бывших оппозиций могла вести только к вырождению этих преступников».

Политиканы! Думают спастись такими уловками... Но в тот момент из них большего нельзя было вытянуть. И откладывать процесс тоже было невозможно, убийством Кирова надо было воспользоваться немедленно. Признание Зиновьева и Каменева позволило их изолировать. Однако изоляция — это полумера. Троцкисты пять лет изолированы и все равно ждут своего часа. История показывает: от тюрьмы до престола — один шаг. Чтобы этого не случилось, на пути должен стоять эшафот.

Ответственность за убийство Кирова должна быть не моральная, уголовная. Зиновьев и Каменев должны быть осуждены за то, что сделали.

Буржуазные газеты не признали январского процесса — он, видите ли, был закрытым, ссылаются на знаменитое изречение болтуна Мирабо: «Дайте мне какого угодно судью — пристрастного, корыстолюбивого, даже моего врага, но пусть он меня судит публично».

Хорошо! Прекрасно! Они получают открытый процесс, они получают публичный суд. Зиновьев и Каменев признаются в своих преступлениях перед всем миром. Они признаются, что приказали убить Кирова, готовили убийства и других руководителей партии и правительства. И потому должны быть не изолированы, а уничтожены. И будут уничтожены.

Признаются ли Зиновьев и Каменев? Если им пообещать жизнь, признаются. Пока есть жизнь, есть надежда на власть. Лишившись жизни, они эту надежду теряют навсегда. А будут упорствовать, на них навалится вся громада репрессивного аппарата, вся громада государства. Не устоят. Перед этим они не устоят. Заложниками будут их семьи, их жены и дети, перед этим они тоже не устоят, любящие мужья, чадолубивые папаша.

Вот выступает Файзулла Ходжаев — председатель Совнаркома Узбекской ССР, он же один из председателей ЦИК СССР от Узбекистана. Разве такой откажется от жизни? Красавчик, тонкое лицо, таких красавчиков рисовали на древнеперсидских миниатюрах.

Роскошествует, дом в коврах, в дорогих безделушках, драгоценности, наверно, припрятаны, все они там в Бухаре и Самарканде копят бриллианты.

Между прочим, Файзулла не ладит с Икрамовым — секретарем ЦК Узбекистана. Первый — аристократ, второй — плебей, но плебей нахальный. На Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в апреле 1929 года в ответ на ЕГО реплику раздраженно ответил: «Товарищ Сталин, в конце концов вы дадите мне закончить или нет?»

Икрамов — друг Бухарина, в прошлом году Бухарин отдыхал в Узбекистане, жил у него, у Икрамова. Так что в будущем место Икрамова рядом с Бухариным, да и Файзулла туда подсадить: будут с Икрамовым топить друг друга. Все на свете оборачивается предательством: и вражда, и дружба.

Так раздумывал Сталин, пока выступал Ходжаев и другие члены комиссии. Он выслушал только Бухарина и Радека — это составители, остальные — болтуны, которым надо только, чтобы ОН услышал их голос. Говорят о роли местных Советов, о прочей чепухе — все это ему неинтересно и он их не слушал.

Главные направления новой Конституции наметены Бухариным и Радеком правильно.

Это документ, по которому современники и потомки будут судить о лице Советского государства, о его демократическом лице, о великих свободах его граждан. На фоне такой Конституции нелепым вымыслом будут выглядеть любые разговоры о терроре и беззаконии.

Эта Конституция дает громадный международный выигрыш. Да, будут суды, будут процессы; но они будут происходить на фоне самой демократической Конституции и потому будут выглядеть абсолютно законными и правдивыми. Особый выигрыш эта Конституция дает в сравнении с тем, что происходит в фашистской Германии. Гитлер тоже творит свою революцию, свою национальную революцию, Гитлер сумел сплотить вокруг себя немецкий народ и, видимо, надолго: создал могучий аппарат власти. Но действует грубо, с чисто немецкой прямолинейностью, с чисто прусским высокомерием. Политик, но не тонкий политик, делает много ошибок, сильно вредящих ему в глазах мирового общественного мнения.

Есть ли опасность в принятии такой Конституции? Никакой опасности нет, ибо власть остается в руках у партии, а следовательно, в ЕГО руках. Это реальная власть. Ее надо узаконить конституционно. Надо прямо сказать в Конституции, что коммунистическая партия — есть ведущая и направляющая сила Советского государства. Но кандидаты будут выставлять не только партия, но и профсоюзы, и комсомол, и другие общественные организации. Это будут кандидаты от блока коммунистической партии с этими организациями.

Нет, это неправильно. Блока коммунистической партии с другими организациями быть не может, это значило бы поставить эти организации на одну доску с партией, какое-то равноправие, никакой паритет тут невозможен. Блок может быть не с организацией, а с народом.

«Блок коммунистов с беспартийными!» — вот как будет правильно.

Безусловно, новая Конституция потребует от наших карательных органов большей оперативности, большей бдительности — враги не посмеют воспользоваться новой Конституцией в своих целях, такие попытки будут подавлены в зародыше.

Безусловно также, что новая избирательная система потребует от партийных организаций тоже большей оперативности, большей бдительности. Ничего, пусть поработают в новых условиях, пусть шевелятся. Каждые выборы должны превратиться в широчайшую политическую кампанию. На Западе избиратели голосуют за ту или иную буржуазную партию, у нас избирательная кампания будет могучей политической агитацией за коммунистическую партию, за Советскую власть, будет демонстрацией единства партии и народа, будет всенародным праздником.

Конечно, новая Конституция — хорошее политическое прикрытие для грядущей кадровой революции. Но недостаточное. Надо во много раз больше популяризировать наши победы и достижения, показывать энтузиазм народа.

Безусловно, этот энтузиазм вызван Октябрьской революцией. Всякая революция рождает надежду на лучшее будущее, надежды на лучшее будущее вызывают энтузиазм. Задача теперь в том, чтобы показать народу его энтузиазм, а энтузиазм советского народа показать всему миру.

Для этого изо дня в день органы печати должны говорить о достижениях, и не только органы печати, но и литература, искусство, театр — все это должно

служить показу достижений советского народа, должно способствовать развитию его энтузиазма, его веры в общее дело.

Конечно, следует писать и о недостатках. Но недостатки должны прежде всего объясняться сопротивлением вражеских элементов, вражеские элементы надо уничтожать.

Сталин вздрогнул.

Сулимов, наливая воду из бутылки, уронил стакан, тот ударился о тарелку.

Неуклюжий болван! Стакан не может удержаться. А ведь Председатель Совнаркома РСФСР. Премьер-министр, так сказать... С похмелья, что ли?... Оттуда же — из пятой армии, соратник Ивана Никитича Смирнова и Тухачевского, хотя и не примыкал к оппозиции.

Строит из себя простачка, этакое демократа. Недавно пошел в ЦУМ, как простой покупатель обошел магазин, потом явился к директору магазина, ждал своей очереди на прием, предъявил жалобы, опять же как рядовой покупатель (в лицо его мало кто знает), а потом в конце разговора объявил, кто он такой. Нагнал страху на весь ЦУМ. Все это с восторгом расписали газетчики. Нашли, понимаете, нового Гарун-аль-Рашида.

Советские люди не нуждаются в таких руководителях, которые тайком, инкогнито, толкаются среди народа, якобы для того, чтобы узнать его нужды... Истинный советский руководитель знает нужды своего народа, не толкаясь по очередям. Все эти новоявленные Гарун-аль-Рашиды хотят оригинальничать, подражают покойному Кирову, хотят показать народу свой особенный, «демократический» стиль руководства, а борзописцы вроде Михаила Кольцова и Зорича создают им дешевую популярность.

Сталин перестал слушать Сулимова и других членов комиссии, снова погрузился в свои мысли.

Всякая революция сопровождается жертвами, без жертв нет и революции. Вся история человечества — это жертвы: жертвы войн, стихийных бедствий, эпидемий, голода, нищеты, погибают миллионы. Человечество быстро забывает о своих потерях, ибо в итоге все кончается смертью, любая жизнь кончается смертью, естественной или неестественной, ранней или поздней. Смерть неизбежна, люди смирились с ее неизбежностью. Помнят только тех, кто посылал людей на смерть: полководцев, правителей, великих предводителей народа. Человечество помнит имена Александра Македонского, Юлия Цезаря, Наполеона, Суворова и Кутузова, Степана Разина и Пугачева — кто помнит имена людей, погибших при них, из-за них, во имя их? Никто не помнит.

Только никогда не надо оправдываться. Утвердив свою власть, Наполеон расстрелял из пушек сотни людей. Кто их помнит? Миллионы людей погибли в наполеоновских войнах, их тоже никто не знает. А вот в смерти герцога Энгийенского попробовал оправдаться, и эту единственную смерть история не простила ему до сих пор.

Настоящий властитель должен оставить после себя торжественные гимны, победные марши, а не траурные плачи и унылые причитания. Народ должен петь песни, вселяющие надежду и оптимизм, а не грусть, тоску и безверие, должен петь радостно и громко, во весь голос — великое время должно запомниться, как великий праздник. На это надо ориентировать работников культуры, поэтов, композиторов, драматургов, деятелей театра и кино. Всякий пессимизм, упадочничество, безверие, очернительство, явное или скрытое, должно пресекаться в корне и беспощадно. Победные клики должны заглушать стенания поверженных врагов.

Прения наконец кончились, последний болтун отговорился.

— Ну, что ж, — сказал Сталин, — я думаю, товарищи высказали разумные мысли, внесли существенные предложения. Я думаю, надо выбрать редакционную комиссию, которая учтет высказанные здесь мнения и предложения и внесет их в окончательный проект Конституции, который мы и вынесем на обсуждение всего советского народа. Нет возражений? Возражений не было.

Председателем редакционной комиссии был избран товарищ Сталин.

Из 30 членов Конституционной комиссии СССР были расстреляны:

в 1937 году — Голодец, Енукидзе, Сулимов;

в 1938 году — Айтаков, Бухарин, Ербанов, Икрамов, Крыленко, Мусабек, Рахимбаев, Уншлихт, Ходжаев;

в 1939 году — Акулов, Радек, Чубарь;

в 1940 году — Бубнов.

Червяков и Любченко покончили жизнь самоубийством.

Панас Любченко перед тем, как застрелиться, застрелил жену, чтобы избавить ее от мучений и пыток.

Окончание следует.

Анна КАГАРЛИЦКАЯ

О НОВОМ КИНО

(Комментарий к трем фильмам)

**ЕЩЕ ГОД-ДВА ТОМУ НАЗАД
О МОЛОДЫХ КИНОТАЛАНТАХ
ПИСАЛОСЬ С ВОСТОРГОМ И
ПРИДЫХАНИЕМ — КАК
О ВОЗВЕШТИКАХ НОВОЙ,
НЕВИДАННОЙ ЭРЫ
В НАШЕМ КИНО.
ЕЩЕ ГОД-ДВА ТОМУ НАЗАД
В СКОРЕЙШЕЕ ОБНОВЛЕНИЕ
ЭКРАНА ВЕРИЛОСЬ С ТАКОЙ
ПОНЯТНОЙ ЛЕГКОСТЬЮ,
РОЖДЕННОЙ БУРНЫМИ
СОБЫТИЯМИ ПЯТОГО
КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКОГО
СЪЕЗДА.**



А еще вслед за теми событиями случился неожиданный праздник в Риге: в августе 1986 года молодые киноэнтузиасты устроили городской хэппенинг с уличными карнавалами, сеансами немых кинолент под сенью парков, а также чтением ученых докладов прямо с балконов домов. Было там и нечто такое, что придавало местным торжествам объем всесоюзного события: смотр молодого кино «Арсенал». Название попало в точку; несколько десятков дебютных фильмов (по преимуществу короткометражных, снятых на разных студиях страны) и в самом деле казались сильным зарядом, готовым для взрыва пресловутой экранной трясины.

То было непривычное, особое кино. Кино про красоту и ценность нашей жизни, составленной из подробных до ничтожности деталей («Поездка к сыну» режиссера Владимира Тумаева и оператора Анатолия Васильева). Кино, где вопросы, веками терзающие человечество, смогли воплотиться в девятиминутную «хронику» жизни... козла-провокаатора («Адонис XIV» режиссера Бако Садыкова). Кино, способное социально-идиотический анекдот о сельской показухе возвысить в степень смехотворного абсурда («Праздник Нептуна» сценариста Владимира Вардунаса и режиссера Юрия Мамина). И еще кино, и еще — грузинское и армянское, казахское, московское, ленинградское — нервное и неровное. Брезгливо отказавшееся от ландринового цвета и стерильных каламбуров поточного кинематографа и заменившее их нарочито черно-белым изображением и специально зашумленным звуком.

Короче говоря, рижские просмотры дали начало явлению, которому, видно, так и суждено войти в киноисторию сразу под несколькими именами. Еще там, в Риге, подвергся пересмотру бодрый термин «молодое кино»: как выяснилось, большинство кинодебютантов давно переступили тридцатипятилетний рубеж. Больше прижилось другое определение — кино «альтернативное», подразумевавшее не столько демографическое, сколько эстетическое противоречие с официальным экраном. В этом смысле своей особой «альтернативностью» заметно выделились рабо-

ты Александра Сокурова, Ивана Дыховичного, Александра Кайдановского, в которых отсутствует традиционный сюжет, общение между персонажами носит характер подчас странной игры, а человеческая речь вполне заменима иными звуками мира. Все эти свойства нашим зрителям вновь. И здесь почти неизбежен конфликт с кинозалами, настроенными на кино привычное; успех обеспечен разве что среди утонченных любителей десятой музы. Неудивительно, что это направление, едва успев зародиться, тотчас и вызвало яростное раздражение сторонников доступного кинозрелища (в силу своей демократичности именуемого «массовым» в противовес рассчитанному на узкий круг — «элитарному»).

К концу нынешнего года в Риге состоится уже международный фестиваль «Арсенал». Многие из наших короткометражек, собрав разнообразный урожай международных наград и хвалебных зарубежных откликов, знамениты теперь на весь мир. «Неизвестное советское кино» — теперь у них такое имя, которое они делают вместе с картинами, изъятными с печально известной «полки» — где и «Покаяние», и «Комиссар» и «Долгие проводы», и «История Аси Клячиной...». Правда, время идет — какими бездонными ни оказались «полочные» завалы, но вот уже последние из лучших фильмов прошлых лет отправляет к зрителям конфликтная комиссия СК СССР под руководством критика Андрея Плахова. Каким бы мощным ни представлялся монолит условно «молодого», частично «альтернативного» и еще недавно «неизвестного» кино, но вот уже едва ли не исчерпан запас коротких фильмов для международных триумфов на радость еще одной, до последнего времени существовавшей комиссии Союза кинематографистов — по работе с творческой молодежью, руководимой режиссером Сергеем Соловьевым. А слава кинематографической перестройки так и разошлась по двум полюсам: с одной стороны — фильмы-гиганты, прорвавшие марево прошлого; с другой стороны — маленькие картины, питавшие надежды на следующие прорывы... Где-то рядом торжественно примостился феномен «молодого кино Ленинграда», возникший благодаря доброму отношению к начинающим на киностудии «Ленфильм». И в самом деле, здесь помогли явлению на свет почти десятка действительно хороших дебютов: тут и «Небывальщина», и «Взломщик», и «Письма мертвого человека»...

Так что же теперь, что пролегло «между прошлым и будущим», и как дела в настоящем, текущем, так сказать, моменте жизни молодого неизвестного кино? После двух революционных лет пора бы уже взорваться экрану обещанным праздником.

Только праздник куда не получается, и стихли восторги. Поник «Ленфильм», раздираемый, думается, отнюдь не творческими страстями — здесь вчерашний добрый дух и опека подменились болезненной мнительностью в отношении «молодых». Таятся студии Армении и Грузии под спудом сжатого кинопроизводства и растяннувшихся очередей на постановки, в которых дебютантам отведены отнюдь не первые места. Нарастивает свои победы «молодое» неигровое кино, появляются острые и выразительные документальные, научно-популярные, мультипликационные фильмы, но какая усталость поселилась в их авторах после бесконечных сражений с республиканскими ведомствами, городскими конторами и общесоюзным прокатом за простую возможность показать свои работы зрителям!

Словом, не выходит пока что единым фронтом, при открытой нынче общей свободе и сокрытом покуда личном таланте, идти в бой за искусство. То ли

свобода обманула и чересчур жизнеспособны прежние винтичные механизмы в кино, где неловко новичку в системе пригнанных шестеренок. То ли подвел талант, растерянный в горячечных спорах на ночных кухнях безвременья... Разность причин, помноженная на разность судеб. Пока еще совсем немногим удалось снять свои первые полнометражные работы. Они уже закручены в довольно истерическом водовороте сегодняшней киножизни и уже чувствуют себя здесь весьма неуютно.

НОРМАЛЬНОЕ БЕЗУМИЕ

Члены художественного совета творческого объединения «Ритм» киностудии «Мосфильм», посмотрев и обсудив снятую в этом объединении кинокартину «Черный монах» по повести А. Чехова, вынесли почти единодушное заключение: фильм не получился. Содержание его расплывчато, форма претенциозна, восприятие затруднено до крайности. Проще говоря, картина скучна да к тому же сделана неправильно. «Что у вашего героя со зрением? — спрашивали режиссера Ивана Дыховичного, постановщика «Черного монаха». — Он глядит прямо по коридору, а камера сворачивает направо и показывает ванную, которую он видеть в этот момент не может! Так не бывает, чтобы взгляд человека был построен буквой «Г»!

А бывает так, что человек стоит в ржаном поле, и его омывают спело-желтые густые волны, уплывающие к темно-синему небу, и небо само склоняется к земле? В движении стихий человек открывает единую вечную тайну, и тайна сия есть он сам, его судьба и жизнь в этом мире.

Так или примерно так разгадано в фильме чеховское иносказание о Черном монахе. Не болезненной галлюцинацией в обличье зловещего старца дано герою его второе «я», но природным, метафизическим воплощением личности. Отсюда и светлый вздыхающий сад, и темный, ступающий размеренно лесной парк, и серебристые текущие аллеи, и нежные дрожащие цветы на клумбах. Природный мир распахнут, близок, и человек в нем чувствует себя свободно. «Безумие» чеховского Коврина, квалифицируемое обыкновенно то раздвоением личности, то манией величия, в картине Ивана Дыховичного (сценарий Сергея Соловьева) теряет свою клиническую подоснову. Герой Станислава Любшина не просто не безумен — он нормален, как может быть нормален человек, испытавший космическое чувство свободы, познавший себя. Его, томящегося в одиноком знании истины, проводящего ночи в яростных диалогах с самим собой, лечат от болезни, а вылечивают от свободы. И тогда, затравленный и униженный, человек сеет подле себя смерть и разрушение...

С одной стороны, все это лишь возможные толкования «Черного монаха», каковыми, разумеется, смысл и наполнение его далеко не исчерпываются. С другой стороны, по поводу фильма бытуют трактовки куда более емкие, определенные и однозначные: бред, чушь, галиматья. Вся сложность в том, что авторов таких «рецензий» не приходится обвинять в нетонком и бездуховном отношении к искусству, и не стоит сожалеть о напрасно ими прожитой жизни, где так и не нашлось места для любви и понимания фильма «Черный монах». Эта картина из тех, что сама себе выбирает зрителя, и если не случится с первых кадров фильма поддаться его чувственной энергии, если не удастся вместе с потоками свинцового дождя на каменной аллее парка влиться в горячее его течение, — что ж, впереди, и верно, ждут вас полтора часа немислимых пыток. Тут и зрение героя

выстроится буквой «Г», и история его покажется манерной прихотью, и все природное движение выстроится в серию картинок, заснятых на импортной киноленте первоклассным оператором Вадимом Юсовым.

Решением коллегии Госкино СССР фильму «Черный монах» присуждена вторая категория и назначен показ так называемым «вторым» экраном, когда взамен торжественных премьер в кинотеатрах-колоссах картину ждут обычные сеансы в скромных кинозалах. Конечно, страшного и стыдного тут мало, если не брать в расчет известные потери морального (в основном в плане престижа) и материального (в виде снижения оплаты труда всего съемочного коллектива) порядка. В конце концов фильм так или иначе увидит свет, получит своего изысканного зрителя, окупит некие затраты... На том и стоило бы примириться.

Однако же мешает контекст. Ведь потому еще покажется горькой «Черному монаху» его судьба прокатного «пасынка», что рядом с ним явятся перед зрителем и «любимые дети» нынешнего кинематографического начальства, удостоенные центральных вольностей показов. Здесь и комедия «Дорогое удовольствие», в которой режиссер Леонид Марягин и сценарист Александр Розанов старое как мир моралище о преимуществах честной бедности перед преступным богатством оснастили сомнительного свойства шутками на перестроечные темы. Здесь и картина «Воры в законе», новая работа молодого режиссера Юрия Кары. Не так давно он пленил многочисленные зрительские сердца ретромелодрамой «Завтра была война» и вот теперь экранизировал «Чегемские рассказы» Фазиля Искандера в мало присущем им жанре леденящего душу детектива.

Оба последних фильма приняты в конкурс предстоящего одесского фестиваля популярных жанров «Золотой Дюк» — тем любопытнее, как оценит их активное братство сторонников зрелищной демократии и тотальной самоокупаемости. Пока что оно дружно осуждает Ивана Дыховичного за подрыв экономической политики и дерзновенную трату государственных денег. Интересно, задумывались ли об этом представители оргкомитета Международного кинофестиваля в Венеции, из всех других наших фильмов выбравшие в конкурс «Черного монаха»...

ИГРА В СТИЛЕ ПОСТМОДЕРН

Появление такого фильма, как «Господин оформитель», поборники зрительских интересов, кажется, должны приветствовать. Здесь неслучайно внимание и, уж во всяком случае, любопытство вызовет сам жанр картины — жанр фантастической драмы с оттенком мистического кошмара. Эти непривычные нам свойства связаны с категорией «фильмов ужасов», что прочно поселились на экранах далекого Запада и доселе не допускались в наше кино.

Пару лет тому назад выпускник Высших режиссерских курсов Олег Тепцов снял в качестве дипломной работы странноватую историю, сценарий которой по мотивам рассказа Александра Грина «Серый автомобиль» написал драматург Юрий Арабов. История заключалась в том, что некий художник, в чьем футуристическом облике и изломанной натуре угадывалась принадлежность к угасающему русскому модерну «Мира искусства», получает заказ от богатого господина — оформить интерьер роскошного особняка. Попав в особняк, художник с изумлением узнает в молодой хозяйке свою прежнюю знакомую, бедную барышню. Та барышня служила некогда ему натурой для выполнения другого заказа, блестящего магазинного манекена, а позже, как было известно художнику, скончалась от чахотки. Удостоверившись, что давняя модель действительно покоится на кладбище, а копия ее живет в особняке, герой впадает в состояние нервного коллапса и после ряда загадочных и кровавых событий погибает в муках.

В студенческом фильме Тепцова многое осталось непроясненным: и смутное томление, которым охвачен герой, и туманные философские монологи художника о творческом состязании с самим Всевышним, и обстоятельства его гибели...

С великодушного благословения «Ленфильма» режиссер сделал новый, прокатный вариант своей картины. И тогда художественный совет, посмотрев законченную работу, разразился в адрес начинающего режиссера интересными упреками — в апологии декаданса, пропаганде упадочничества и мистики.

Да уж, новая редакция «Господина оформителя» никак не проясняла загадку убийства мятущегося героя, напротив, окружала его еще более изысканной, чем в первом варианте, красивой и заманчивой декорацией (воплощенной на экране оператором Анатолием Лапшовым и художником Наталией Ва-

сильевой). Здесь и дубовые панели стен, ажурные ширмы, китайский шелк, и белая гнутая мебель интерьеров начала века, и зловещий крик кладбищенской птицы над мшистыми камнями надгробий. Здесь, наконец, щедро представленные на экране приметы художественного авангарда 10-х годов. Графические полотна европейских модернистов, заволаживающие своими мрачными метафорами-предсказаниями... Под таким ярким эстетическим напором сюжет о художнике и погубившем его творении перестает быть праздным детективом-страшилкой и переходит в ряд мучительных грез, выдержанных в стилистике постмодерна.

Не избавленный от просчетов и недосказанностей, «Господин оформитель», по сути, первый в нашем современном кино опыт возвращения на экран такого понятия, как культурный контекст. Возможно, у каждого в таком контексте возникнет свое понимание фильма: кто-то, захваченный судьбой героя, задумается о фатальности жизни; кто-то, заинтригованный жуткими происками смазливового манекена, станет и впрямь ужасаться или, напротив, рассмеется, как от дурацкой шутки. А кто-то, быть может, прочтет и иной неожиданный смысл. Все же, наверное, не случаен здесь и 1914 год, и предвоенный российский морок: пустые души, холодные сердца, упадок сил и общая депрессия...

...Несмотря на все свои эстетские изыски, «Господин оформитель» допущен к участию в «Золотом Дюке». Что же до предварительных зрительских оценок, то пока что диапазон их широк — от восторженных возгласов «Гениально!» до презрительных плевков в сторону погасшего экрана.

«А ВАМ НЕ СТЫДНО ТАК ЖИТЬ?»

А теперь — торжествуйте, любители коммерческих кинопобед: наконец-то в недрах отечественного дебютного кино родился фильм, впереди у которого шумная прокатная слава. В тех немногих пока городах, где уже показана кинокартина «Маленькая Вера», снятая режиссером Василием Пичулом по сценарию Марии Хмелик, у входа в кинотеатры толпились тысячи зрителей, вечерние сеансы продлевались до утра, а кассы брались штурмом; и даже были зафиксированы случаи жестокого избивания граждан, пытавшихся вне очереди завладеть билетами.

Правда, нет в этом фильме ни слепящего блеска красивой жизни, ни обворожительных танцев и веселых шлягеров, ни зловредных козней судьбы, разлучающей пылких влюбленных; нет ни каратистских драк, ни ковбойских погонь, нет гэгов и шуток, нет даже скромного уюта средней семьи с ее тихими заботами и доступными радостями. Словом, нет всего того, чем так принято тешить многомиллионного нашего зрителя.

А что же есть?

Есть летний портовый город, где вдоль морского берега протянулись сплошной бесцветно-серой панорамой унылые коробки зданий, железные коленчатые трубы, индустриальные свалки до горизонта (оператор Ефим Резников). Есть памятник на площади этого города, в котором сегодняшним нашим презревшим оком узнается Андрей Александрович Жданов — это его имя носит город, показанный на экране. Есть городская танцплощадка с вечными драками стенка на стенку и неслучайным разгоном танцующих под аккомпанемент милицейской сирены, истошный лай овчарок и остаток гремющей музыки.

Есть в фильме и история — сюжетный, так сказать, пласт событий, связанных с жизнью простой российской семьи, где папа шофер, а мама диспетчер, сын живет в Москве, а дочка Вера семнадцати лет ждет вызова из училища связи и попутно влюбляется в студента Сергея. Что с ними всеми происходит, не объяснить односложно — просто по вечерам на кухне, напившись самогона, нехорошо дуриет папа, а мама с яростным упорством консервирует фрукты на зиму, вздыхая от пожизненной усталости. Столичный сын хамит родителям, а дочь слоняется, скучая, в рваном ситцевом халате. Даже и то непонятно объяснить — что за любовь отправила в объятия студента эту маленькую фурию, ведущую свою вторую жизнь шикарной дивой в модном макияже. И что за ненависть обосновалась в этом доме и навлекла убийство.

Право, в этой истории можно бы увязнуть, копаясь в причинах и мотивировках — подчас они выглядят драматургически не выверенными и поспешными. Однако дело здесь в другом: ибо из тех самых городских панорам, ночных забубенных скандалов и каждодневной мороки рождается на экране свой мир. Устроенный по нормальному вроде порядку, где все сыты и одеты, и банки вон с томатами стоят закрученные под окном, и свадьба будет честь по чести,

и на казенном самосвале можно выбраться на море всей семьей. Только, господи, как тошно-то это все. И как чреват этот экранный мир реальной болью, отчаянием и стыдом.

«Да как не стыдно все это показывать?!» — гневно закричала какая-то женщина в темноте зала Центрального Дома кинематографистов на премьере «Маленькой Веры». «А вам не стыдно так жить?» — ответил чей-то голос из той же темноты.

Изначальная, побудительная правда этого фильма все его неясности и вопросы не то чтобы снимает или извиняет — нет, тут иначе: допускает.

* * *

Спору нет, задача не из благодарных — переплести в бессмысленном конфликте работы дебютантов и усилия профессионалов кино, столь искренне озабоченных проблемой прокатного успеха. Тем более проблема эта не чужда и самим молодым, также искренне мечтающим о любви и признании зрителей.

Вот только удастся ли прорвать обидный заслон привычного тем редким пока что фильмам, о которых шла речь в этих заметках? Утвердится ли новое кино на нашем экране? Кино, избирающее предмет и способ разговора по единственной внутренней необходимости. Кино, в мучениях и ошибках вырабатывающее свой, незаемный из газет и плакатов, анекдотов и массовых представлений язык. Язык живого кино...

Не очень дружное, изрядно тертое и настороженное, входит в кино поколение еще недавно неприкаянных, больных талантом. В июне этого года более ста начинающих кинематографистов съехались в Москву на Учредительную конференцию ВОРМ — Всесоюзного объединения молодых кинематографистов. Решением конференции новое товарищество, практически самостоятельное по отношению к взрослому Союзу, создается по принципу федерации, без централизованного подчинения и «направляющих сил». В каждой республике, в каждом кинематографическом городе действует суверенная организация по защите социальных прав и творческой помощи своим участникам. И самое главное — есть надежда, что в такой атмосфере станет появляться хорошее кино.

Рисунок Андрея ПОМАЗКОВА.





Кадры из фильмов
«Черный монах»,
«Маленькая Вера»,
«Господин оформитель».



БОЛЬ ОТЕЧЕСТВА

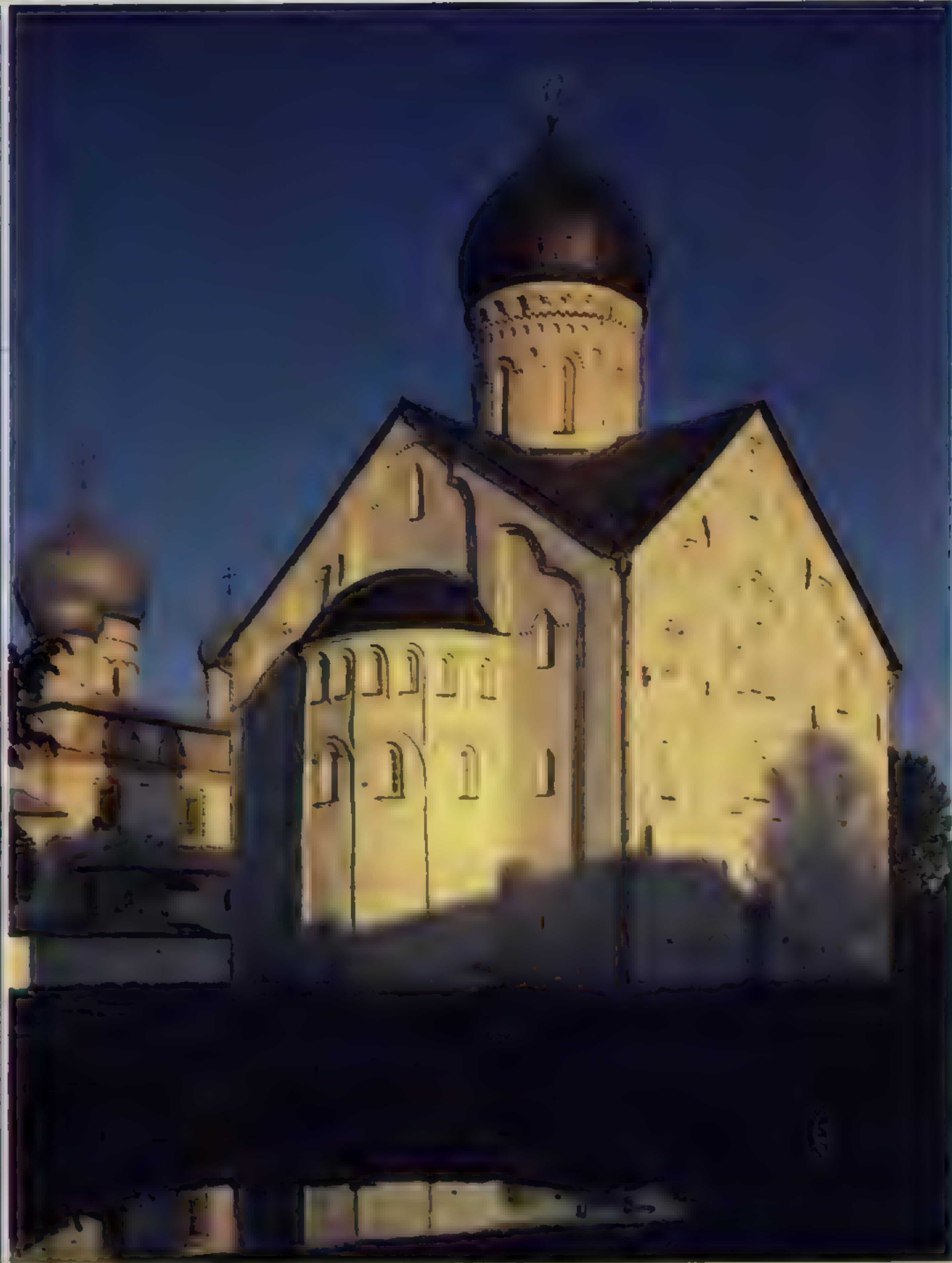
Д. ЛИХАЧЕВ,
академик



фрагмент иконы. План древнего кремля

МЫ ВОЗМУЩАЕМСЯ ТЕМ,
ЧТО ПРОИЗОШЛО
С НАШИМИ ГОРОДАМИ,
С НАШИМИ
ИСТОРИЧЕСКИМИ
ПАМЯТНИКАМИ.
НО ВОЗМУЩАЕМСЯ МЫ
КАК-ТО КУСТАРНО.
НУЖНО НАЧАТЬ
НАУЧНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПОТЕРЬ,
ПОДНЯТЬ АРХИВЫ,
ВЫЯСНИТЬ, ЧТО ПРОИЗОШЛО?
КАК ЭТО ПРОИСХОДИЛО?
КТО УНИТОЖАЛ
КУЛЬТУРУ НАРОДА?
ЭТО НАУЧНАЯ ЗАДАЧА,
А НЕ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ.

Новгородский кремль
на фоне Волхова.



И

происходить. Это должно спокойно без истерики. Факты должны сами воздействовать своей непреложной объективностью.

Вот хотелось бы на основе архивных разысканий знать, куда девались наши тысячелетние богатства, в том числе и церковные. Они были изъятые, но какова их судьба? Ведь среди них не только зо-

лото, серебро и драгоценные камни, были же вещи, важные для истории русского искусства. Они как будто бы передавались в государственные музеи. Но на самом деле оказывается, что многое ушло за границу. Скажем, серебряный иконостас Казанского собора Петрограда. Подаренный атаманом Платовым, он был отлит из отбитого у французов серебра.

А куда исчезли император-

Александр Петрович и Валентина Борисовна Грековы посвятили себя возрождению фресок, разрушенных войной, церкви Спаса Преображения на Ковалеве.

Интерьер Софийского собора.

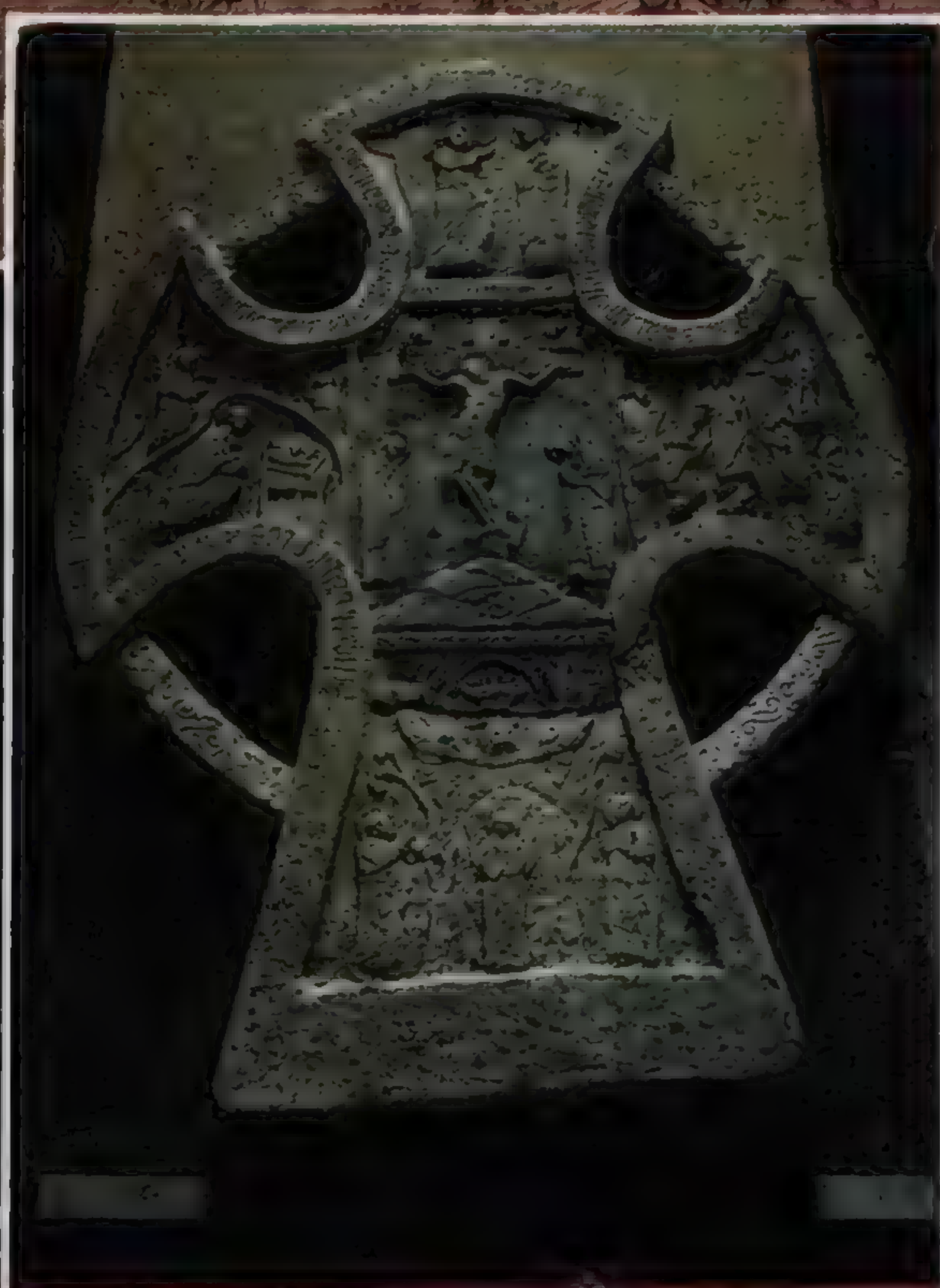
Стены церкви Спаса Преображения на Ильинской улице хранят уникальные фрески Феодана Грека.

«Витославицы» — музей народного деревянного зодчества.



ЕМ.
ЛО
МИ
МИ
МИ
МИ
НО
АТЬ
РЬ
ВЫ
ЛО?
ЛО?
КАЛ
ДА?
ЧА
АЯ.





Новгород. Троицкий раскоп.
Вскрыт культурный слой XIV века.

Алексеевский крест.
Работа новгородских резчиков по камню. XIV век.

Кратер. XII век. Мастер Коста. Новгород. Серебро.

Находки археологов.

ские ценности из Петропавловского собора? Где вещи из раскрытых могил царской фамилии?

Начавшись году в двадцатом, утечка национальных сокровищ продолжается до сих пор. Это можно с уверенно-

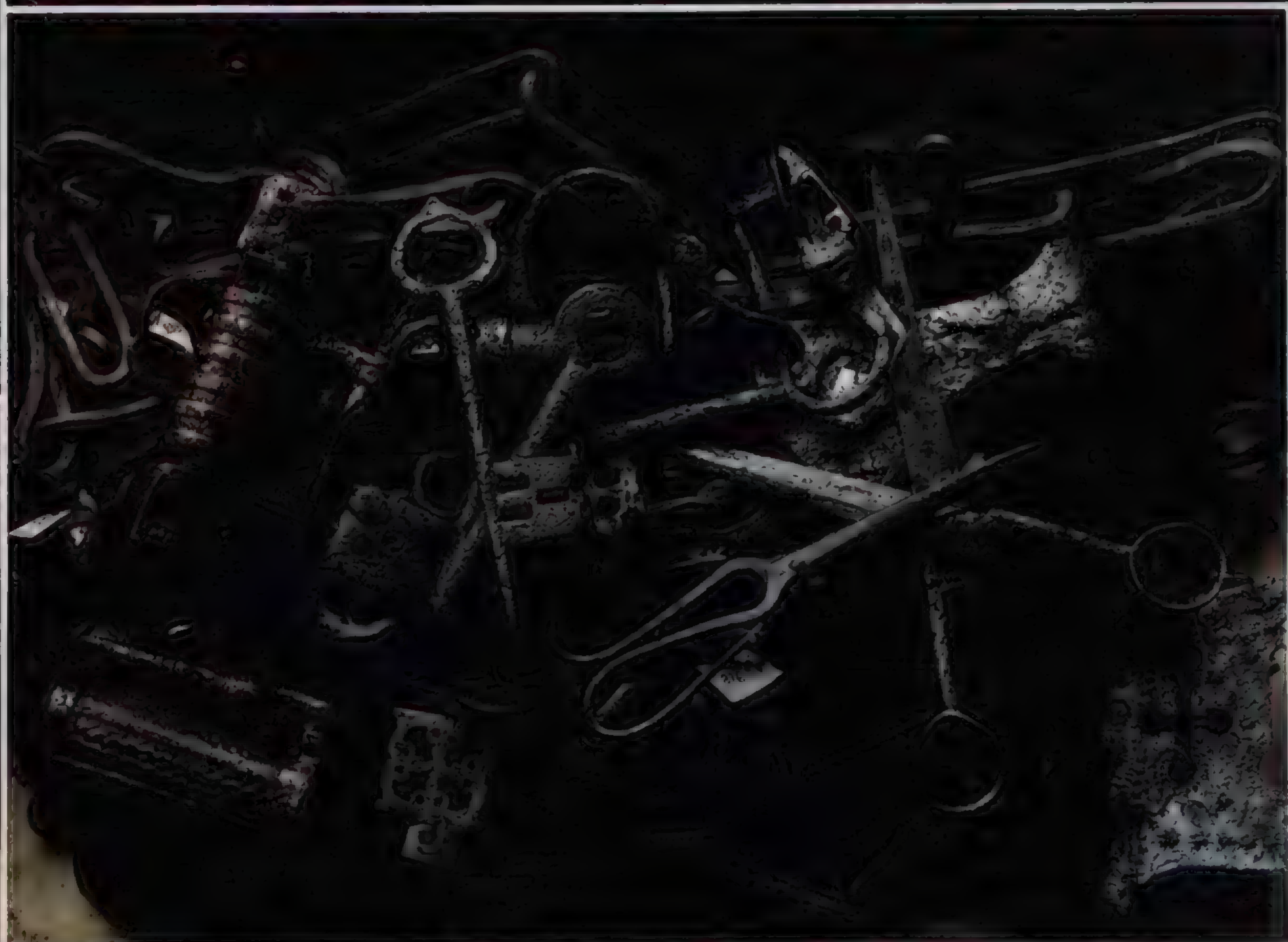


Фото Виктора ЯКОБСОНА. Художество - ПЛАНЕТА



стью сказать, потому что и сегодня что-то мелькает на международных аукционах.

Каким образом, скажем, Филонов попал в Центр Помпиду?

Сам Филонов голодал, но считал, что ничего не должно уходить из страны. Он ел черный хлеб с клюквой и пил один чай, но ничего не продал из работ. Потому что он не продал души художника, мечтал о музее аналитического искусства.

Потом за его полотнами строго следили сестры художника. Бесплатно передали картины брата в Русский музей. Не пожертвовали — передали на хранение. И вдруг оказывается, что полотно Филонова на Западе, и нас уверяют, что виноваты сестры. А я знаю, что и в блокаду они голодали, но ничего не продали.

Меня также интересует деятельность «Международной книги». Она торговала книгами из разных библиотек, усадебных и государственных. Мне было бы важно знать, за какую цену из Публичной библиотеки Ленинграда ушел «Синайский кодекс», древнейший кодекс Библии. Сейчас он находится в Британском музее. Где переписанный в XIV веке митрополитом Алексеем Новый Завет? Где многое другое?

Мы сейчас заняты судьбой отдельных людей, но кто займется установлением судьбы культурных шедевров?

Вершиной распродаж были распродажи Эрмитажного собрания, а основание этого страшного айсберга огромно, оно коснулось всех усадеб России, всех собраний всей страны.

Говорят, что из Эрмитажа Рафаэль не продавался. Это значит, что рафаэлевские «Георгий Победоносец» и «Мадонна Альба» проведены по спискам Зимнего дворца. Когда-то самое большое собрание Рембрандта было в Эрмитаже. А что сейчас? Где Ван Дейк, Веласкес, Тициан, Фрагонар, Буше и т. д., и т. д.?

Что-то продавали, что-то широким жестом дарили.

«Московский дворик» Поленова, один из авторских вариантов, был подарен французскому музею «Комеди Франсез». Они восхитились картиной, а вернувшись в гостиницу, нашли ее в номере. (Мне это рассказывали французы.)

Скажут, что мы не только продавали, но и покупали. Но что мы продали и что купили? Меншикова Растрелли? Не мало ли?

В 30-е годы мировой рынок художественных ценностей был перенасыщен нашими картинами, и цены на великую живопись резко упали в Соединенных Штатах, Франции, Англии, даже в Португалии.

Сейчас Эрмитаж — крупнейший музей мира. Но ведь это произошло за счет упразднения других отечественных собраний, за счет передачи в Эрмитаж многих картин, часто второстепенных.

«Первым рядом» торговали, «третий» было невыгодно продавать, вот и ломались запасники.

Мировой рынок переполнен Фаберже, у нас же его изделий почти не осталось.

Министерство культуры СССР и сегодня дает разрешение на продажу художественного наследия прошлого. Этой весной в финской гостинице «Интерконтиненталь», в ларьке, я видел прекрасные русские иконы XVII и XVIII веков с удостоверениями нашего Минкультуры. Значит, распродажа продолжается. И нас уверяют, что это «ненужные» вещи!

В 30-е годы появилась такая концепция, мол, раньше музеи были хранилищами коллекций, а у наших музеев педагогический уклон, в них представлено все, но со строгим отбором. Концепция и была создана для оправдания распродаж. (Кстати, Веласкес ушел просто целиком!) Для будущего культуры это оказалось ударом. Ведь музеи создавали, воспроизводили культуру. Это те же училища живописи, как библиотеки — те же университеты.

Мы можем лишиться университетов,

но если останутся музеи и библиотеки, культура и искусство не исчезнут.

Меж тем годы, когда библиотекам не отпускалось необходимого, начинают сказываться. Там пожар, тут разрывает отопительные трубы, повсеместно — грабеж среди бела дня. Гибель и запустение.

Почему библиотека Института мировой литературы, великолепная библиотека, столько лет гниет по подвалам и недоступна для исследователей? Ведь это же удар по нашему литературоведению!

«Память» и прочие экстремисты списывают все беды на инородцев и иноверцев. Логика знакомая: все виноваты, кроме нас самих! Так вот, чтобы нелепость эта не проходила, необходимо установить все факты ущерба национальной культуре. И сказать, кто виноват. А виновата система, режим, целые учреждения. Что, конечно, не снимает личной ответственности. «Память» будет тлеть в обществе, пока нет достаточного уровня гласности. А его еще нет.

И когда валят на инородцев, мне мерещится тень Сталина, тень сталинизма. Сталинский план переселения народов и шельмования целых национальностей. Сталинский страх и подозрительность. Сталинский поиск вредителей и врагов народа. Целые народы были «врагами народа». Это мышление с 30-х годов навязывалось стране, воспитывалось десятилетиями. И сейчас прорастает, грозит принести те же кровавые плоды.

Вот почему так необходимо точно знать, что и когда уничтожено, продано, заблуждено. И кем это сделано.

Все это напрямую относится к новейшей истории двух великих в истории русской культуры городов — Пскова и Новгорода.

Великих и древних. Псков — это родина княгини Ольги, которая и крестилась-то много раньше своего внука Владимира. Село, где родилась Ольга, псковское село Выгуды, существовало до самого последнего времени. Пишу в прошедшем времени, потому что не знаю, существует ли оно сейчас, оказалось ли оно «перспективным». В последние годы исчезли многие исторические села и населенные пункты. Погибла и память о них.

В Швеции или Норвегии известна история каждого села, есть книги по истории деревень. И каждый житель гордится своим селом, потому что знает его историю. У нас на рубеже 30-х краеведение было объявлено буржуазной националистической наукой. А краеведы были арестованы. И до сих пор краеведение на должном уровне не возобновлено. Возродить его — одна из задач нашего Фонда культуры.

Одна из самых красивых псковских церквей — Сергей с Залужья. Она всемирно известна, великолепное ее произведение было в «Истории русского искусства» Игоря Грабаря.

Сначала ее приказали снести, но снос был приостановлен, хотя главку успели таки порушить. Не снесли, но застроили многоэтажными домами и даже гаражами. Мы с Вениамином Кавериним протестовали, добились того, чтобы гаражи убрали. Но и только.

Кинотеатр «Октябрь» в Пскове построили так, чтобы он отвлекал старушек, идущих в церковь Троицы. Этаким громом от религиозного дурмана. Так начальство понимало исключительную важность киноискусства.

При строительстве погибли бесценные, не исследованные никем пласты культурного слоя, а в них — псковские древние водоотводы. Сегодня кинотеатр «Октябрь» проседает. Планируется его снести.

Но когда он проектировался и строился, в 50-е, Псков был еще красив, он еще был старым Псковом. А потом его застроили.

Застройка Пскова равнялась его уничтожению. Потому что если городской чиновник снесет древний храм, ему никто слова не скажет сверху,

а если он срует стоящее на балансе панельное «человекохранилище» десятилетней давности, его будут судить.

Красоту Пскова убили панельной застройкой. Она велась даже по берегу реки Великой, даже на площади перед кремлем.

Застройка сводила на нет все усилия реставраторов. Они восстановят, а восстановленное обнесут пятиэтажками, как забором.

Вообще современная застройка наших городов — это унылое однообразие гигантских трехмерных заборов.

Псков и Новгород — культурные центры древнерусской вечевой демократии. Там начиналось русское Возрождение. Оно не развилось, потому что республики были раздавлены Москвой. Оно дало лишь первые победы, которые мы видим в собственно возрожденческих приемах живописи, в интересе к индивидуальности человека и теме материнства. Шел этот процесс и в Центральной России (вспомним Феофана Грека и Рублева), но все-таки основными центрами Предвозрождения были Псков и Новгород.

Сегодня в Новгороде климат определяется химическим комбинатом: воздух в городе пропитан такой дрянью, что на глазах разрушаются новгородские фрески и иконы. А между тем Новгород с его музеями — третий по величине центр древнерусского искусства в стране. Третьяковка, Русский музей. И потому — новгородские собрания.

Даже древний известняк, строительный новгородский камень, не выдерживает ядовитых испарений. Крошится.

Известняк — материал нежный и хрупкий. В древности его штукатурили и белили. На новгородских иконах мы видим храмы — светло-голубые, светлорозовые. Теперь делаются попытки оставить известняк без штукатурки и побелки. Одна из них — Петр и Павел на Софийской стороне. Но это все равно, что человек со снятой кожей.

И в Новгороде лучшие храмы застроены.

Сохранение памятников идет главным образом в пределах исторического ядра города. А нужно сохранять весь город целиком. Более того, Новгород не может быть отделен от своих окрестностей, он естественно переходит в Красное (красивое!) поле. Поле это действительно ценили за красоту. И по его горизонту высились церкви. На одном берегу Волхова — Юрьев монастырь, на другом — Юриково городище и Нередица, затем шел Кириллов монастырь, Андрей на Ситке, Ковалево, Волотово, Хутины.

Я видел все это еще перед войной.

С принятием христианства Киев стал соперником Константинополя и началось на Руси строительство Софийских храмов.

Люди верили, что Русь находится под покровительством Божьей Матери. А София — это объединение Премудрости Божьей и Богоматери в одном лице.

Новгородская София в отличие от киевской не подвергалась решительной перестройке. Потому-то она ценна особенно. Это она хранит на своих стенах и сводах ранние фрески, росписи, глаголические надписи и граффити.

По преданию, записанному в Новгородской третьей летописи, этот город стоит до тех пор, пока Вседержитель в куполе удерживает в деснице его судьбу. Снаружи центральный купол был густо позолочен, в нем, как в зеркале, отражались облака.

Немцы выпустили первый же снаряд по куполу Софии. Но вопреки пророчеству город еще стоит. Хотя и гибнет, задыхается от застройки и химкомбината.

Построили пешеходный мост через Волхов — нанесли удар по образу города. Что для Новгорода Волхов? Центральная улица, поскольку сам город был портом четырех морей. По Волхову шли ладьи с товарами, и Новгород ставился лицом к Волхову. И вдруг мы возводим громадный театр, обращенный к Волхову задом.

Это все равно, что вывернуть город наизнанку!

Как можно настолько не задумываться о красоте и историческом укладе?

Планировали-то свои!

Меня уверяли, что на содержание этого театра в год мы тратим чуть не полмиллиона. Театра, в который не ходят или почти не ходят зрители. Театра, стоящего задом к культуре, выстроенного не по размерам города.

Сейчас зрителю прежде всего нужны маленькие залы, ведь в современных пьесах не участвуют танки и конница. С кинематографом и телевидением могут конкурировать только маленькие театры: в Европе и во всем мире сейчас их расцвет. Лишь в таких условиях возможен контакт зрителя с актером.

В новой рубрике «Огонька» я хотел бы увидеть не только красивые снимки древнерусских городов, но и то, в частности, как нельзя эти города застраивать. Нельзя застраивать новгородское Красное поле, нельзя тянуть город к Юрьеву монастырю. Тем более стандартными зданиями.

Новгород был необыкновенно красив перед войной: невысокие деревянные дома, окруженные садами, тысяч пятьдесят жителей. После войны было решено, что в Новгороде будет только электрическая промышленность. Ни о какой другой (химической и прочей) не было и речи. Значит, и при Сталине понимали, что такое этот город. А потом понимать перестали.

Сейчас в правительстве решается вопрос о возрождении Пскова и Новгорода, о приведении их в порядок. На это будут отпущены большие деньги. Но есть опасность, что получится, как с Суздалем: развитие туризма превратит древнерусские города в «валютные». Значит, нужно сначала возродить города для жизни (причем не только их исторические центры, а целиком!) и лишь потом строить отели для иностранцев.

И хорошо, что будут приглашены специалисты-реставраторы из Болгарии и Польши. У них большой опыт. Но принципиальные вопросы все-таки должны решаться нашими специалистами, потому что реставрация — искусство национальное и Псков с Новгородом не должны походить на Софию или Познань.

Драма нашего реставрационного дела — в разделении, в отделении и отлучении реставрационного труда от реставрационного проектирования. Одни рисуют, другие исполняют. Исключения сегодняшняя реставрационная практика почти не знает, разве что опыт гатчинского реставратора Александра Александровича Семочкина, восстановившего своими руками комплекс Вырской почтовой станции.

Реставратор перестал быть строителем, плотником и каменщиком. Тот, кто проектирует, получает большую зарплату. Тот, кто возводит, воплощает проект, — мизерную. Так умирают древние ремесла, потому что никто не хочет идти в каменщики и плотники за эти деньги. Нельзя плотнику-реставратору платить, как строителю панельного дома, а тем паче меньше строителя.

Такое «разделение труда» произошло лет двадцать пять назад и погубило профессию реставратора, погубило народные ремесла. И тут же сделали реставрацию дорогостоящим делом!

Мне об этом рассказывал псковский реставратор Б. С. Скобельцын. Когда-то он говорил плотнику: «Надо поставить крышу. По проекту мы хотим сделать вот так». Тот соглашается: «Хорошо, сделаю. Сколько будет стоить?» «Ну, 600 рублей». Плотник берет с со своими молодцами и делает. А Скобельцын ему: «А как бы ты сделал для себя?» «А для себя я бы тут и тут сделал бы вот эдак...» И делали!

Мне рассказывали, что в Новгороде недавно списали одних лишь реставрационных проектов, неосуществленных и морально устаревших, на три миллио-

на рублей... То же и в Ленинграде. Интересно, долго ли это будет продолжаться?

Я говорил об этом в правительстве, со мной согласились. А как это выйдет на практике?..

И еще о памятнике в честь освобождения Новгорода. Это безобразное сооружение возмущает и новгородцев, и приезжих. Этот нелепый памятник поставлен на Софийской стороне: всадник, скачущий в сторону Торговой стороны и буквально ломающий ноги коня о свастику.

Для справки: освобождение города пришло как раз с Торговой стороны. Значит, всадник летит навстречу советским войскам. Кстати, в тех местах действовала только фашистская конница, она стояла как раз в Юрьевом монастыре. У наших конницы под Новгородом не было. Весь памятник — как увеличенный оловянный солдатик. Уровень художественный — самый примитивный.

Сейчас время стремительно меняется и ставит перед нами очень сложные задачи. Возродить культуру народа можно только оценив утраченное. Повторю: это насущная задача дня — изучить и восстановить историю утрат: распродаж и разрушений.

И, наконец, еще одно и очень важное: необходимо изучать «образ города», его индивидуальность. Только после того составлять планы реставраций. И новые районы должны создаваться в гармонии с историческими.

ПОСЛЕСЛОВИЕ ОТДЕЛА ЛИТЕРАТУРЫ

Выступлением Д. С. Лихачева мы начинаем нашу новую рубрику. Она так и будет называться — «Боль Отечества». Долгие десятилетия накапливалась в обществе эта боль. Долгие годы тема отечественной культуры, поруганной, подруганной административно-репрессивными методами сталинщины, искала выхода на страницы периодических изданий.

Нельзя сказать, что тема эта вовсе уж «земля незнакомая». И начинаем мы наш долгий разговор статьей ученого, который еще и в начале пятидесятых отстаивал нерасторжимую связь культурно-исторических традиций, мужественно вступался за обесчещенные памятники прошлого, вел мучительную борьбу против чиновного варварства и общего нашего небрежения духовным наследием народа. Это Лихачев выдвинул понятие «экология культуры» и неоднократно предупреждал о недопустимости «эксплуатации будущего».

Конечно, нам не удалось бы сохранить и того, что мы все-таки сохранили, если бы, помимо Лихачева, десятки подвижников культуры не вставали бы перед ножом бульдозера, не спасали бы своими руками картины и рукописи, не собирали бы подписи под петициями.

И все-таки именно сегодня это движение становится подлинно общественным и массовым. Так обстоит дело в России. Такие же процессы идут сейчас в каждой советской республике, везде, где человек становится гражданином и понимает, что будущее напрямую зависит от прошлого. Увы, есть у этого движения уже и негативный опыт: тем, кто противится демократизации, тем, кому вольготно жилось в застойные годы, спекуляция на национальных святынях нужна, чтобы поссорить народы, списать все беды на «происки инородцев». Слова о многолетней «психологической войне против России» недвусмысленно прозвучали с телеэкрана в июльском вечере журнала «Наш современник» из уст главного редактора Викулова. И не были опровергнуты ни в одном из выступлений уважаемых наших писателей. Что ж, это тоже позиция, это тоже «принципы». Другое дело, что ведут они к той же сталинщине.

От нас зависит, чтобы этого не произошло.

Валерий АГРАНОВСКИЙ

АНФАС И ПРОФИЛЬ КОНОНА МОЛОДЫЯ

МОНОЛОГИ*

АВТОР:

Предыстория. В самом конце шестидесятых годов я, молодой литератор, упражняющийся в сочинении детективов и уже напечатывавший к тому времени (правда, под псевдонимом и в соавторстве) несколько приключенческих повестей в центральных молодежных журналах, получил неожиданное предложение от соответствующего ведомства собрать материал для документального повествования о советском разведчике Г.-Т. Лонгсдейле.

Я знал понаслышке, что Лонгсдейл был крупным английским промышленником-миллионером, получившим от королевы Великобритании звание «сэра», что он был арестован в Англии, осужден, сидел какое-то количество лет, а потом обменен на коммерсанта Винна (или Девинна?), избалованного в шпионской деятельности против СССР и приговоренного у нас к тюремному заключению.

Немного поразмыслив, я дал согласие, движимый более любопытством, нежели желанием писать о Г.-Т. Лонгсдейле. Откровенно признаюсь, к «шпионским» детективам я и до сих пор отношусь с предубеждением: меня шокирует то обстоятельство, что с их помощью молодому и неопытному читателю в сладостной облатке погонь, перестрелок и переодетий может преподноситься горькая начинка в виде самых различных методов, — надеюсь, вы понимаете, о чем я говорю, — вполне приемлемых для достижения целей не только в разведке, но, между прочим, в жизни вообще.

Однако я не жалею, что встретился с Лонгсдейлом. Замечу попутно, что на самом деле мой будущий герой не был ни «Г.-Т.», ни «Лонгсдейлом», а Константином Трофимовичем Перфильевым, под именем которого официально значился в архивах и делопроизводстве Центра. Впрочем, не был он и Перфильевым, а вовсе Кононом Трофимовичем Молодым, сыном ученого и врача, родившимся в Москве и жившим в молодости на Русаковской улице, что возле Сокольников, прямо напротив кинотеатра «Шторм», ныне снесенного, но я не уверен, что и Молодой его настоящая фамилия.

Так или иначе у меня было с Кононом Трофимовичем ровно одиннадцать встреч. Обставлялись они следующим образом. Заранее, примерно за неделю до каждой встречи, я составлял вопросник из пяти — семи пунктов, переправлял его в соответствующее ведомство, откуда мне сообщали, когда и в котором часу я должен подъехать к главному подъезду соответствующего здания на одной из центральных площадей столицы, а проще сказать — в КГБ.

Я подъезжал. Меня встречали и вели в просторную комнату на втором этаже, которую лучше бы назвать маленьким залом. Он был пустым, если не считать длинного полированного стола с пепельница-

ми, стоящего посередине, и более десятка стульев с одной его стороны, предназначенных для моих собеседников, и одного стула по другую сторону — для меня. Я садился и ждал. Минут через пять входил Лонгсдейл, которого сопровождали разного возраста люди, хорошо одетые и неизменно вежливые. Их возглавлял человек примерно сорока пяти лет с белым платочком, углом торчащим из нагрудного кармана отлично сшитого пиджака, впредь я буду называть его Ведущим. Все они по очереди здоровались со мной за руку и рассаживались на стулья, причем ни разу из одиннадцати встреч не получалось так, чтобы кто-то оставался без стула или какой-то стул без седока, хотя количество мебели и людей всегда было разным. Мой будущий герой предполагался ровно напротив меня, и после нескольких ни к чему не обязывающих фраз («Как вам погода, не промокли?» — «Благодарю, я в машине, но прекратятся когда-нибудь эти дожди?» — «Прямо лондонский климат, не находите?» — «Вам лучше знать, сэръ!»), мы приступали к делу.

Сначала мне было непонятно, зачем столько молчаливых свидетелей отрывают себя от забот и присутствуют часами при наших беседах. Их назначение я понял, когда они начали вдруг говорить. Однажды, отвечая на мой вопрос, Конон Трофимович помянул факт из своей биографии, связанный с пребыванием в американской школе разведки, расположенной на территории ФРГ. Тут человек с платочком, названный мною Ведущим, вежливо прервал его и обратился к одному из присутствующих: «Прошу вас, Владимир Платонович!» Тот начал: «Строго секретная американская школа разведки находится в тридцати семи километрах от Мюнхена, если ехать по автострате Мюнхен — Берлин. На тридцать седьмом километре надо свернуть направо на бетонку, и буквально через двести метров, в лесу, на берегу небольшого озера (восемьдесят на сто двадцать шагов), будет стоять трехэтажное здание красного кирпича типичной немецкой готики, с закругленными наверху окнами по всему фасаду. Перед входом в здание два дерева: дуб диаметром около метра и ольха, ветви которой достигают окон третьего этажа...» В другой раз Лонгсдейл говорил о том, как и когда он впервые оказался в Канаде, в Торонто, и останавливался в отеле недалеко от вокзала. Ведущий попросил: «Будьте любезны теперь вы, Борис Николаевич!», после чего «Борис Николаевич» стал рассказывать мне об отеле, в котором жил в Торонто Лонгсдейл: «Отель называется «Терминаль» и характерен тем, что вся обслуга его, кстати, сплошь состоящая из мужчин, одета в униформу, специально сшитую для сотрудников «Терминаля». Лучшие номера — на шестнадцатом этаже двадцатизэтажного здания отеля, поскольку совершенно изолированы от окружающего мира звуконепропускаемыми прокладками в стенах...» Почему эти данные, как и прочие, излагаемые свидетелями, не мог изложить сам Конон Трофимович, я до сих пор не знаю и могу лишь предполагать: либо он никогда

* Отрывок из повести «Профессия: иностранец», которая полностью будет опубликована в этом году в сентябрьском номере журнала «Знамя».



К. Молодой
с Рудольфом Ивановичем Абелем
и их коллегой.

в «Терминале» не останавливался и в строго секретной американской разведшколе не был, но нужно было, чтобы он там «был», по крайней мере в повести, которую я был намерен писать, либо Лонгсдейл побывал в действительности и там и там, но почему-то ему хотелось из чужих уст услышать то, что впервые слушал я. Впрочем, я скоро привык к этим тайнам мадридского двора, больше не удивлялся и воспринимал все так, как оно и звучало.

Если звезды зажигают, значит, это кому-нибудь нужно?

Портрет. Ведущий попросил меня записать по ходу бесед с Лонгсдейлом не вести, а просто запоминать, что я и делал. Эти «монологи», таким образом, воспроизводятся мною по памяти и потому могут содержать неточности, особенно в названиях маленьких городов, улиц, имен и дат, возможно, как раз нуждающихся в том, чтобы я не ошибался. С другой стороны, в такой непривычной для литератора методике сбора материала было и свое преимущество, а именно: в моей памяти оседало самое важное, яркое и существенное, в то время как мелкая рыбешка уходила из сетей, но и жалеть о ней не следует, она действительно мелкая.

Добавлю к сказанному, что даже внешний облик Лонгсдейла, не зарисованный мною с натуры в блокнот, нынче воспроизводится памятью, как если бы художнику-портретисту предложили воспользоваться строго ограниченным количеством мазков. Лонгсдейл был ниже среднего роста. Широкоплеч, крепко сбит. Черный. Скуластый, глаза немного раскосые: по предкам Конона Молодого, несомненно, пронеслась лет шестьсот назад татаро-монгольская орда. Взгляд острый, ироничный, живой. Впрочем, в случае нужды Лонгсдейл умел надевать на лицо по классическому восточному образцу маску непроницаемости, и тогда к нему вполне подходило расхожее выражение, часто применяемое авторами детективов: «Ни один мускул не дрогнул на его лице». Сказать, что в толпе Лонгсдейл незаметен, что мы привыкли полагать чуть ли не главным качеством настоящего разведчика, я не могу: смотря в какой толпе! Среди казанских татар, возможно, он и растворился бы, но в обществе респектабельных английских бизнесменов, как говорят в таких случаях: извините! — я бы выделил именно его.

КОНОН ТРОФИМОВИЧ:

Однажды. Лечу уже здесь, в Союзе, рейсом Москва — Сочи и слышу за спиной тихий разговор: «Вы что-нибудь знаете о Лонгсдейле, который был помощником полковника А.?» «Извините, а кто это «полковник А.»?» Я, естественно, не оглядываюсь и вспоминаю анекдот вот с такой бородой: учитель в школе спрашивает ученика, в каком году умер Наполеон, а тот отвечает: извините, господин учитель, но я даже не знал, что он болел!

Психология. Кто я в чужой стране, как вы думаете? Враг? Ни в коем случае! Тот смысл, который вкладывается в обычное понятие «шпион», ко мне не относится. Я разведчик! Я не выискиваю в чужой стране слабые места с точки зрения экономики, военного дела или политики, чтобы направить против них удары. Я собираю информацию, исходя из совершенно иных замыслов, поскольку вся моя деятельность направлена на то, чтобы предотвратить возможность конфронтации между моей родиной и страной, в которой я действую. Именно в этом смысле инструктирует нас Центр, и мы придерживаемся этого принципиального указания. Кстати, вам не приходилось где-нибудь читать, что написано на могиле Рихарда Зорге? В Токио на кладбище Тама лежит гранитная плита с такими высеченными на ней словами: «Здесь покойся тот, кто всю свою жизнь отдал борьбе за мир». Теперь вам понятно, что я хочу сказать?

Провал. Такая вот мелочь: англичане пьют пиво, как у нас пьют квас. Я лично пиво не терплю, но отказаться от него никак невозможно; если у нас в Союзе кто-то упорно отказывается от кваса, можете не сомневаться: шпион! В компании, во время ленча, выпить пиво, поиграть в кегли или в «перышки» не считается грехом; я тоже играл и тоже пил — а что делать? Причем пил по классическому, «английскому» образцу, мешая сорта пива, чаще всего черное со светлым. И, представьте, привык. У меня теперь довольно много чужих привычек. Например, здороваясь, я, как и все англичане, слова приветствия произношу, но руки не протягиваю и не жму протянутую мне: кто в Англии протянул, тот иностранец! А если приходится считать на пальцах, то не загигаю их, как дома, а, наоборот, разгибаю, как делают во всей Европе.

Работа. Резидент, которого еще называют «шефом», если вербует агента, по-нашему «помощника», делает вид, что вовсе его не вербует, а просто покупает нужную информацию: мне нужна информация, вам — деньги, адью! А кготок у агента увяз, он из этого дела уже не вылезет. Агент тот хорош, кто обладает следующими данными: служит, например, в военном ведомстве на невысокой, но ключевой должности, дающей доступ к информации, не выслушивается в старшие офицеры, носит амплуа неудачника (не сумел, положим, в прошлом окончить академию генштаба), любит выпить (а это дорого стоит!), имеет слабость к женскому полу (что тоже недешево!), критически относится к своему правительству и лояльно к правительству резидента. Впрочем, не только слабостей ищут в своих помощниках шефы, а предпочитают для вербовки четкую идейную основу, которая намного прочнее меркантильной, гарантирует от провала и украшает

достижение цели не низменными, а вполне достойными методами. Такой вариант, конечно, не частый, но тем он и заманчивей для каждого разведчика, претендующего на звание порядочного человека. Я знаю случай, когда идейно убежденный агент давал информацию, которую долгое время в Центре принимали за дезинформацию, организованную противником: уж больно она была дорогой и слишком дешево нам доставалась, а признать убежденность агента искренней тоже было непросто. Рискованно! Впрочем, если бы обиженные богом и судьбой поголовно стремились в агенты иностранных разведок, резидентам пришлось бы отбиваться от волонтеров ногами.

Качества. Трезвость ума, выдержанность, самоконтроль — три наших «кита». Острое удовольствие от нашей работы испытывают только мазохисты и прочие извратители. Может ли врач-онколог быть «довольным» опухолью, которую видит? Удовлетворение от операции, и то, если она удачно прошла — это еще куда ни шло! Настоящий разведчик носит в себе постоянное, нормальное, всепоглощающее и воистину острое желание: домой! На Родину! К семье! Если это и есть патриотизм, пусть будет так. Я знаю определенно, что без этого желания мы рискуем подпасть под хандру и меланхолию, под чужое влияние. У англичан есть пословица: моя страна, права она или не права. Универсальная мысль, я ею тоже вооружен. Из двенадцати мальчишек моего класса в живых после войны остался я один. Могу я это забыть? Не хочу больше войн! Эта идея давала мне силы. Если угодно, она же несла и романтический заряд, без которого, будучи по натуре сухим рационалистом, я бы «послал» в свое время предложение работать в разведке куда подальше, и все дела.

ВЕДУЩИЙ:

Сюжет. Считаю целесообразным предложить вам следующую сюжетную схему будущей повести о Лонгсдейле; если что-то не будет понятно, задавайте вопросы прямо «по ходу». Итак, с началом Великой Отечественной войны ваш герой (пусть он пока носит условное имя Л.), только что окончивший десятилетку, попадает добровольцем на фронт. В составе диверсионной группы он выполняет в тылу врага оперативные задания. Потом, возвратившись через линию фронта в родную часть, служит в разведывательном батальоне, показывает себя смелым и волевым солдатом, неоднократно берет «языков», участвует в их допросах (в качестве переводчика), выполняет отдельные поручения начальника особого отдела дивизии.

— Виноват, какие поручения?

— Отдельные.

— А почему Л., а не Лонгсдейл?

— Л. не совсем Конон Трофимович.

Начальник особого отдела, убедившись в том, что имеет дело со стоящим человеком, рекомендует его на работу в органы КГБ. Так ваш герой еще во время войны попадает к нам. После короткой спецподготовки его забрасывают в глубокий немецкий тыл, в самое логово. Там, в Берлине, Л. устанавливает связь с резидентом нашей разведки Д., который снабжает его надежными документами, обрабатывает легенду-биографию, помогает легализоваться и включает в активную разведывательную деятельность. После победоносного окончания войны Л. возвращается на родину и, уволившись из разведки, поступает в высшее учебное заведение. Обзаводится семьей. В 1949 году, в период работы над дипломом, его вызывают в Комитет государственной безопасности.

— Не понял: откуда Л. знает немецкий язык? Обычная школа?

— Нет. До войны он четыре года прожил с родителями в Германии, учился в немецкой «школе».

— Что я могу писать о резиденте Д.?

— Ничего, кроме того, что он Д.

— Но минуло более тридцати лет... Хотя бы, он жив?

— Да. В том-то и дело.

В КГБ вашему герою предлагают выполнить ответственное задание, связанное с разоблачением подрывных акций ЦРУ против нас в Западной Германии и, возможно, в Японии. После некоторых раздумий Л. дает согласие и вскоре оказывается на территории ФРГ в роли «немца», используя свои прежние документы и (частично) старую легенду.

— Раздумывая, он советуется с женой и родственниками?

— Нет, его решение самостоятельное.

— А как объясняют жене скоропалительный отъезд супруга?

— Не проблема: срочной командировкой Внешторга в Китай.

— ?

— Л. владеет китайским языком.

— Оканчивает соответствующее отделение МГИМО?

— Можно и так. Института внешней торговли.

С помощью резидента Д. он успешно легализуется, заводит полезные связи и ищет подходы к лицам, работающим в «Бундеснахрихтендинст» (БНД) — геленовской разведке, полностью находящейся под контролем американцев; БНД, кроме прочего, готовит для заброски в Советский Союз агентуру, вербуя ее среди русских людей, по разным причинам оказавшихся на Западе. Наконец, Л. выходит на человека, с которым был знаком еще во время войны, в свою первую «командировку» в Германию. Назову этого человека Герхардом. Для восстановления с ним «дружбы» Л. не жалеет ни времени, ни денег, но вдруг понимает, что и Герхард, работающий в БНД, тоже обнюхивает его, пытается, вероятно, привлечь к сотрудничеству с геленовцами.

— На ловца и зверь бежит?

— Примерно так. Но сложнее.

— Нельзя ли военный период жизни Л. осветить подробней?

— Можно. Внесите этот пункт в ваш вопросник, адресованный Конону Трофимовичу.

Именно в тот период Центр задумывает довольно простенькую акцию, касающуюся некоего Альфонса Вагнера, и ищет для нее исполнителя; ваш герой, казалось, лучше других подходит на эту роль, тем более ему нужно чем-то заполнить паузу, что, как потом выяснилось, было ошибкой Центра: лучше бы ему сидеть тихо...

КОНОН ТРОФИМОВИЧ:

Психология. Авантюрная жилка, говорите? Она, возможно, и нужна разведчику, но главное в другом. Каждый из нас, разведчиков, играет самого себя, я бы сказал, с поправками. Что это значит? Разведчику, как и актеру, подбирают «роль», которая соответствовала бы его характеру, темпераменту, вкусу, конкретному состоянию и его человеческому амплу: этот — художник, этот — изобретатель, бармен, журналист, врач, консьерж, я, например, — бизнесмен. Не так важна сама профессия, сколько то, чтобы к ее носителю меньше придирались. Поясню. Если я бизнесмен, мой характер не должен мешать мне исправно платить налоги; при этом я должен учитывать, что тот, кто доносит на неплательщика налогов, получает десять процентов от суммы, с него взысканной по суду, — представляете, сколько лишних глаз будут смотреть на меня! Знаменитый Аль-Капоне, всю жизнь блистательно не дававшийся в руки правосудия, хотя он и совершал ужасные преступления, все-таки сел — за что? Вы не поверите: за неуплату налогов!

Однажды. Иду в Лондоне по улице, вижу киоск, и на видном месте — «Правда»: портрет руководителя на всю страницу в траурной кайме. Взял газету. Не удержался. Хотя это было грубейшим нарушением дисциплины; надеюсь, за давностью лет и в связи с добровольным признанием, руководство меня ругать не будет. Зато в другой раз было иначе: дисциплина восторжествовала, кажется, вопреки логике. Дело было так. Я выехал в Цюрих на встречу с курьером-связником. Ехал через Париж (там у меня тоже было маленькое дельце) и был рад, что вырвался из Лондона, хоть на три дня. Чувствовал себя отвратительно. В Англии в период туманов многие так себя чувствуют: простужаются, чихают, кашляют, почему-то глотают капсулы чиббего жира. Я вообще плохо привыкал к тяжелому лондонскому климату, годы проходили — так и не привык, и в этот раз чихал, температура была не меньше 38°, всю грудь заложило, ел антибиотики... Ладно. И вот, наконец, шагаю вечером по Парижу где-то в районе бульвара Капуцинов и — дышу! Вижу — кинотеатр, на афише художественная картина (производство «Мосфильм»), тоска взяла: острое желание посмотреть, — но разве можно? Продолжаю идти дальше, в отель, и вдруг вижу: господа — Джонни! Топают мимо кинотеатра, тоже поглядывают на афишу — мой связник, с которым завтра у меня в шестнадцать часов встреча в Цюрихе! Ну, мы, конечно, остановились: — Когда из дома? — Ты осунулся. — Небось уже тает? — Весна! Что ж ты осенью в самые туманы будешь делать в стране Альбиона, так ее эдак! — Перебьюсь. О моих ничего не слышал? — Вроде нормально... Короче, сплошной «вечер во-

просов и ответов». А закончили так: ну, завтра увидимся! И распрощались до Цюриха. Я подумал было, зачем этот формализм: ехать в Цюрих, брать в левую руку «Огонек», надевать синий галстук в белый горошек, если можно все сделать сейчас, как говорится, не отходя от кассы (кинотеатра), тем более: он знает меня, я знаю его, он специально едет ко мне из Москвы, я специально еду к нему из Лондона, и уж если так случилось, что мы встретились в Париже, почему бы: я ему — контейнер с информацией, он мне — контейнер с инструкциями Центра, всего одно рукопожатие? Но нет, мы распрощались и разошлись: он — не знаю куда, я — в гостиницу, чтобы следующим утром выехать на встречу со связным в Цюрих: дисциплина!

Работа. Перевоплощения, к которым так часто прибегают литераторы и кинематографисты, рассказывая о нашей работе, в действительности чрезвычайно редки. Я, например, ни разу не приклеивал усы или бороду, не надевал парик, не наряжался в военную форму или женщиной, или в одежду чистильщика сапог. Все это совершеннейшая глупость, потому что резиденту и его помощникам нет нужды куда-то тайно проникать (за очень редким исключением!), стоять сутками за занавеской, выдавать себя за слесаря-сантехника и коммивояжера или карабкаться в окна по веревочным лестницам. Я полностью согласен со своим коллегой полковником Абедем, который сказал, что разведка — это не приключенчество, не какое-то трюкачество, не увеселительные поездки за границу, а прежде всего кропотливый и тяжелый труд, требующий больших усилий, напряжения, упорства, воли и выдержки, серьезных знаний и большого мастерства. Наша работа, если хотите, даже скучна, а наш метод иногда весьма прост: анализ данных, взятых из газет и других официально издаваемых источников информации. Ну, а если мы и достаем сверхсекретные документы прямо «из сейфов», то лишь с неременным условием, чтобы приобретение их не ставило под угрозу сеть нашей агентуры и каждого агента в отдельности. Я намеренно снижаю лишний налет «героического романтизма» с нашей работы, она и без этого флера достаточно опасна: двадцать пять лет тюрьмы, мною полученные, убедительное и трагическое тому доказательство — не так ли?

Провал. В принципе мысль о возможном провале была у меня (без преувеличения) всегда. Но так же всегда я думал, что пуля пролетит мимо. Когда же она все же попала в меня, я пережил очень странное ощущение: прежде всего обрадовался тому, что буквально несколькими часами раньше, интуитивно почувствовав опасность, успел предупредить помощников, и все они, законсервировавшись, завили за собой крышки.

Психология. Желая прославиться, непременно честолюбивый человек не может быть разведчиком: жизнь в подполье сковывает, смазывает таланты, не дает развернуться, выделиться, лишает широкого круга знакомств, оставляет только те, которые необходимы для дела, препятствует общественному признанию. Вот уж воистину: разведка — это работа для невидимок в широком смысле слова. Невидим для славы, для всеобщего обожания, широкой известности, — за исключением, пожалуй, таких героев нации, как Зорге и Абель или Мата Хари. О нас узнают, к сожалению, когда нас разоблачают и судят, — так уж лучше бы не узнавали совсем. Впрочем, как говорят англичане, качество пудинга определяется после того, как его съешь...

АВТОР:

Эпизод (из беседы). Однажды во время очередной встречи с Лонгсдейлом я в устной форме уточнил вопрос, заданный ему письменно, но сам себя застал этим в угол. Речь шла о способах переправки разведчика за кордон. Я спросил Конона Трофимовича, каким образом его впервые забросили — ну, сказал я, предположим, в Канаду: легально или нелегально? Сразу с документами или с легендой, дающей возможность со временем получить паспорт? А главное — как? С помощью подводной лодки или романтическим образом поместили в контейнер с отверстиями для дыхания и сухогрузом доставили в Монреаль? Или «элементарно» кинули ночью с парашютом сразу в пригород какого-нибудь Ванкувера? Пока я фантазировал, мой герой и его коллеги весело переглядывались. Потом Ведущий мягко сказал: «Видите ли, это секрет». «Но мне что-то надо писать», — возразил я; — не родился же Конон Трофимович в Канаде, а как-то туда попал». «Вот вы и придумайте, как!» — неожиданно предложил Лонгсдейл, а Ведущий так же мягко добавил: «Но имейте в виду, если у вас получится глупость вроде контейнера

и сухогруза, вы сами не захотите пользоваться таким нереальным способом. Но если будете близки к истине, то есть угадаете, мы вежливо «попросим» вас придумать что-то другое. Ну, а если у вас родится нечто совсем оригинальное и способное к реализации, мы вас, конечно, поблагодарим и... тем более «попросим!» Я был в недоумении: что же мне делать? Они улыбались: мол, не взыщите, мы живем по странным законам! Затем Лонгсдейл взял со стола спичечный коробок и великодушно произнес: «Принцип я вам объясню, он несложен. Смотрите на спички. Я смотрел, а он говорил, манипулируя при этом спичками, то ставя коробок на «попа», то на «живот», то «ребром»: «Вот (на «живот», этикеткой вниз) сажусь в Москве в поезд и еду, предположим, в Финляндию, но приезжаю туда (на «попа») уже другим человеком, потому что на вокзале в Хельсинки после таможенного досмотра мне передают новые документы, с которыми я плыву в Стокгольм, где снова («ребром») получаю документы, сажусь с ними в самолет и лечу — куда вы сказали? В Канаду? Хорошо, в Канаду, и на полете к Монреалю в самолете мне передают (снова на «живот», но этикеткой вверх!) документы, и через пару часов я (на «попа») — в Торонто или Ванкувер. Вопросы есть?» Вопросов не было, и все они удовлетворенно заулыбались, а Ведущий, не меняя своего амплу, мягко произнес: «Но дословно так, как только что объяснил вам Конон Трофимович, мы тоже попросили бы вас не писать...»

Провал. Сцену ареста Лонгсдейла я видел в художественном фильме, ему посвященном и снятом в Англии. В роли советского разведчика был актер, внешне похожий на Конона Трофимовича: скуластое лицо, восточные глаза, небольшая по габаритам фигура, аккуратно сидящий костюм. По фильму: Лонгсдейл сидит в парке на скамейке, вокруг тихо и пусто, к нему подсаживается агент, и в то мгновение, когда они обмениваются свертками, из всех кустов появляются полицейские и люди в штатском, одновременно человек пятьдесят, и кидаются к Лонгсдейлу. Немедленно встав со скамейки и протянув вперед обе руки, Лонгсдейл спокойно говорит офицеру, надевающему ему наручники: «Прошу вас отметить в протоколе, что я не оказывал сопротивления при аресте». При этом звучит голос за кадром: «Благодаря этому обстоятельству он получил потом на десять лет меньше того, что мог бы получить...»

Фильм мы смотрели вдвоем, Конон Трофимович комментировал. Про сцену ареста сказал, что снято довольно близко к истине. Потом добавил: когда на него надели наручники и обыскали, нет ли оружия, он заметил, что один полицейский зорко следит за тем, чтобы арестованный не проглотил ампулу с цианистым калием (вероятно, по нашумевшей ленте «Пять секунд, и я умираю»). «Мне казалось, — продолжал Конон Трофимович, — что все это не со мной происходит, какой-то кошмар! Я бы сказал: как в кино! Хотя и понимаю, что степень реальности происходящего зависит от когда-то избранного амплу. Поясню. Ни страха, ни волнения я не испытывал. Кто-то из полицейских, держа мои руки в своих, явно считал мой пульс и до того был поражен спокойным ритмом, что вытаращил на меня глаза. Тогда я спросил его: «Вы врач?» Он ответил: «Мы ведем вас в Скотланд-Ярд, вы это понимаете?» Куда меня повезут, я знал еще двенадцать лет назад!..»

Эпизод (из беседы). У меня было несколько, как я понимаю теперь, наивных просьб, в ответ на которые Ведущий недоуменно пожимал плечами, а Лонгсдейл и его коллеги отшучивались. Так, однажды я попросил, чтобы «для полноты ощущений» меня познакомил с «любимым» — оценили? — арестованным у нас американским или английским шпионом, которому я мог бы задавать вопросы, связанные с психологией провалившегося разведчика. Конон Трофимович под дружный смех присутствующих произнес: «Во-первых, ими занимается другой отдел, не наш, а во-вторых, откуда мы возьмем для вас шпионов, если сегодня, слава богу, не тридцать седьмой год!»

КОНОН ТРОФИМОВИЧ:

Работа. Центр — это солидный аппарат с множеством различных служб, его структура архисекретна, даже я ее не знаю, как не знаю и того, кто мой непосредственный начальник, кто над ним и кто над тем, кто «над ним», и т. д. Обычно: «Второй», передайте «Четвертому», чтобы «Третий»... или наоборот: «Третий», доложите «Первому»! Только так. Если мой непосредственный начальник, который для меня, положим, «Пятый», женился, умер или понизился в должности, я всего этого знать не обязан и не буду: просто у меня или останется прежний «Пятый», или появится новый начальник, который тоже будет «Пятый». Реально за этой цифрой я могу представить себе кого угодно, и мне, собственно, даже неинтересно это делать. Центр для меня есть Центр, хотя, конечно, почерк одного «Пятого» от

другого я отличить все же мог: у разных людей разный стиль работы, есть и другие тонкости и признаки различий. Мы, бывало, даже шифровальщиков по их манере угадывали: это — работа Михаила Всеволодовича, это — Вилия (Вильгельма), а это — Сонечки. Думаете, я когда-нибудь видел их в глаза? Видел: после обмена и возвращения на Родину Председатель устроил специальную встречу с технической службой: «Знакомьтесь, когда вам передавали закодированный текст и в конце его звучал сигнал «я кукларача» (точка, три тире), это был Вильгельм, прошу любить и жаловать. А если перед пожеланием вам доброго здоровья шло «я на горку шла» (две точки, три тире), это Сонечка...» Шифровальщикам я жал руки, а Сонечку расцеловал, они были для меня Голосом Моей Земли, самыми близкими, почти родственниками. Впрочем, я не сентиментален, как вы успели заметить.

Качества. Идеальный разведчик тот, кто умеет уходить от соблазнов. Вот мне, считайте, повезло с «крышей»: миллионер! А мой коллега, который ничуть не хуже меня, десять лет прожил за границей, работая консьержем: каждый сочельник обходил жильцов дома, «проздравлял с праздничком» и получал свои чаевые. Чтобы хорошо и красиво поесть, он раз в год, испросив разрешение Центра, уезжал в другой город другой страны, надевал вместо рабочей блузы смокинг, шел в ресторан и обедал со стерлядкой «по-русски» и с креветками, чего не мог себе позволить, не вызвав подозрений, будучи консьержем. Господи, не в креветках дело! Я о том говорю, что мне, миллионеру, роскошные обеды, в отличие от моего коллеги, есть приходилось каждый день и тоже, чтобы не вызвать подозрений: как говорится, судьба — индейка!

Но жил я на самом деле «по системе Станиславского» — что это значит в моем понимании? У меня было восемь автомашин разных марок, я ездил на бензине с октановым числом «100» (пять шиллингов за галлон), имел в пригороде Лондона виллу и несколько номеров в лучших отелях города, снятых «на постоянно»; впрочем, все это «по системе Станиславского», потому что на самом деле ничего этого у меня не было: ни виллы, ни восьми автомашин, ни капитала в несколько миллионов фунтов стерлингов, ни полтора дюжина вечерних костюмов, а был я рядовым и счастливым обладателем «Волги М-21» с оленем на капоте, двухкомнатной квартиры в Москве, правда, в высотном доме на площади Восстания, а также четырех сотен рублей, которые выдавали ежемесячно моей жене Гале. Миллионерские соблазны (не скажу, чтобы у меня их не было, да и как могло не быть при владении фирмами с таким немислимым богатством?) следовало, конечно, преодолевать. Не скрою: делать это было трудно; в условиях жестокого подполья вообще нелегко сохранять нравственное здоровье и духовную высоту. Я старался держать себя в руках, не поддаваться страстям и понимал, что умение носить маску, оставаясь при этом самим собой, и делает в конечном итоге разведчика профессионалом — в отличие от любителя, который сорвется на первом же повороте. Маска миллионера давала мне, казалось бы,

право на роскошную жизнь, но я правом этим пользовался сдержанно и ровно настолько, чтобы не быть среди миллионеров «белой вороной». И все же маска так прилипла ко мне, что грозила стать второй кожей, хотя вся моя человеческая и партийная суть восставали против. Я и сейчас, вернувшись на Родину, не всегда могу ее снять, из-за чего у меня уже были и еще будут неприятности, но да бог с ними — не тема! А вас я серьезно прошу иметь в виду и предупреждаю: поскольку, даже разговаривая с вами, я иногда продолжаю играть миллионера сэра Лонгсдейла, делайте, когда почувствуете в этом необходимость, «поправку на маску».

Однажды. По делам фирмы мне выпала поездка на трое суток в Ленинград. Получив санкцию «Первого», мои коллеги устроили мне царский подарок: привезли из Москвы жену. Кстати, ни мать, ни отец, ни Галя не знали, где я работаю и кем. По легенде, которая была «для дома, для семьи», я в качестве научного сотрудника находился на Востоке, мои письма домой шли через Китай, а если соседи или дальние родственники спрашивали Галю «с подозрением», почему это я так долго в командировке без жены и детей, Галя, умница, отвечала, что из-за аллергии климат для нее в Китае неподходящий. Представьте, верили! И вот мы с Галей в Ленинграде. Встречу нам устроили «как в кино» — в кафе на Невском, в котором танцуют. Стало быть, с музыкой. Я пришел. Они уже сидят. Подхожу к моему коллеге, который сопровождает Галину в качестве ее «партнера», пожираю жену глазами и прошу с трепещущим сердцем, как и положено, у него разрешения потанцевать с «вашей дамой». И он, бандит, мне отказал! Как я удержался и не врезал ему бутылкой по башке, не знаю (хороши «шуточки»!). Потом мы сделали с Галей два полных круга, она спросила про погоду в Китае, я, как идиот, почему-то поблагодарил: спасибо, хорошая, — и только потом, через много лет, когда я, обмененный, вернулся домой, мы с ней сообразили, что играли в том кафе не вальс, а танго «Брызги шампанского». Она впервые серьезно заподозрила тогда, что я вовсе не на Востоке и не научный сотрудник, но промолчала, как умеют молчать все жены разведчиков, я бы сказал, подправляя мысль: настоящие жены разведчиков.

ВЕДУЩИЙ:

Сюжет (продолжение). Ничего, что я вас задержал? Хочу сказать пару слов по секрету от вашего героя, — хотя какие могут быть от него секреты? — лучше выразиться: вам как бы для сведения. Дело в том, что так уж случилось в его жизни, что после обмена и возвращения домой Конон Трофимович был сначала отстранен от преподавательской работы, которая, как вы можете догадываться, удел большинства скомпрометировавших себя за границей разведчиков, а чуть позже — вообще от всех дел в нашем ведомстве. Нет, причиной был не провал Лонгсдейла, в котором он не был повинен, а, по всей вероятности, он сам, как личность. Двенадцать лет, проведенных там да еще в амплу миллионера-промышленника не могли, по-видимому, не

отразиться на его характере, я уж не говорю об остроте мысли и языка Конона Трофимовича, в чем вы сами изволили убедиться, за что тоже приходится платить.

Ему очень многие в комитете симпатизируют, ценя его профессиональный и человеческий талант. Какое-то время его, как и Рудольфа Ивановича Абеля, мы возили на встречи с разными коллективами, я, например, даже был на двух встречах: в ЦК ВЛКСМ и на ЗИЛе. Потом и они прекратились, так что «пенсионный покой» Конона Трофимовича уже ничто не нарушало, он мог отдыхать, живя на даче и собирая, положим, грибы. Почему так случилось? Вот пример. На автозаводе ему показали сначала производство, водили по службам и цехам, а потом пригласили в зал, битком набитый молодыми рабочими. Конечно, бурные аплодисменты — авансом. А он, откровенно признавшись вам, буквально потрясенный хаосом и низкой производительностью труда (конец шестидесятых годов, чем еще ЗИЛ мог перед ним похвастать?), вышел на трибуну и прямо так и сказал: какой же у вас, дорогие товарищи, бардак на заводе! Я бы такое, извините за выражение, и дня не потерпел бы на моей фирме! Вот дайте мне ваш завод на один только год, я из него конфетку сделаю, наведу порядок и дисциплину, ну, разумеется, и рублем никого не обижу! Тут уж аплодисменты были не из вежливости, а по существу, честно им заработанные.

После этого случая «Первый» сказал Конону Трофимовичу так: пора бы вам, коммунисту, избавляться от мелкособственнических замашек, а он возьми и перебей: почему «мелко»? «Крупно-собственнических!» Мне, мол, нет нужды, как Леонидову, игравшему Отелло, настраиваться в антракте ревностью к Яго, чтобы потом получилось на сцене, как «взаправду»: я действительно ревную! Я, как истинный коммунист, хочу, чтобы наша промышленность и экономика... Но «Первый» такие речи не любил, а потому, прервав его, сказал: и все же надо вам, Конон Трофимович, обойтись без чуждой нам психологии! А он: чуждой?! Меня всю жизнь, как зайца учат зажигать спички, учили делать так, чтобы моему народу жилось хорошо, и вот теперь, когда я спички зажигать научился и кое в чем стал разбираться, вы говорите: чуждая психология, надо от нее избавляться?!

— Мне будет разрешено назвать в повести его подлинное имя?

— Этот вопрос решится несколько позже и на более высоком уровне, вы пока пишете...

АВТОР:

Работа. Поощрения у разведчиков примерно такие же, как у всех советских служащих: благодарности, заносимые в трудовую книжку, грамоты, денежные премии, ценные подарки, ордена и плюсы то, что нам, обыкновенным совслужащим, можно сказать, не снилось: именное оружие, которое, правда, пряталось в бездонный сейф «Пятого». А иногда разведчику сообщали по радио (как замирало его сердце, когда он ночью расшифровывал текст!), что сам Председатель знает, какое он выполняет задание, чем занимается, и его благодарит: выше этой похвалы ничего не было. Однако было и такое, что разведчикам тоже «не снилось»: о них не писали в открытой печати. Их имен и фамилий, в отличие от космонавтов и тружеников полей, не знал народ, они «проходили» как «безымянные герои», их иногда даже хоронили под чужими фамилиями. Это про них в пролетарском марше: «Вы с нами, вы с нами, хотя вас нет в колоннах...»

А воздавалось им по заслугам на сверхсекретных совещаниях, и то не всегда и не всем, и еще, бывало, в надгробных речах, если они легально уходили в «вечные нелегалы» — туда, откуда обменов нет. Говоря обо всем об этом, положим, мне, они не жаловались, а констатировали факт. А Конона Трофимовича, кстати сказать, во всей этой «закрытости» трогало за живое только одно: дети разведчиков не могли прилюдно гордиться своими отцами. Остальное, сказал он, поверьте — трава!

Продвигаясь по службе, Лонгсдейл фактически стоял на месте или, если угодно, стоя на месте, он фактически регулярно получал повышения: все зависело от того, что полагать его «службой» — работу в качестве разведчика или владение сначала одной, а потом и четырьмя фирмами да еще многомиллионным капиталом. Три последних года он носил звание полковника. Форму не надевал никогда в жизни. В сейфе у «Пятого» лежали его боевые ордена; я имею право называть их «боевыми»? — обратился он к Ведущему с легкой усмешкой, и тот молча и серьезно опустил верхние веки: да. Конон Трофимович однажды сказал мне: «Когда я умру, ордена не понесут за мной на подушечках, — знаете, почему? Потому, что я такой же «полковник» и «орденоносец», каким «поручиком» был небезызвестный Киж: я есть, но в то же время меня — нет!»



Конон Молодой с Донатасом Банионисом на съемках фильма «Мертвый сезон».



транно и горько писать короткое слово «был» о человеке, о поэте, с которым сорок лет шел ближе, чем плечом к плечу...

Еще два года назад мы вместе встречали День Победы, и партизаны, теперь пенсионеры, горстка уцелевших из соединения «Тринадцать» во главе со своим «батей», Героем Советского Союза Сергеем Гришным, поднимали тост за седого политрука конной разведки, воспевшего их подвиги и мытарства, — Марка Максимова. За редактора партизанской газеты, в которой долгий срок вместо буквы «и» печатали «і», потому что шрифт их типографии был роздан в мешочках бойцам, и все несшие «и» погибли...

Марк Максимов окопную правду знал на собственной шкуре. Знаете, как партизаны узнавали, кто прошел по дороге — свои или враги? Надо разломать конский катышек: «Сверкнет овес — немецкий шел обоз, мелькнет соломка — наши кобыленки».

А потом, много позже, в марте 47-го на I Всесоюзном совещании молодых писателей, на семинаре П. Г. Антокольского встретились с Марком Максимовым Алексей Недогонов и Семен Гудзенко, Вероника Тушнова и Михаил Луконин, и Сильва Капутикян, и Александр Межиров... С этого совещания и до сегодня вошло в литературную жизнь страны наше поколение — вошло, смею сказать, победительно.

Марк Максимов тогда читал написанное в немецком тылу:

Жен вспоминали

на привале,

друзей — в бою.

И только мать

не то и вправду забывали,
не то стеснялись вспоминать.

Но было,

что пред смертью самой

видавший не один поход

седой рубака крикнет:

— Мама!

...И под копыта упадет.

Он писал много — нежно, благородно, возвышенно. Произношу последнее слово без боязни. Была прекрасная поэма о Леонардо да Винчи и отличная проза о легендарном боевике Революции — Камо, ставшая потом сценарием прогремевшего в свое время фильма «Лично известен». Если перечитать его любовную лирику — вы увидите, как в ней Марк Максимов оберегает любимую от невзгод, как он душевно открыт и одновременно чутьточку беспомощен: немислимые силы нужны, чтобы уберечь любовь от всеобщей грозящей беды, от напастей далеко не доброго к нам времени. «Впрочем, — говорит он, — я никогда не мог провести грани между лирикой в узком понимании этого слова — любовной и лирикой гражданской. Этой грани человеческих чувств нет в самой жизни».

Я обязан сказать о том, что ему к концу жизни, к 70—80 годам становилось душно. Все больше появлялись переводы (Максимов всегда с удовольствием переводил стихи друзей: своего партизанского однополча-

нина осетина Давида Дарчиева, грузин Симона Чиковани, Карло Каладзе, обоих Абашидзе, Григола и Ираклия, многих других, Назыма Хикмета, которого знал и любил), — все меньше писалось свое. Марк был человеком общественным, писать, как говорится, «в стол» не в его характере. Когда между поэтом и читателем возникает насильственно возведенная преграда — поэт задыхается.

Происходила какая-то приказная демобилизация с переднего края. Может быть, она не смогла сломить солдатской — тем более партизанской души Марка Максимова, но приглушить сумела.

Хотя сейчас, перебирая его архив, мы находим прекрасные стихи, о которых не знали, восстанавливаем вычеркнутые чужими руками откровенные строки.

Мне лично трудно сейчас писать о Марке. Он был моим другом. Хочется, чтобы о нем помнили и читатели.

Марк СОБОЛЬ

ТАКОЙ ПЛАТИЛИ МЕРОЙ

Марк МАКСИМОВ

ТОСТ

Мы с фронтовым товарищем
в Тбилиси
траншеи вспоминаем за вином.
А переименованные ЗИСы
бесшумно пробегают под окном.
И разговор заходит с болью острой,
с той самой болью, что не в нас
одних,
о нем —
кому мы посвящали тосты,
о горечи похмелья после них.

Друзья, что спят от Курска
до Потсдама
об этом не узнают ничего,
их первым словом в жизни было —
мама,
последним — имя властное его.

А ты, мой друг, ты после битвы
лютой
вошел в салют, дыхание затая,
и светлой бронзой стала от салюта
солдатская шинелишка твоя.

К его ногам, стоящим над державой,
сложил ты, чистой верой опьянен,
и славу, что твоей была по праву,
и рвань тобой захваченных знамен.

Ты шел с его приказом
в рукопашный,
гордился им, выигрывая бой,
а он — еще признаться в этом
страшно, —
но он не слишком дорожил тобой.

Ты первый тост, когда погасли
блики,
пил за него — и веря и любя,
его считал ты мудрым и великим,
а он... он тоже выпил за тебя.

Он встал, генералиссимус суровый,
и тост поднял —

за винтики —

за нас!
Забыл он: винтик не имеет крови,
а ты своею кровью землю спас.

Ты плакал, вынося его из зала,
несешь из сердца, горечь затая.
Но пусть не все нам время
рассказало, —
мой первый тост сегодня: за тебя!

Гордись собой!
И знай: не зачеркнули
жестокие ошибки одного
ни наших красных стягов торжество,
ни жизнь твою,
ни кровь принявших пули —
кто с именем,
кто именем его!

Да, мы за все такой платили мерой —
и ты,
и я,
жена твоя
и мать,
что разлучить нельзя нас с нашей
верой,
и подвиг наш нельзя у нас отнять.

1956

ИЗ ПОЭМЫ
«ГОЛУБЫЕ ОГНИ»

Я хочу, чтобы встретились
совесть и память
и была тишина на планете такая,
чтоб слышали люди,
как вечное пламя
имена безымянных читает, вздыхая.

Пусть помянет оно и друзей
воевавших,
и из мертвых восставших
к трудам своим тихим,
и в советском тылу на коровах
пахавших,
и в немецком — хлебавших баланду
и лихо.

И того, кто костлявой
концлагерной жертвою
доползал до своих —
без кровинки, но с верою,
а встречали его
за ничейной
прожекторы
тусклым отблеском стекол
Лаврентия Бери.

Сколько вас полегло
на весенних проталинах
и на белых снегах,
и под летним кустом,
умиравших единожды с именем
Сталина
и уже не узнавших, что было потом.

1963

МЕДАЛЬ

Как я жил —
будет сложно судить тебе,
сын,
по наградам.
Больше — годы-увечины,
меньше — годы, которые славой
увенчаны.
А ведь жил я, как надо,
никоторым не кланялся гадам.
Кто ценил меня рядом?
Может, смолodu женщины...

На бесценной моей золотой
партизанской медали,
рядом с Лениным,
профиль — на профиль —
знакомые с детства усы...
Да какое там золото! —
лег позолоченный Сталин.
А ведь золото это, как жизнь,
я кидал на весы.

Что же, значит, невесело?
Нет, удивительно весело!
Так отчаянно весело, мальчик,
что не дай тебе бог!
Было горло в тисках,
под ногами — болотное месиво.
Ну а все же я смог.
Все же совесть моя перевесила.
Все же чистое золото не заржавеет,
сынок.

Вот я голый стою. Мой мундир
следопыты отдали
В барахолку музеев,
как веру, с которой я жил.
Но приколото Солнце —
медаль золотая
К синей орденской ленте
Моих натрудившихся жил.

ТОВАР РЫНОК

Начало на стр. 6.

а с другой — отнюдь не пресекло тенденцию роста числа управленцев в стране. Однако, говоря о нерациональных государственных расходах, нельзя забывать, что раздутый управленческий аппарат составляет ничтожную долю этой величины.

Главный источник расточительства состоит в неправильной политике капитальных вложений, разрабатываемой и реализуемой из пятилетки в пятилетку под диктовку ведомственных интересов. Об этом наконец в полный голос заговорили и экономисты, и журналисты. В. Селюнин, О. Лацис, Е. Гайдар, В. Ярошенко бескомпромиссно обнажили эту проблему. Но что из их анализа следует в отношении денежного хозяйства? Неэффективная структура производственных мощностей заставляет нас переплачивать все больше и больше за каждый процент прироста конечного результата. А как мы строим! Десятилетиями. Объем незавершенного строительства по объектам производственного назначения составлял в 1986 году 157,5 миллиарда рублей против 132,8 миллиарда рублей в 1980 году. Значит, в среднем за год «незавершенка» растет более чем на 4 миллиарда рублей. А ведь почти 30 процентов от этих сумм падает на заработную плату строителей. Деньги выплачиваются, а ввод в действие объектов откладывается из года в год. Необходимо в связи с этим кардинально пересмотреть многие инвестиционные проекты, решительно урезать аппетиты отраслевых министерств в области нового строительства. В докладе Н. И. Рыжкова на XXVII съезде КПСС был выдвинут тезис о целесообразности консервации строительных объектов, реально не обеспеченных материальными и трудовыми ресурсами. Эту линию надо проводить в жизнь самым решительным образом, масштабно, чтобы высвобождение ресурсов было ощутимым и весомым.

Высвобожденные средства необходимо сконцентрировать на строго ограниченном числе объектов, действительно определяющих темпы научно-технического прогресса.

Во-вторых, значительная часть этих средств должна быть направлена на полную техническую реконструкцию многих предприятий легкой и пищевой промышленности. Причем речь должна идти не о «совершенствовании и улучшении» действующих производств, а о коренном качественном изменении технологии. Для этого целый ряд предприятий должен быть поставлен на полную техническую реконструкцию. Остановка производства на 1—2 года с полной выплатой заработной платы работникам этих предприятий — это необходимая плата за технологический застой в сфере обеспечения товарного покрытия доходов населения. И эта плата не так велика, как может показаться с первого взгляда. Лучше платить полной мерой заработную плату, вообще не получая какое-то время продукцию, чем платить заработную плату за выпуск никому не нужной продукции

и плюс к этому тратить электроэнергию, часто высококачественное сырье, амортизировать станки и т. д. Лучше пока поделить этим сырьем и оборудованием с кооператорами, умеющими и желающими хорошо работать, но искусственно отсеченными ныне от средств производства.

Далее. Следует в кратчайшие сроки и фундаментально изменить роль банковской системы в управлении производством. Практически бесплатный кредит «под план», спущенный объединениям и предприятиям в натуральных показателях, немало способствовал превращению денег в единственно бездефицитный товар. Пора услышать В. И. Ленина, рассматривавшего банки «как центры современной хозяйственной жизни, главные нервные узлы» экономического организма. Кредитные ресурсы должны использоваться на максимально эффективных направлениях и подкрепляться материальным обеспечением. Для органов материально-технического снабжения должно стать законом, что денежные средства, взятые в займы у государства (банка), «отovarиваются» в первоочередном порядке и без всяких ограничений. И это гарантированное снабжение оплачивается предприятиями высоким процентом по ссудам банка. Такой шаг резко поднял бы роль банков в системе управления производством. Это был бы действительно шаг от слов к делу. Банк должен отказаться от своей нынешней функции всесоюзной конторы по страхованию от плохой работы. Сколько можно тащить на кредитах остальные предприятия, разваливающиеся колхозы и совхозы? Их безнадежные долги обесценивают рубль в не меньшей мере, чем растянутые до абсурда сроки строительства. Сколько можно подпитывать кредитами наш государственный бюджет? Наконец-то XIX партконференция назвала вещи своими именами. Рассеян миф о бездефицитности бюджета страны. А ведь он поддерживался ежегодно в докладах министра финансов Верховному Совету СССР. Депутаты слушали и единодушно утверждали исполнение бюджета за истекший год с неизменным превышением доходов над расходами. И ни у одного из посланцев народа не возникло вопроса: как же так, в народном хозяйстве вскрыты существенные диспропорции, потери сельхозпродукции достигают пятой части урожая, Соединенные Штаты навязывают гонку вооружений, а бюджет страны стоит, как утес, величаво? А тут еще недобор доходов по «алкогольной строке» и еще чернобыльская трагедия, нанесшая в числе прочих и огромный экономический ущерб. А бюджет, как резиновый, все ему нипочем, опять доходы превышают расходы. Все могут министры финансов. В том числе и долги считать доходами. Благо, что формально долг-то перед другим госучреждением — Госбанком СССР. Ну, а у Госбанка откуда деньги? Вопрос пикантный, но ответ очевидный — в конечном счете от населения.

Но бюджетную политику нужно не столько ругать, сколько решительно менять. Сейчас наша бюджетная система являет собой образ огромной насосной системы, добросовестно и упрямо перекачивающей доходы хорошо работающих предприятий и отраслей в безполезные расходы безнадежно отстающих. Это называется подтягиванием отстающих до уровня передовых. При этом умышленно замалчивается, что обобранные до нитки передовые скатываются до уровня средних, а те и те же отстающих. В этой экономической политике отчетливо просматриваются патриархально-общинные традиции, однако остается невыясненным, при чем здесь научно-технический прогресс, который многие годы пытаются соединить с преимуществами социализма? Бюджет, если он действительно на службе государства, а не министерств и ведомств, должен быть занят исключительно финансированием стратегических научно-технических программ, включая оборонные, и социальных инфраструктур. Для реализации этих функций ему достаточно «прокачивать» через статьи доходов и расходов в два-три раза меньше денег, чем сейчас. Практически это означает резкое снижение налогового бремени на эффективные сферы производства.

Пора понять, что налогами можно задавить не только кооператора или частника, но и вообще технический прогресс и всю линию на повышение жизненного уровня трудящихся. В качестве иллюстрации этого тезиса приведу один пример. В конце 60-х годов мы вместе со всеми развитыми в научно-техническом отношении странами мира приступили к работам по промышленному освоению цветного телевидения. В то время в этой области мы ни от кого не отставали. Доказательством может служить наша совместная с Францией разработка системы «Секам», осуществлявшаяся на равноправной и взаимовыгодной основе. Шли, как говорится, нога в ногу со всем миром. И что же сейчас? Во Франции практически не выпускают черно-белых бытовых телевизоров, сплошь цветные. У нас в 1986 году было продано 8,6 миллиона телевизоров, из них цветного изображения только 4,1 миллиона — меньше половины. Вина в технике? Нет, экономика! Из года в год поддерживались высокие цены на цветные телевизоры, что ограничивало их спрос. В то же время также из года в год высокие доходы производителей цветных телевизоров изымались в бюджет и шли куда угодно, только не на развитие того самого производства, которое приносило столь значительные доходы. А после этого мы удивляемся, что наши телевизоры взрываются и чуть не каждый третий имеет производственные дефекты (это при такой-то цене!).

Здесь мы подбираемся к еще одной проблеме, тесно связанной с укреплением статуса нашего рубля. К проблеме справедливости законных доходов. Именно законных, то есть не спекулятивных, не подпольных, а государством санкционированных. То, что наша тарифная система окладов и гонораров безнадежно устарела, сейчас мало у кого вызывает сомнения. Хотелось бы обратить внимание на один факт принципиального значения. В основе современной системы оплаты и многочисленных потуг на ее усовершенствование лежит принцип вознаграждения за труд, а не за его результаты. Казалось бы, деталь, но деталь, отражающая коренные различия в понимании социалистического принципа социальной справедливости. Если все запланировано сверху, если предписано, какую работу и в каком объеме, а также с какой

степенью усердия выполнять, то установленная ставка заработной платы и есть плата за результат. Результат в этом случае понимается как неукоснительное и беспрекословное выполнение требований вышестоящего органа, а отнюдь не как удовлетворение потребностей заказчика, населения. Как видим, живуч феодализм. Только меняет кожу, примеряет на себя и не без успеха социалистические одежды. Выполнил заданный сверху урок, требуй положенного. А там хоть трава не расти. Продукция — на склад, а зарплата с премией — в карман.

Общественность с большим пониманием откликнулась на призыв бороться с нетрудовыми доходами. И это естественно. Но позволительно спросить: заработок рабочего, производящего брак (те же, например, самовозгорающиеся телевизоры) или продукцию, не пользующуюся спросом, можно ли считать трудовым доходом? По затратам зарегулированного сверху труда — да, а по результатам, по вкладу в общественное богатство нашего социалистического общества?.. Вот в том-то и дело. Нужно набраться социального мужества и проявить политическую волю, чтобы перестать требовать и перестать платить за никчемный труд.

Сейчас, когда в обстановке гласности люди хотят разобраться, кто виноват конкретно в выпуске конкретно плохой продукции, со страниц газет и экранов телевизоров звучит унылый в своем однообразии аргумент пойманных с поличным бракоделов: смежники виноваты! Но если выстроить технологическую цепочку, то все мы оказываемся смежниками и каждый несет свой груз вины. В последнее время широко пропагандируются арендный подряд (от семьи до трудового коллектива крупного предприятия), вторая, или остаточная, форма хозяйственного расчета. Опыты в этих областях дают, как правило, поразительные результаты. А ведь секрет исключительно прост: нужно делать дело, а не объяснять, почему ничего не вышло или вышло плохо. Объяснения при этих формах просто теряют смысл, потому что рвется порочное кольцо круговой поруки, когда допустивший ошибку управленец принимает и оплачивает за народный счет никому не нужную, но запланированную продукцию, а предприятие, получив сполна фонд зарплаты и прибыль, делает вид, что оно не знает о нареканиях потребителей.

При такой схеме взаимодействия между вышестоящими органами и исполнителями никакого опережения производительности труда над ростом заработной платы не будет, сколько бы заклиниваний ни производилось, сколько бы ни ограничивали общий фонд зарплаты, сколько бы ни блюли штатное расписание и «потолки» премий. Производительность труда начнет убегать от заработной платы, как в свое время Владимир Куц от англичанина Пири, а следовательно, товарная масса в своем росте будет существенно опережать денежную только в том случае, если будут сняты все ограничения на заработки, и останется один критерий — конечный результат.

ТРИ РЫНКА

Деньги могут стать деньгами, то есть истинным мериллом затрат и результатов, только при наличии сбалансированного рынка. Бестоварный, или дефицитный, рынок — это не рынок, а жареный лед, квадратное колесо. Экономические интересы, не подкрепленные возможностью купить на заработанные деньги все необходимое

(пусть по высокой цене), почти мгновенно трансформируются во внеэкономические, принцип эффективности подменяется ведомственной «целесообразностью», а хозрасчетная самостоятельность испаряется при первом же соприкосновении с территориальными органами материально-технического снабжения.

Осознание этой реальности привело к появлению в партийно-правительственных документах четкой формулировки о необходимости обеспечения сбалансированности между денежной массой и предложением потребительских товаров и услуг, а также о переходе от фондируемого распределения ресурсов к оптовой торговле средствами производства. Таким образом, взят курс на создание **товарного рынка** в широком смысле этого слова. Речь идет о переходе от централизованного фондируемого, распределения предметов потребления и средств производства к свободной торговле ими. Сочетание слов «свобода» и «торговля» десятилетиями вызывало взрыв гнева у наших догматиков, потому что синонимом свободы у них всегда была «стихия». Но ведь имеется в виду предоставление потребителю права свободного выбора того или иного набора благ в рамках имеющихся доходов и сложившихся уровней цен. Этим обеспечивается суверенитет экономического субъекта, его защищенность от «свободы» чиновника делать с потребителем все что угодно. Рынок — это возможность демократического волеизъявления участников хозяйственного процесса. Формирование рынка в этом смысле не что иное, как «реформа избирательной системы» в экономической сфере. Есть ли альтернатива этому движению? Единственная и, очевидно, неприемлемая: возврат к нефеодалным формам взаимоотношений, восстановление и укрепление личной зависимости работников от аппарата управления вообще или от конкретных лиц, его персонализирующих. Для доказательства возможности такого регресса не надо далеко ходить. Достаточно вспомнить механизмы возникновения организованной преступности. Здесь не последнюю роль сыграли экономические пружины, как раз подмена рыночных свобод всемогуществом чиновников тотальной системы «сверхцентрабна». Вслушаемся в исповеди преступников. Бывший первый секретарь райкома партии Приморья: «Меня назначили управляющим районной «Сельхозтехники». Два года быюсь — ничего не выходит. А что выйдет, если ни техники, ни запчастей, даже гвоздзя не выбьешь? Знающий заместитель подсказал: дай наверху тому-то и тому-то. Дал впервые в жизни. И все изменилось, как в сказке, — на меня свалились прямо-таки фондовые сокровища» («Правда», 17 июля 1988 г.). Бывший первый секретарь обкома партии Каримов: «Думаете, давая очередную взятку Рашидову, я страховал лишь свою должностную неприкосновенность? Нет, я знал, что это обернется и прямой выгодой... Получу фонды, материалы, налажу хозяйство. Это уже плюс мне как работнику. Но, раздавая те же фонды и материалы подчиненным, я знал, что возьму свои тра- ты».

Могут, конечно, возразить мне: при чем здесь система управления хозяйством, когда на Западе тоже мафии процветают? Да, но, во-первых, область деятельности западных мафиози — нелегальный или полунелегальный бизнес, то есть бизнес, запрещенный или резко ограниченный законодательством: наркотики, проституция, торговля оружием и т.п. Трудно представить, чтобы кланы подпольного бизнеса сколачивались на почве распределения запчастей к трак-

торам и комбайнам или железобетонных панелей для строительства коровников. Во-вторых, падшие на самое дно морального растления приведены в качестве примера лишь для того, чтобы показать, куда может привести логика развития событий, если цепочка экономической несвободы выбора будет раскручена до конца. Конечно, возможности для злоупотреблений, предоставляемые централизованно-карточной системой распределения, далеко не всегда реализуются в полном объеме. Но ведь это не устраняет факта реальной каждодневной зависимости, скажем, директора завода от воли или своеволия министра, начальников управлений министерства, работников главнабсбытов, инструкторов райкомов и обкомов партии и т.д. Эти-то явления наблюдаются в массовом масштабе. Где нет экономического побуждения, там неминуемо появляется внеэкономическое принуждение.

Поэтому создание товарного рынка, помимо чисто экономического значения, имеет и огромный социально-политический смысл, поскольку расширяет сферу демократизации социалистических общественных отношений. Однако рынок товаров не может нормально функционировать без состязательности, без широкого экономического соревнования производителей за рубль потребителя. Соревнование — это динамика, изменчивость, борьба за лидерство. Можно себе, конечно, представить, что усилиями Госплана, Госснаба, внешнеторговых организаций, Госкомцен и Минфина вдруг будет сконструирован сбалансированный рынок. Спрос и предложение увязаны, нет очередей и нет затоваривания. Что же дальше? Может ли предприятие, выпускающее высокорентабельную продукцию, быстрыми темпами расширять свое производство и, даже снижая цены, выигрывать на объемах? Могут ли два или три предприятия сложить свои фонды развития и построить новый завод, выпускающий полуфабрикаты, которые, по их мнению, у смежников слишком дороги? Закон о предприятии кое-какие возможности здесь предоставляет. Все-таки принцип самофинансирования провозглашен. Но на практике сохраняется почти в полном объеме ведомственный монополизм в распределении новых капитальных вложений. А всякая монополия, по В. И. Ленину, ведет к загниванию. Разрушить эту искусственную монополию — значит создать второй рынок, **рынок инвестиций**.

Безусловно, в плановом хозяйстве главным инвеститором будет оставаться государство. Именно оно поддерживает и преимущественно финансирует развитие приоритетных сфер производства, обеспечивающих научно-технические прорывы. Оно финансирует развитие производственной и социальной инфраструктуры, отраслей, имеющих стратегическое и оборонное значение. Но государство — это не только Госплан, это также и государственные предприятия и объединения. Они также должны получить право активно участвовать в формировании политики капитальных вложений. Заработанные ими деньги не только нельзя отбирать «под завязку», но надо разрешить их тратить, вкладывать в развитие производства по своему усмотрению. Причем не только в свое и не только сопряженное. Для обеспечения этого права может быть использована, в частности, акционерная форма. Выпуск акций государственных и кооперативных предприятий является гибким и динамичным способом аккумуляции средств на решении задач по расширению узких мест в регионе, отрасли, группе взаимосвязанных производств. Снима-

ется вопрос о длительном согласовании с центральными ведомствами относительно локальных проблем, о «выколачивании» средств из союзного бюджета и т.д. Например, почему бы вопрос о финансировании работ по созданию нескольких культурно-развлекательных и туристических зон в центре Москвы не решить на акционерной основе? Учредителями такого акционерного общества и крупными держателями акций могли бы стать Моссовет, «Интурист», Фонд культуры, ЗИЛ, «Серп и молот», московские кооператоры и т.д. И у Госплана с Минфином не будет болеть голова по поводу изыскания средств на этот проект, и у учредителей возникнет материальная заинтересованность в максимально эффективном использовании создаваемых объектов.

Большую роль в обеспечении духа соревновательности на инвестиционном фронте могут сыграть банки. Сейчас уже произошло разукрупнение государственного банка. На повестке дня — создание сети коммерческих и кооперативных банков. Гибкая кредитная политика, широкое разнообразие условий предоставления ссуд и привлечения свободных денег предприятий и населения могут послужить мощным толчком к выявлению новых эффективных сфер приложения накоплений, вовлечения их в оборот хозяйственной и социальной жизни. Полифония мнений и разнообразие источников финансирования позволят действительно создать конкурентную основу для выбора объектов строительства и реконструкции как в народном хозяйстве, так и в социально-культурной сфере.

И наконец, нельзя обойти вниманием и самый щепетильный вопрос финансового оздоровления — необходимость формирования **валютного рынка**. По сути дела, речь идет о конвертируемости нашего рубля в валюты других стран. Положение в этой области сложилось странное и ненормальное. Мы не хотим и не можем обойтись без внешнеэкономических связей. Развитие и укрепление этих связей давно рассматривается не только как фактор, способствующий развитию советской экономики, но и как средство укрепления политической стабильности в мире. Преимущества участия в мировой торговле и международной экономической и научно-технической кооперации вроде бы уже ни у кого не вызывают сомнений. И в то же время мы самоизолировались от мировой валютной системы. И хотя начали нынче робко подумывать о том, что пора бы снять это клеймо ущербности с наших денег, но откладывая решение вопроса на какую-то туманно-отдаленную перспективу. Почему? Мое сугубо личное мнение — я знаю, многие экономисты с ним не согласны, — переход на конвертируемость рубля нужно начинать не откладывая. Это — одно из условий успешного хода перестройки в экономике, а никак не конечный итог, как полагают некоторые. Если мы будем ставить и решать эту задачу сразу, это придаст серьезность и решимость действиям, направленным на оздоровление нашей экономики и ее денежной системы. Тем самым мы докажем самим себе, что хозяйственная перестройка — это не фронда, а настоящий бой за эффективность социализма.

СССР необходимо стать участником Международного валютного фонда (МВФ). Эта организация была создана на Бреттон-Вудской валютной конференции еще в 1944 году в присутствии представительной делегации нашей страны. МВФ разрабатывает и согласует систему международных валютных отношений, координирует валютную политику различных стран. Надо сказать,

что в этой организации состоит полтора сотни стран (а при создании фонда их было только 49). Монопольный диктат США здесь уже давно подорван. Развивающиеся страны имеют более трети голосов, а американцы — менее пятой части. В фонде состоят и некоторые социалистические страны: Китай, Венгрия, Вьетнам, Лаос, Румыния, Югославия. Почему же мы должны дичиться этой международной организации? То, что мы держимся вне мирового валютного сообщества, экономически на руку только Соединенным Штатам и их союзникам. Ведь мы все равно участвуем в мировой торговле, проводим некоторые валютные операции. Но делаем это на средневековом уровне, без необходимой для современного развития мирохозяйственных связей гибкости.

Обычное объяснение нашей робости при решении вопросов вступления в международные торговые и валютные организации сводится к одному: у нас незначительные поступления твердой валюты, наши экспортные возможности ограничены. Ограничены, да. Но все-таки мы экспортируем огромное количество топливно-энергетических ресурсов и других видов сырья. Споры нет, структура нашего экспорта недостойна высокоразвитой индустриальной державы. Но это другой вопрос. Ведь для обсуждаемого нами вопроса важно не как получена твердая валюта, а сколько, каков общий объем выручки. И здесь нам могут позавидовать многие страны, чувствующие себя вполне полноправными членами международных валютных организаций. Кроме того, мы все равно не сидим на вырученных «нефтедолларах», как Плюшкины, а тратим их, покупая станки, оборудование, товары народного потребления, зерно. Так почему бы не тратить в этих торговых сделках рубли, подкрепляя их устойчивостью теми самыми долларами, которые ныне расходуются напрямую? Конечно, для этого надо установить разумный курс рубля. Этот курс мог бы сформироваться сначала внутри страны на базе создания внутреннего валютного рынка, на котором могли бы свободно выступать государственные и кооперативные предприятия.

Некоторые предпосылки для формирования такого рынка уже закладываются. Предприятия, выпускающие экспортную продукцию, могут часть выручки в валюте использовать по своему усмотрению. Однако необходимо создать возможности для покупки предприятиями валюты у государства или получения валютных кредитов с расплатой заработанными на внутреннем рынке рублями по свободно установленному курсу. При этом поначалу «рублеемость» доллара в разных сферах окажется различной, поскольку наши внутренние цены имеют серьезные изъяны. Но гибкая и оперативная корректировка цен позволит шаг за шагом выйти на реальный единый курс рубля. Здесь уже возникнут не надуманные, «кабинетные» принципы «коренного совершенствования системы цен», а реальные экономически ориентиры для их регулирования под неослабным государственным контролем.

Может быть, у кого-нибудь захватывает дух от фантастичности такой перспективы. Но ведь когда-то, совсем недавно захватывало дух от одной мысли о возможности вообще обсуждать буквально все затронутые выше вопросы. А к чему это привело? Была создана такая «реальность» социализма, такая его «зрелость», которая фантастам и не снилась. И теперь всей страной приходится перестраивать замки, окавшиеся воздушными, и ломать потемкинские деревни.

ОБРЕСТН СЕБ



ПАЛИТРА



Его поиски своего места в искусстве были не очень длительными. От первых живописных опытов, раннего увлечения кубизмом, постижения реалистической традиции во время учебы в институте живо-

писи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина ленинградский художник Андрей Пахомов пришел к искусству глубокому и серьезному.

Хорошо известны работы, исполненные им в книжной и станковой графике. Помимо графических работ, художник создает и произведения живописные. К сожалению, эти полотна пока недостаточно хорошо знакомы широкому зрителю. Но, пожалуй, именно в них нашли свое концентрированное выражение искания мастера, его новации. В живописи Пахомов работает в основном в жанрах портрета и натюрморта.

**А. А. ПАХОМОВ. Род. 1947.
НАТЮРМОРТ. 1970.**



И в том, и в другом случае проявляется одно из главных качеств его таланта: Андрей Пахомов — прекрасный организатор своих холстов. Показателен «Летний натюрморт», в котором видно увлечение художника чистотой объемов и форм, стремление к ясным образам.

Те же тенденции развивает художник в работе над портретом. В живописи Андрея Пахомова он занимает особое, если не главное, место. Его холсты очищены от всего лишнего, несущественного. Практически всегда отсутствуют в портретах, исполненных Пахомовым, атрибуты, исключены подробности и детализация. В основе решения — сопоставление больших цветовых пятен.

Художник не любит говорить о своем творчестве. Более охотно делится мыслями о современном искусстве. Он сам принадлежит к «новой волне» молодых художников, к тому же избран председателем оргкомитета первой ленинградской выставки, в которой участвуют художники самых разных направлений, в том числе и авангардисты.

— Эта выставка, на мой взгляд, очень важное событие, — считает Андрей. — Дело ведь в том, что односторонность эстетического воспитания художников в вузах приводит к тому, что многие члены Союза художников на все неформальное, или, как принято говорить, авангардное, смотрят или подозрительно, или снисходительно. А ведь именно выставки авангардистов пользуются повышенным зрительским интересом, и именно их полотна удостаиваются висеть в лучших музеях мира и частных коллекциях. Конечно же, встречается среди авангарда и много наносного, скороспелого, но давайте научимся наконец отстаивать свои позиции в свободной дискуссии, а не путем запретов...

Андрей САЗОНОВ

ЛЕТНИЙ
НАТЮРМОРТ.
1978.





ДИСКУССИИ НА СТАДИОНЕ



«НАРОДНЫЙ ФРОНТ» —
ЭТО ДОБРОВОЛЬНОЕ
САМОДЕЯТЕЛЬНОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ,
СУЩЕСТВУЮЩЕЕ
В РАМКАХ КОНСТИТУЦИИ СССР.
ОНО СОДЕЙСТВУЕТ
КУРСУ ПАРТИИ НА ПЕРЕСТРОЙКУ,
ПРОВОЗГЛАШЕННОМУ XXVII СЪЕЗДОМ КПСС,
ПОДТВЕРЖДЕННОМУ
ПОСЛЕДУЮЩИМИ ПЛЕНУМАМИ ЦК КПСС
И XIX ПАРТИЙНОЙ КОНФЕРЕНЦИЕЙ.
«НАРОДНЫЙ ФРОНТ»
ОБЕСПОКОЕН СУДЬБОЙ ПЕРЕСТРОЙКИ,
ПОЭТОМУ ОН БОРЕТСЯ ПРОТИВ
ЛЮБЫХ РЕЦИДИВОВ В ХОЗЯЙСТВЕННОЙ,
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ,
ГИПЕРТРОФИРОВАНИЯ РОЛИ
АППАРАТА УПРАВЛЕНИЯ,
УЗУРПАЦИИ ВЛАСТИ БЮРОКРАТАМИ,
ПОТОМУ ЧТО ВСЕ ЭТИ УРОДЛИВЫЕ ЯВЛЕНИЯ
ВЕДУТ К УНИЖЕНИЮ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА,
К УТРАТЕ АКТИВНОСТИ НАРОДНЫХ МАСС.
ДВИЖЕНИЕ РЕШИТЕЛЬНО ПРОТИВОСТОИТ
ЛЮБЫМ ПОПЫТКАМ АНТИПЕРЕСТРОЕЧНЫХ СИЛ
УВЕСТИ ПАРТИЮ И ГОСУДАРСТВО
С ПУТИ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ И ГЛАСНОСТИ,
ВОЗВРАТИТЬ СТРАНУ
К ТОМУ ПОЛИТИЧЕСКОМУ СОСТОЯНИЮ,
В КОТОРОМ СТАЛИ ВОЗМОЖНЫ
И КУЛЬТ ЛИЧНОСТИ,
И ВОЛЮНТАРИЗМ, И ЗАСТОЙ».

Из проекта программы ярославского движения содействия перестройке «Народный фронт».



парадоксально, но есть все основания считать «крестным отцом» ярославского «Народного фронта» Ф. Лощенкова, бывшего первого секретаря обкома партии, ныне занимающего пост председателя Госкомитета СССР по материальным резервам. Почти четверть века этот человек управлял жизнью области. Именно эти годы пришлось на эпоху застоя. Естественно, что ее символом в сознании ярославцев навсегда останется имя бывшего первого.

Это при нем старинный город на Волге стал оплотом большой химии, а горожане превратились в ее заложников. Это при нем сельское хозяйство области скатилось к уровню 1913 года, который статистика принимает за условную точку отсчета успехов социализма. А вообще сумма проблем, рожденных и взлелеянных тем временем, огромна. Неудивительно, что, когда ярославцы узнали об «избрании» Ф. Лощенкова делегатом XIX партконференции, город потряс мощный взрыв общественного негодования. 8 июня на знаменитой ярославской набережной у памятника поэту-демократу Некрасову состоялся митинг. В нем приняли участие около пяти тысяч человек.

Из резолюции, принятой на митинге:

«Мы считаем, что человек, на протяжении стольких лет игнорировавший интересы народа, способствовавший возникновению тех негативных явлений, которые сегодня называют застойными, не имеет морального права участвовать в работе Всесоюзной партконференции, тем более представлять на ней Ярославскую область.

Учитывая эти обстоятельства, а также тот факт, что «выборы» Ф. Лощенкова были проведены недемократичным путем, без обсуждения его кандидатуры в низовых партийных организациях, мы выражаем недоверие Ф. Лощенкову как делегату и просим лишить его мандата...»

Внеочередной пленум обкома КПСС удовлетворил требование общественности. Ф. Лощенков был выв-

Секретарь Ярославского облисполкома Н. В. Гусев — участник дискуссии.

ден из состава ярославской делегации. Сообщение об этом обошло все центральные газеты.

Первые же дискуссии, проведенные «Народным фронтом» на трибунах самого большого в городе стадиона «Шинник», показали, как глубоко волнуют ярославцев проблемы гласности, социальной справедливости, как много наболело у людей на душе и как высоко ценят они возможность открытого обсуждения всего наболевшего. Эти же дискуссии показали, что, к сожалению, в большинстве своем партийные и советские работники не владеют навыками нерегламентированного общения с массами. Старые приемы — сглаживание острых вопросов, щедрые посулы, неоправданный оптимизм, волевой нажим, так безотказно срабатывавшие в прежние «тихие» времена, оказались никуда не годными перед лицом многотысячной испуганной, независимо настроенной аудитории.

Из резолюций массовых дискуссий на стадионе:

— **На все руководящие посты избирать людей профессионально грамотных, только по конкурсу и гласно;**

— **не принимать на руководящие посты людей пенсионного возраста, если они не избраны народом;**

— **передать под госпиталь для инвалидов войны и воинов-интернационалистов больницу номер пять (спецбольницу);**

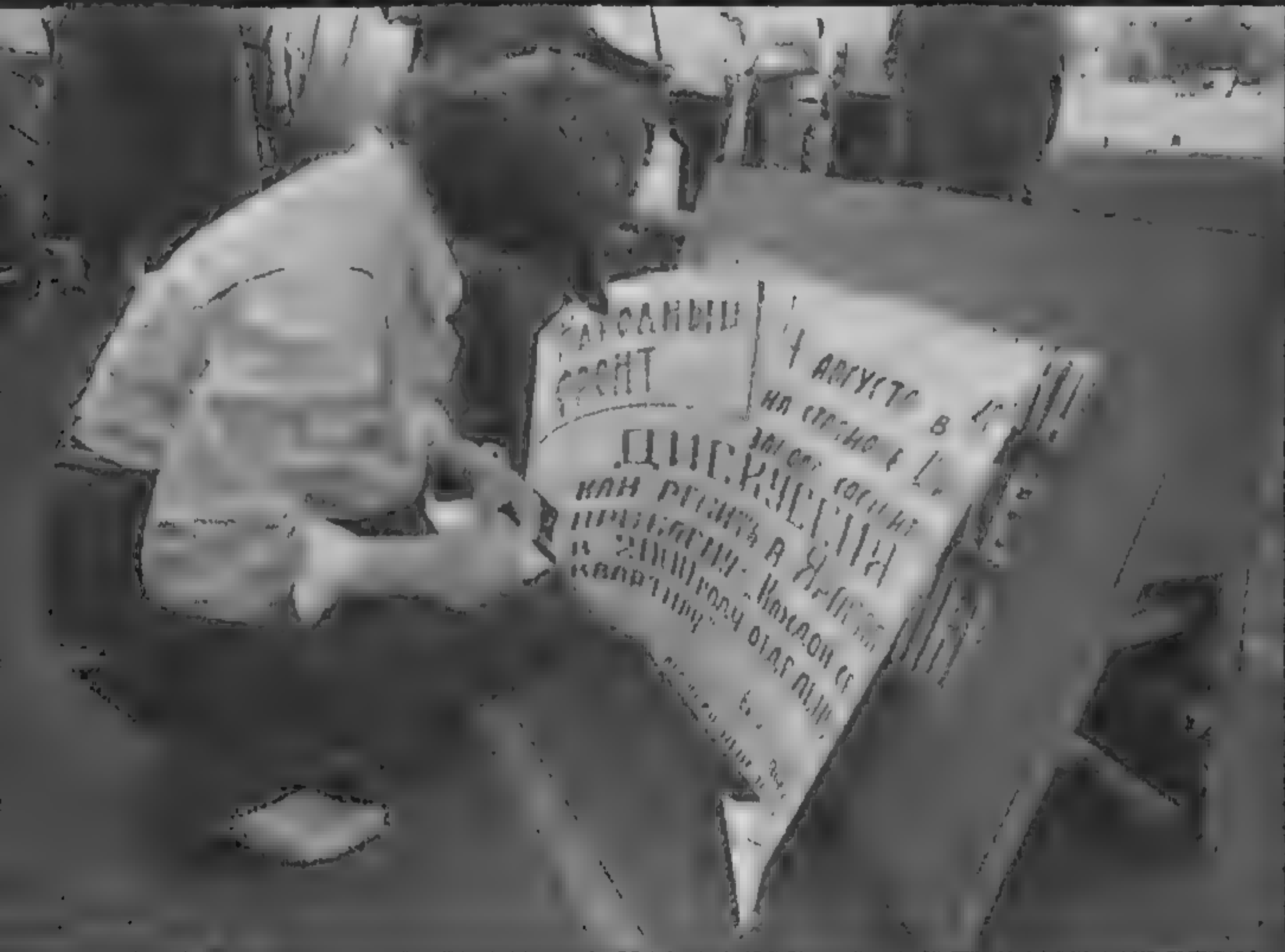
— **обеспечить возможность присутствия трудящихся на сессиях местных Советов народных депутатов;**

— **отменить закрытое распределение продовольствия для работников партийного и советского аппаратов;**

— **решить вопрос сооружения в Ярославле памятника воинам-интернационалистам, погибшим в Афганистане;**

— **обеспечить социалистический плюрализм мнений, создать постоянно действующий механизм свободного диалога, критики и самокрити-**

Фото
Павла КРИВЦОВА





ки, учредив для этих целей дискуссионные клубы.

Однако к «Народному фронту» относятся недоверчиво.

Из статьи В. Багдасарьяна, председателя колхоза «Победа» Угличского района («Северный рабочий», 2 августа 1988 г.):

«Не очень понятен мне смысл деятельности ярославского оргкомитета движения содействия перестройке. Стоит ли единолично присваивать себе звание поборников перестройки и дробить единое общегосударственное движение на отдельные группировки? Считаю, что вместе мы гораздо сильнее. А раскол только мешает делу, тем более что конкретными делами мероприятия, проводимые оргкомитетом, не пахнут. Впрочем, может, мой взгляд несколько поверхностен. И потому предлагаю участникам «движения» испытать свои силы в хозяйствах области во время уборочной. Громких фраз мы уже заслушали вдоволь».

«Громкие фразы» — это резолюции движения «Народного фронта». С ними знакомы участники дискуссий (около пяти тысяч человек одновременно) и работники аппаратов горкома и обкома партии, куда эти резолюции направляются. Газету «Северный рабочий» читает вся область. Но, например, проект программы «Народного фронта» на страницах этой газеты не появился. Так же как и многие другие материалы, объективно освещающие деятельность движения. Редактор «Северного рабочего» публично признался: «Эта газета не моя, а обкома. Если разрешат — будем печатать, если нет — не будем».

Если ярославское движение содействия перестройке захлебнется в самом начале, разве исчезнут проблемы, отягощающие область? Нет. Их все равно придется решать, но уже без помощи той силы, которую сейчас, впопыхах, восприняли как помеху. И так, мол, тяжело. А еще эти крикуны, которые только и знают, что дискредитировать власть.

Из выступления на дискуссии о жилищной программе преподавателя общественных наук, члена инициативной группы «Народного фронта» Ю. Моркина:

«Никто никакой альтернативы нашим мероприятиям не предлагает. Нет пока ни в городе, ни в области другой столь же демократичной формы изучения и одновременно формирования общественного мнения. Где еще, помимо этого стадиона, любой ярославец может выйти к микрофону и напрямую пообщаться с представителями власти? Здесь мы реально осуществляем связь коммунистов и беспартийных. Следовательно, отказываться от таких дискуссий нам нельзя. Маркс говорил, что идеи, овладевшие массами, становятся материальной силой. Мы очень рассчитываем, что рождающееся здесь общественное мнение станет силой, которая поможет демократично, гласно творить перестройку на ярославской земле».

Стоит ли отказываться от союза с такой силой?

Ярославль.

Яна НИКИТИНА



ЗВЕЗДА ЖЕНЫ СОСЕДА МИТРОФАНА

Татьяна ИВАНОВА

«З»

намя... Пересмотрите все книжки этого года: вы не увидите ни одной «пустой» и — при доброжелательном взгляде — должны будете заметить, что журнал от номера к номеру становится все интереснее. Чуть позже я еще раз вернусь к двум последним номерам, а сейчас, чтобы далеко не уходить от только что затронутой темы, укажу на три публикации. В июньском номере — статья Отто Лациса «Перелом». По-моему, Лацис написал главу в «Историю СССР», которую уже сегодня можно рекомендовать для изучения в старших классах и институтах, настолько основательно, ясно, доказательно и богато фактами это произведение. Почему мы строили социализм по-сталински и что такое социализм по-сталински? Понимание необходимо, причем как можно более глубокое понимание, — «Перелом» ему поможет.

«Те десять лет» Алексея Аджубея — мы видим послесталинское десятилетие глазами человека, у которого был очень широкий обзор. Для тех, у кого сейчас возраст зрелости, то были счастливые молодые годы. Глоток свободы, полученный в конце пятидесятых — начале шестидесятых, многих зарядил тогда, видимо, до конца дней. Молчавшие, затаившиеся, пережившие род занятий в годы застоя, они, будто на поверку, перекликаются сейчас со страниц разных изданий.

Может быть, из всех читателей именно журналисты припадают к воспоминаниям Аджубея с особенной жадностью, прямо впадают в них. «Комсомолка» при Аджубее, «Известия» при Аджубее...

Этими газетами восхищались, им завидовали, им подражали, у них учились. «Зять Хрущева, ему все можно» — да, конечно, были такие, говорили так. Но нормальные люди видели: зять Хрущева — талантливый журналист и редактор.

Вот сейчас у нас такая общественная ситуация, что лучшей для печати и не бывало. А посмотрите-ка на газеты: что, разве все они стали лучше? Вовсе нет. Не все выдерживают испытание гласностью, не все назначенные за последние годы редакторы оказались талантливы. Редактор — это ведь дар божий...

Читала я воспоминания Алексея Аджубея, а в голове у меня было стихотворение замечательного поэта Николая Панченко (его подборка опублико-

вана в майском номере «Дружбы народов»):

*Страна лесов,
Страна полей,
Упадков и расцветов,
Страна сибирских соболей
И каторжных поэтов.*

*Весь мир хранит твои меха,
Но паче — дух орлиный:
Он знает стоимость стиха
И шкурки соболиной.*

*И только ты, страна полей,
Предпочитаешь сдур
Делам своих богатырей
Их содранную шкуру.*

Подсчитаны, во всяком случае подаются учету, наши убытки от экономических глупостей и недоразумений. Кто в состоянии сосчитать, сколько мы теряем — и что это за потери, — когда хорошего редактора снимают с работы...

В июльском номере «Знамени» началась публикация автобиографической повести Анатолия Жигулина «Черные камни». И это опять тот случай, когда я советовала бы тем, кто мне верит, раздобыть журнал, отложить дела, недоспать — прочитать и дать детям, друзьям, соседям, учительнице литературы, чтобы в сентябре на уроке в классе с ребятами вслух читала...

Скажите, от чего вы впадаете в пессимизм, а от чего, наоборот, преисполняетесь оптимизма? Вот давайте попробуем с вами сообразить, разные у нас устройства психики или схожие. Я вот очень, прямо до тоски расстраиваюсь, когда меня уверяют, что в те самые годы сталинизма «мы все, как один, верили», «он был для нас богом», «мы все восхищались им», «мы думали, что все так и есть — врагов полно кругом, классовая борьба обостряется», «мы с его именем...». Иногда на эту тему читаешь очень убедительные тексты.

Я тогда думаю: боже мой, какое же горе, неужели не было видящих, разумеющих, понимающих, что же это за несчастный мы народ, что за мучительная у нас история... А тут еще на трибуне партийной конференции Генеральный секретарь, обращаясь к залу, говорит: «Делегат от Нижнего Тагила порбочему прямо говорил, что многие вопросы надо решать. Правда, он призвал стукнуть кулаком. Вообще можно, товарищи. Если вы с этим согласны, давайте начнем это делать», — и зал ответил на такое предложение аплодисментами. Но следующее предложение Генерального секретаря звучало так: «Но, знаете, не это нам нужно. Решая задачи обновления партии, общества в целом, нам надо удержаться от старых методов, которые как раз и привели наше общество в тяжелое

состояние», — зал ответил аплодисментами и на такое предложение.

Но вот выступают Кабаидзе, Стародубцев, Федоров, Примаков, Постников, идет на трибуну никем не званный Сурков, никем не уполномоченный Волков, отстаивает, как под обстрелом, свою высоту Бакланов — и нет, думаешь, эти твердо знали, чему аплодировать. Читаешь «Жизнь и судьбу» Гроссмана — видишь, как много умных, все видящих, все понимающих не хуже нынешнего было людей и в годы культа. Читаешь «Мужики и бабы» Можая — видишь: боролись, сговаривались, противостояли, не сдавались, все понимали. Были, были в прошлом такие соотечественники — горжусь ими, ими и вдохновляюсь! Читаешь «Белые одежды» Дудинцева — боролись, да как еще умело.

Так вот, Анатолий Жигулин рассказывает о КПМ — Коммунистической партии молодежи, нелегальной молодежной организации с марксистско-ленинской платформой, созданной в 1947 году учениками 9-го класса воронежской мужской средней школы. По одним данным — их было около пятидесяти, по другим, около шестидесяти человек. Организация действовала нелегально, разбившись на пятерки. Вдумайтесь...

Что же удалось им сделать за десять месяцев, не менее пяти из которых они работали под осознанной угрозой ареста? Что удалось семнадцатилетним мальчикам?

«...Создать марксистско-ленинскую антисталинскую организацию», — отвечает Жигулин, — состоящую из людей, свободно мыслящих, готовых нести в народ ленинские идеи, критику сталинизма. Разве этого мало? Постоянно (и после возникновения угрозы арестов) велась работа по подбору новых членов КПМ. Пятьдесят (да, пятьдесят!) человек прониклись сознанием того, что обожествление Сталина противоречит духу ленинизма. Разве этого мало?.. Да, мы не расклеивали антисталинских листовок (нас взяли бы на другой день). Да, мы не совершали и не готовили террористических актов, ибо Ленин всегда был против террора. Но мы посеяли сомнения в безупречности сталинского режима в душах многих людей, говорили им о необходимости возврата к подлинному ленинизму. Разве всего этого мало?..»

Лобастые мальчики русской революции... Наследники декабристов, народовольцев, большевиков-ленинцев. Предки могут гордиться. Потомки будут гордиться. Сверстники — из тех, что «все, как один, верили», — задумаются. Современники должны преисполниться оптимизма: никогда, ни в какие самые мрачные годы не прерывалась традиция русской революционной интеллигенции.

Не перестаю удивляться, слыша от писателей-«заединчиков» (по слову Анатолия Иванова) панические возгласы о растлевающем молодежь влиянии вырвавшейся наконец на волю литературы. Позвольте мне без околичностей и эвфемизмов сказать, какое чувство вызывает у меня их речи, — презрение. Понимаю, что надо бы поделкатнее. Но ведь в прошлом обзоре я сама напи-

сала, что считаю нужным все называть своими именами, самыми точными и понятными словами. Именно это вызвало, судя по письмам, самую горячую поддержку читателей. Они пишут, что именно прямоты в разговоре и ждут, именно она им всего нужнее.

Порядочно «заединчиков» почитала я в последних номерах «Нашего современника», «Молодой гвардии», «Москвы». Сначала думала вам о них рассказать, мы вместе подивились бы многому, может, и посмеялись бы. А потом решила, что не буду. Почему? Ну, во-первых, это все те же лица, о которых мы толковали с вами не однажды. И мне сдается, что частое упоминание их на страницах «Огонька» для них слишком большая честь. Оно создает им популярность, не пропорциональную их реальному значению. К тому же вся эта «заединщина» удивительно неинтересна и в литературном смысле. Зачем же тратить время и место на нее, когда столько всего прекрасного на свете? Жизнь все-таки дается человеку один раз, и не для того, чтобы он читал чепуху да еще и думал над ней.

Если уж мне захочется вас повеселить, я найду и другой повод. Вы обратили, например, внимание на статью Н. С. Работнова, доктора физико-математических наук из Обнинска, в июньском номере «Знамени»? Она о «Дне поэзии» — любопытно. А мною как раз в «Дне поэзии» недавно вычитано произведение Валентина Устинова объемом в 23 строфы — не знаю, стихотворение это или поэма. Называется «Звездочет». Там про то, как в колодце кто-то засел. Может, инопланетянин, может, нечистый. И ждет, когда Елена к колодцу подойдет. Сидит и выжидает, тварь такая:

*...как дунет ветер в купол сарафана —
да так, что цветень вихрем зарыбит
и темень сруба жаром опалит
звезда жены соседа Митрофана.*

Ничего? То-то. Митрофан, понятно, озабочен. Ревнует. Переживает. И... Митрофан — как всякий человек, ядущий труд свой в хлебе и траве, — скитаний среди звезд не уважает. Но лоб почешет, пососображает — И дух козла развеет в синеве...

Это уж, дорогие мои читатели, я предоставляю вам самим решить, что значит «дух козла развеет в синеве». Я хоть и обязалась говорить прямо, но не до такой же степени. Спросить бы редактора сборника, Юрия Кузнецова, что там все-таки они с поэтом имели в виду насчет звезды, насчет духа козла...

Мне кажется, что мой пример деградации «Дня поэзии», во всяком случае, не хуже, чем примеры Работнова. Хотя и его, ничего не скажешь, хороши.

Умышленно не привожу цитат из мрачных «критических статей», где до сведения заинтересованных лиц под видом рассуждений о литературе доносится, что антисталинские произведения подрывают основы нашего общества, губят нравственность, растлевают души («Идет реакция «свиньей», как шла тевтонская угроза», — пишет Евгений Евтушенко в одном из стихотворений, опубликованных в шестом номере «Юности»). В этих статьях предъявляются самые жесткие требования и к умершим, погибшим, превращенным в лагерную пыль прозаикам и поэтам, и к ныне живущим. Критик журнала «Москва», например, не видит в поэзии ничтожнее фигуры, чем А. Вознесенский... Зато стихи про «звезду жены соседа Митрофана» нашу родимую «реакцию», видимо, вполне удовлетворяют. Именно так она себе и представляет истинную поэзию. Для этого умозаключения есть все основания, поскольку

ку альманах «День поэзии» давно уже стал «заединщиком». Извините за прямоту.

Хотелось бы знать, что, произведение про звезду жены и про то, как Митрофан развеивает в синеве дух козла, — современное? Из того, ряда, что укрепляет основы, патриотизм, идеалы, нравственность? Из того ряда, что с трудом пробивается через лавину (поток, сонм) «опоздавших» произведений?..

Мне-то кажется, что опоздал как раз Митрофан. Опоздал развеивать в синеве «дух козла». Припозднились и мрачные критики. Тиражей для развеивания в синеве «духа» они, конечно, добьются. Под этот, так сказать, «плюрализм» пройдет любая безграмотность, любое невежество и бескультурье, еще легче, чем прежде проходили. А вот самого-то самого, того, что дороже тиражей и денег, — любви и популярности... Нет, не добьются.

В майском номере «Дружбы народов» — подборка стихов Натальи Астафьевой. «Усталые, как старики в ночном капоте, болят в углу мои стихи, кусочки плоти...». И во врезке история ее книги — первой и, по-видимому, единственной: «Книга стихов «Заветы» была предложена в издательство в 1962 году. Рукопись была высоко оценена издательскими рецензентами, но в 1964-м возвращена автору. Сейчас книга в расширенном варианте включена в издательство в план выпуска 1989 года». Сколько-то раз за это время издались «заединщики», в том числе и создатель Митрофана? А еще в этих, последних номерах «Дружбы народов» была изящная и умная повесть Юрия Давыдова «Вечера в Колмоове» — сверхсовременная по мысли, истинно интеллигентная (неужели и ее можно отнести к литературе о прошлом, коли герой ее — Глеб Успенский? Кто вообще и зачем придумал для литературы это абсолютно несостоятельное определение? Ведь к пониманию ценности книги, к ее художественным свойствам, к ее воздействию на человеческий ум и сердце, к ее восприятию ни малейшего отношения не имеет информация: о прошлом книга, о настоящем или о будущем; все решается единственно писательским талантом, умом и правдой — способностью увидеть правду, понять, воспринять и не убоиться; впрочем, чем талант сильнее, тем страх и меньше — это, полагаю, сегодня для большинства моих читателей утверждение бесспорное).

Если учесть, что в тех же номерах публикуется «Судьба полководца» Г. Иссерсона (о Тухачевском) — одного из создателей передовой военной теории, военачальника, который вместо участия в военных действиях во время войны вручную формовал на Ангаре кирпичи, катал пимы, долбил киркой мерзлую землю. И там же острая и печальная повесть Анатолия Стреляного «Стрельба влет» (говорят, уже несколько обкомов протестуют: Стреляный, мол, искал нашу перестроенную деятельность, у нас все не так). И в тех же номерах «Житие полковника милиции» Новомира Лимонова, которое сегодня читают все электрички и вагоны метро. (Надеюсь, вы помните, что когда-то я горячо рекомендовала вам не пропустить повесть Юрия Аракчеева «Пирамида»? Это было великолепное исследование современной действительности. С «пирамидой» литературе, публицистике, да и всем нам, гражданам, еще предстоит до конца разобраться, раз уж мы всерьез принялись за создание правового государства. Произведение Лимонова примыкает к этому ряду — пока совсем короткому.)

Если принять во внимание, что и беседа с академиком Д. Лихачевым под заголовком, достойным включения в сборник лучших афоризмов всех времен и народов, — «Беден не тот, у кого мало, а тот, кому мало», — опубликована там же... Если все это учесть, то, разумеется, надо читать и «Дружбу народов».

У меня, кстати, не вызвала добрых чувств публикация Василия Ажаева «Вагон». Предисловие к публикации, прочитанное мною, когда все добрые люди читают послесловия, то есть после чтения книги, внесло ясность в мою плохо осознанную поначалу антипатию к этому произведению. Оказывается, когда бывший заключенный, а потом вольнонаемный В. Ажаев писал «Далеко от Москвы», он очень хотел оставить память о тех, с кем делил горе. Но тогда было нельзя называть вещи своими именами, и он написал так, будто все вольные. Позже, в шестидесятые годы, уровень разрешенной правды стал выше, и писатель написал поправднее. Но и тогда нашли, что уровень правды все-таки превышен — «Вагон» не увидел света.

То-то у меня и было ощущение, что писатель, работая над «Вагоном», все время помнил о дозволенном уровне правды. То-то вполне комфортабельно и дружелюбно в вагоне для арестантов, и невинные розыгрыши, и веселый смех, и крепкий раскулаченный мужичок, которого все слушаются, с готовностью, как няня в детском садике, берущая новенького под свою защиту...

Может быть, несколько лет назад я отнеслась бы к «Вагону» с пониманием. Но теперь, когда прочитан Гроссман, Приставкин, Тендряков, Шаламов, — невозможно. Вагон, который вез к месту заключения Николая Заболоцкого, не успевали снабжать едой и водой. Люди отковыривали со стен и дверей черные сосульки, образовавшиеся от их испарений, сосали их...

Я вспоминаю, как моих родителей в обязательном порядке заставляли прочитать «Далеко от Москвы» и непременно выступить на обязательных читательских конференциях. Между прочим, помню, как молодые мои врач и инженер, снимавшие с полка то Чехова, то Толстого, над этим обязательным чтением ехидничали и плевались — очень оно их тогда раздражало. Так же, как обязательные для прочтения «Кавалер Золотой Звезды», «Белая берега»... Дела давно минувших дней, преданья старины глубокой...

На мой взгляд, с публикацией «Вагона» «Дружба народов» опоздала. Так же, как опоздал «Новый мир» с отрывками из романа Артема Веселого «Россия, кровью умытая» — несколько бы лет назад и этому уровню правды мы радовались, наверное. Сегодня я не испытала ничего, кроме искреннего сочувствия к судьбе этого человека, назвавшего когда-то своих дочек престранными именами — Гайра, Фанта, Волга, кроме глубокого сочувствия и к судьбе его дочери, комментировавшей публикацию, — разумеется, трагической.

Но «Новый мир», по-моему, опаздывает не только с этим. С «современной» прозой — тоже. Помню, меня немало озадачила публикация длинного романа О. Баунова «Мореоплаватели». Проза была на диво художественна, просто изнурительно художественна, но действие вовсе не двигалось, решительно ничего не происходило, и я себя не преодолела, до конца не дочитала. Теперь — «Аптекарь» В. Орлова. В застойные годы, может быть, можно было и порадоваться замечательной писательской наблюдательности, тонкости его намеков, даже испытать благодарность к автору за то, что он, понимая, как бессмысленна, никому не нужна и ничтожна наша жизнь, все-таки показывает нам, что она еще и прекрасна, что можно в ней остаться и человеком... Поздно, поздно теперь подносить нам эти затейливые, фантастические кружева. Не к сроку они — мы чувствуем сейчас как раз, что нужны, что жизнь не бессмысленна, что можно и нужно не просто отбыть земные сроки... «Новый мир» будто и не заметил, что мир — новый. А «Аптекарь» старый.

Припозднилась и повесть Г. Прякина «Мать и матица» — уровня, заданного лучшими прозаическими публикациями последних полутора лет, она не выдер-

живает. Придется даже сказать: далеко не выдерживает — в книгу бы ее. На уровне выходящих книг — большинства выходящих книг, посмотрите, например, что будет издавать «Роман-газета» в 1989 году — это вполне проходит. Но «Новому миру»...

Право, главы из книги Федора Шалыпина «Маска и душа» куда современнее и злободневнее. А статья Василия Селюнина «Истоки» просто обязывает выбирать прозаические произведения на хотя бы приблизительно достойном ее уровне мысли, чувства, логики.

Номера «Нового мира» не все как подарок. Хотя разнесся слух, что они будут публиковать Солженицына... Что ж. Вот в «Нашем современнике», в июньском номере, опубликованы главы из повести Виктора Астафьева «Последний поклон», и это превосходная проза. Если раз в год там будет публиковать свои рассказы Астафьев, вся годовая подписка оправдана. Решайте сами, не слишком ли это большая щедрость, при нашей бедности, при катастрофе с подпиской...

Ведь вот «Октябрь» хоть и открывает пятый номер романом того же Г. Прякина (в книгу, в книгу!), но в номере есть рассказы Н. Шмелева, а в шестом — и удивительный роман В. Померанцева «Итого, собственно, нет...». Того самого Померанцева, который в 1953 году в «Новом мире» опубликовал статью «Об искренности в литературе» — сенсационную. «То был факт не только таланта, — пишет в предисловии Олег Попцов, — но и гражданского мужества». Больше Померанцев в жизни не смог опубликовать ни одной строки. Прочли ли вы его роман? Я советую вам сделать это, уверенная, что у вас в руках окажется исключительно умная книга.

...Он был прекрасным, сильным, мужественным, безусловно, порядочным человеком. Но он шел на компромиссы, приспособляясь к власти, для того, чтобы самому занять положение в обществе, при котором можно сотворить больше добра, при котором легче противостоять злу. Годен ли этот путь для порядочного человека? Вечный российский спор, вечный вопрос. Он в романе «Мужики и бабы», он у Василия Гроссмана, он у Шмелева в «Спектакле в честь господина первого министра»... Кто не стоит, не стоял в жизни перед таким выбором, кто не ломал себе голову, как поступить...

Размышление Померанцева полно обаяния, потому что высока его культура — воспитан ум и воспитаны чувства. «Октябрь» уже опубликовал свою основную программу на будущий год. Вы не находите, что она уж очень заманчива? Но в этом году ни одного номера, с которым было бы совсем легко расстаться, все-таки не было.

Принесли шестой номер «Нового мира» — с удивительными рассказами Варлама Шаламова. Один из них — «Последний бой майора Пугачева», — как и «Черные камни» А. Жигулина, о не сдавшихся, о настоящих героях. Впрочем, другие тоже. Уровень правды? Предельный, вернее, беспредельный. Как и в прошлый раз, я говорила: читайте рассказы В. Тендрякова, читайте детям в классе — так сейчас я скажу то же о рассказах Шаламова. Прививка против сталинизма, как против чумы.

Некогда Салтыков-Щедрин написал: «есть нечто худшее, нежели самая худая действительность, — это преднамеренная ложь на нее». Впрочем, кажется, я опять пытаюсь с помощью авторитета воздействовать на «заединщиков» Анатолия Иванова. Бесполезное дело: Щедрин — очернитель, злопыхатель и остроумец, для них, конечно, не авторитет. В июльском номере «Юности» Ирина Дементьева говорит с ними совсем напрямую, совсем откровенно — и про безграмотность, и про склонность к доносам, и про интриганство, и про бесталанность, и про попытки елеем и квасом лечить социальные не-

дуги, и про «остропатриотические» призывы (зЫбка грань между национальным и националистическим!), за которые советский народ так дорого расплачивается (неужели и после Сумгаита не войдут в разум пропагандисты любви к малой родине, насмешники над интернационализмом, так много лет подряд дискредитировавшие понятие «советский народ», не стесняющиеся оспаривать даже идею братства Льва Толстого, не понимающие, что спорят и с Евангелием?). Так хотелось бы узнать, что же могут «заединщики» возразить, например, Дементьевой — только без вранья, по правде. Приведенный ею факт — опровержение, факт — опровержение. Но такого удовольствия мы, естественно, не получим.

Вот ведь Михаил Алексеев через «Литгазету» слухавил, заявив, что не принял к публикации роман А. Бека не по идейным соображениям, а по художественным. Татьяна Бек в «Знамени» опубликовала письмо М. Алексеева к своему отцу, где было все однозначно: отклоняем по идейным соображениям. Иные толкования невозможны. Подпись самого Алексеева на месте. И что? А ничего...

Между тем «Юность» надо бы читать регулярно. За три последних года журнал стал просто отличным. За недостатком места не буду мотивировать это здесь, отсылаю вас к своим прежним обзорам.

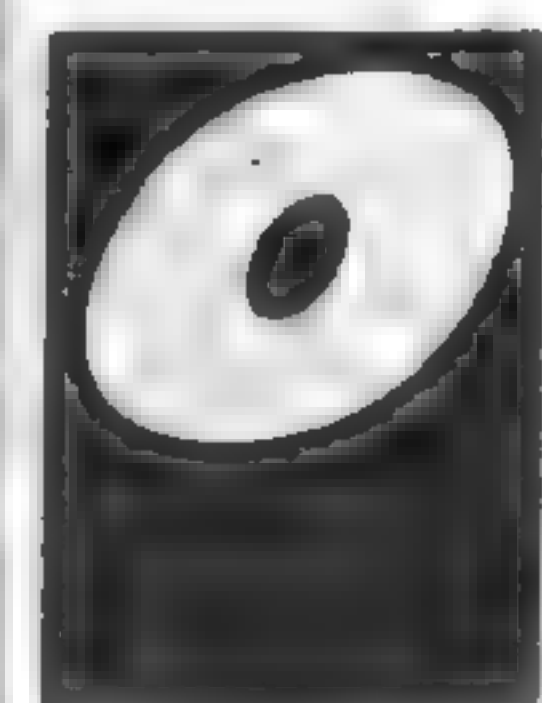
Но придется читать и «Неву» — вы обратили внимание, что ни в одном обзоре я не смогла без нее обойтись в этом году. А в майском и июньском номерах тоже много интересного. Ни в коем случае не откажите себе в удовольствии прочесть «Заметки народного судьи Семена Бузыкина» Виктора Курочкина, статью «Правосудие и два креста» Льва Самойлова и комментарий к ней.

Кстати, в «Неве», а еще в «Урале» найдется два произведения Юлиана Семенова. Несколько лет назад, когда Ю. Семенова можно было только хвалить, я, помнится, высмеяла его прозу. Это произвело на него такое сильное впечатление, что не знаю, как и редакционный корпус-то устоял. Но кто старое помянет... «Ненаписанные романы» — так называется произведение в «Неве». Это будто конспект, но в том и достоинство. Потому что кратко, просто и почти без лишних слов. Есть и замечательные страницы. И все строится на фактах, документах и воспоминаниях реальных лиц.

Из рассказа старого чекиста: «А кто нам телеграмму прислал: «применяйте пытки»? Сталин...» И еще один — для размышлений — абзац: «К концу тридцать восьмого года практически весь аппарат Дзержинского, то есть все те, кто создавал ЧК, были расстреляны — без суда и следствия, как злейшие враги народа, шпионы и диверсанты. Один из создателей советской контрразведки Артузов... попытку вовлечь его в написание сценария первого процесса против Зиновьева и Каменева в 1935 году отверг с гневом: «Я против своих не воюю, врагов достаточно». Будучи арестован с группой первых дзержинцев, вскрыл вены и написал на простыне, вывесив ее — умирающим уже — в окно камеры (тогда они еще были без «намордников»): «Каждый большевик, верный идеям ленинской революции, обязан — в случае первой же возможности — изобличить Иосифа Сталина, предателя, изменившего делу коммунизма, сатрапа, мечтающего о господстве единоличной тиранической диктатуры!».

Так-то. К счастью, это вранье, что «мы все, как один человек, верили ему, как богу».

А в романе из шестого номера «Урала» один из главных «героев» — Чурбанов, как вам уже должно быть ясно, действие происходит в самые что ни на есть наши дни. И в манерах деятелей общества «Старина» угадываются прототипы из «Памяти». Удержусь от оценок. Однако скажу, что удержусь без



труда: одно бесспорное достоинство заставило меня все это проглотить, почти не глядя по сторонам, думаю, что и многих заставит: дорога ложка к обеду.

«Урал» из поля зрения выпускать нельзя. Он, да еще «Волга», да «Подъем» (в нем недавно был очень хороший роман Юрия Гончарова «Жизнь тому назад»), да еще «Дон» — от этих журналов есть чего ждать.

А недавно я купила в киоске «Знание — сила» — в круг постоянного чтения этот журнал у меня не входит. А там с предисловием А. Самсонова рассказ Г. Геродника о Любанской операции. Армия Власова — ее история не белое, а черное пятно нашей истории. Но что мы знали о Второй Ударной? Оказывается, одну ложь.

И другие материалы журнала, их несколько, замечательно интересны. А на днях в том же киоске смотрю, лежит совсем крошечный журнальчик; «Горизонт». Тот был орган общества «Знание». А этот чей? Так и этак кручу — ничей.

«Общественно-политический ежемесячник», да и точка. А в нем: Л. Лиходеев «Как проходила коллективизация», Варлам Шаламов «Комбе-ды», Владимир Война «Ах, вернисаж!», или Где начинается культура — это все надо читать, вы и сами понимаете. Но главное, там под рубрикой «Страницы истории» Овидий Горчаков, «Накануне, или Трагедия Кассандры». Повесть в документах. Там нет никаких авторских слов. Там только донесения, радиогаммы, докладные записки. И во всех одно: 22 июня, на рассвете, Гитлер нападет на Советский Союз. Повесть кончается резолюцией, написанной на старой папке с нажимом, вечным пером: «В последнее время многие работники поддаются на наглые провокации и сеют панику. Секретных сотрудников «Ястреба», «Кармен», «Алмаза», «Верного» за систематическую дезинформацию стереть в лагерную пыль, как пособников международных провокаторов, желающих сорвать нас с Германии. Остальных строго предупредить». Подпись: «Л. Берия. 21 июня 1941 года».

Говорят, хватит по поводу Сталина и сталинизма эмоций, давай факты, только факты. Овидий Горчаков дал только факты.

А «Горизонт», оказывается, тоже надо читать.

Что ж, товарищи читатели, слишком много я насоветовала? Но давайте все же не забывать, что есть библиотеки, что в коллективе можно всем подписаться на разные журналы и обмениваться. Давайте уж как-нибудь одолеем эту трудность (теперь я уверена, что не временную) — слишком много интересных журналов, не знаешь, что и читать. Попомните мои слова: «трудность» будет нарастать. Пока что можно говорить только о самых первых шагах перестройки в литературно-художественных журналах. Обратите внимание на толщину подписного каталога и убедитесь: пока очнулись от спячки редкие, считанные единицы. А многие десятки журналов не отмечены никакими признаками современности. Что ж, «лоб почешут, посоображают», — раз так терпеливо ждет Союз писателей, то и нам, видимо, ничего другого не остается.

Приемщица одну за другой вернула мне подписные квитанции — вы сами знаете, как это происходило: «лимит». А на «Наш современник» и «Молодую гвардию» подписку оформила без разговоров. «Вот, — обратилась к очереди, — подписывайтесь, ведь свободны!» Но в огромной толпе (вы знаете, какая она была огромная), кроме меня, желающих не нашлось.

Хотя мне никогда не понять, зачем мы содержим непопулярные журналы, продающиеся в нагрузку. Зачем на многие подписывают «по разнарядке». Зачем?.. Почему не оставим ровно столько бумаги, сколько у них подписчиков? Кто-нибудь может мне все это объяснить?

но хранится в судебном архиве, в деле, запечатанном в конверте. Надпись на нем так и гласит: «Особое мнение». Это мнение народного заседателя суда Солнцевского района Москвы Сергея Николаевича Емельянова.

...Недавно, в ноябре 1987 года, слушали дело двух водителей-грузчиков аэропорта Внуково. Их судили за кражу 4250 рублей из вещей пассажира. Суд обоим определил строгое наказание. Но у народного заседателя особое мнение: он считает, что одного из осужденных, М. А., следовало бы оправдать, так как он не совершал кражи.

На чем же основана такая позиция? Дело-то, казалось бы, простое, сомнений не вызывает. Сам М. А. на предварительном следствии признал свое участие в краже. Уличал его также другой подсудимый, да еще и свидетель. И тем не менее заседатель убежден, что М. А. не виновен. Он объяснил суду, что признавался в краже лишь потому, что работники милиции вымогали такие показания, и тому были косвенные подтверждения. Не случайно же следователь не приложил к делу заявление о выраженном ему недоверии. Что же касается показаний других лиц, то в них говорилось лишь о том, что М. А. вроде бы согласился взять деньги уже после кражи.

Сергей Николаевич не юрист, а слесарь. Но в совещательной комнате все трое равны, наделены абсолютно одинаковыми процессуальными правами. Он понимал, что не просто оспаривать позицию председательствующего судьи-профессионала и другого заседателя, и тем не менее твердо стоял на своем, а поскольку убедить их в совещательной комнате не смог, написал особое мнение. Он не знал, учтет ли его городской суд. Но им было сказано все, что следовало сказать по совести. И это помогло исправить беззаконие. Кассационная инстанция приговор отменила. После дополнительной следственной проверки дело в отношении М. А. было прекращено.

...Перечитываю особое мнение С. Емельянова и задумываюсь: а много ли столь же самостоятельно мыслящих заседателей среди тех, кому народ доверил вершить правосудие вместе с судьями-профессионалами? Вспоминаю прочитанные в разных изданиях горестные размышления о некоторых изъянах в судебной практике, о равнодушии иных народных заседателей — решается судьба человека, а они порой, не задумываясь, послушно ставят подпись под приговором, полагая, что судье-профессионалу виднее и потому стоит ли ему перечить? Делюсь этими раздумьями с первым заместителем министра юстиции РСФСР Ю. Д. Севериным и спрашиваю:

Л. Л. — Что мешает полному, реальному, а не формальному осуществлению принципа коллегиальности в суде? Ведь это одно из главных звеньев демократизации правовой системы.

Ю. С. — Вы затронули одну из главных тем правосудия, по существу его сердцевину. Именно к этой теме обращаются сейчас многие юристы в поисках ответа на вопрос, как поднять работу судов на тот высокий уровень, который отвечал бы происходящим в стране революционным преобразованиям, отвечал бы высоким требованиям, предъявленным им на XIX Всесоюзной конференции КПСС? Приходя к неоднозначным выводам, значительная часть юристов твердо склоняется к тому, что необходимы серьезные перемены в деятельности народных заседателей. Постараюсь сформулировать и свою точку зрения.

Коллегиальность правосудия наряду с независимостью суда призвана обеспечивать демократические начала судопроизводства, объективность, справедливость судебного разбирательства, ограждать от субъективизма, тенденци-

озности, всякого рода «натяжек». Коллегиальность — древнее изобретение человечества. Конструкция же советского суда основывается на наиболее последовательно раскрытой идее коллегиальности: профессиональный судья и равноправные с ним народные заседатели вершат правосудие. В решении абсолютно всех вопросов заседателям принадлежит большинство. Участие в суде непрофессионалов и к тому же в превосходящем числе — главное средство против его обюрокрачивания. Представительство народа в суде укоренилось прочно, и значение этого факта трудно переоценить, тем более оспаривать. Вы правы и в том, что влияние на заседателей со стороны практически исключено. И если бы эта схема «работала» по-настоящему, правосудие было бы куда более демократичным, его уровень был бы значительно выше. В жизни, однако, произошла определенная трансформация. Незыблемой осталась лишь коллегиальная форма, внутри же ее сместились акценты: судья-профессионал своим положением стал нередко подавлять позицию заседателей, которые и сами зачастую принимают это как должное. Суд в немалой мере воспроизвел в своей модели административно-командную систему взаимоотношений, — восторжествовавшую во всем обществе. Она-то, по нашему мнению, и должна быть подверг-

его вооружают литературой, инструкциями. Но все равно тут, видимо, более важны не успехи полученные им правовые знания, а житейский опыт, чувство ответственности за торжество справедливости, его советскость, его гражданский долг, его бойцовские качества, принципиальность, строптивость в хорошем смысле этого слова, готовность и умение смело отстаивать свою позицию.

Ю. С. — При решении судебных дел профессиональный, житейский опыт заседателя, его природная мудрость, чувство справедливости, нравственные представления играют подчас решающую роль. Но и определенная правовая грамотность, знание наиболее важных положений закона желательны. Я скажу так: при нормально развивающихся процессах общения между судьей и народными заседателями должно происходить взаимное идейное, духовное, интеллектуальное обогащение. Это особенно важно сейчас, в период перестройки, утверждения нового мышления, развития демократии, гласности, формирования социалистического правового государства.

Суд — одно из важнейших средств правового обеспечения идущих в стране преобразований. Законы о государственном предприятии, о кооперации, Примерный устав колхоза, Закон об ин-



нута коренной ломке в ходе намечающейся судебной реформы.

Подлинная коллегиальность, творческое, активное участие всех трех членов суда должны помочь в незыблемом утверждении важнейшего правового принципа — презумпции невиновности. Забота о ней — среди первоочередных. В последнее время заметно возросла самостоятельность позиций, занимаемых судами, их принципиальность в оценке материалов предварительного следствия. Более семи процентов уголовных дел возвращается судами на дополнительное расследование. Только в течение последних двух лет в полтора раза увеличилось число оправдательных приговоров. В прошлом году в Российской Федерации их вынесено более полутора тысяч. Но все же и сейчас еще многие судьи не руководствуются презумпцией невиновности, чрезмерно доверяя выводам предварительного следствия, не утруждают себя скрупулезным, тщательным исследованием доказательств вины подсудимого.

Именно здесь особо значим коллективный разум судьи и народных заседателей. Именно здесь важен требовательный голос общественного стража законности: «Достаточно ли подтверждают вину подсудимого материалы предварительного следствия, доказательства, которыми располагает суд, справедливое ли ему определяется наказание?» Но, увы, далеко не всегда раздается этот столь значимый в поисках истины вопрос. Не такая уж редкая картина, когда два человека, сидящие справа и слева от судьи, безучастно слушают его вопросы подсудимому, свидетелям, их ответы, речи прокурора и адвоката. Ни одной попытки вместе с судьей распутать запутанный узел противоречивых показаний, обратить внимание на важную деталь. Так и удаляется иной заседатель в совещательную комнату, чтобы там сразу же согласиться с мнением судьи и без всяких обсуждений и возражений поставить свою подпись под приговором.

Л. Л. — Вновь избранный народный заседатель проходит всякие курсы,

дивидуальной трудовой деятельности, Закон об обжаловании в суд неправомерных действий должностных лиц, правовые нормы об ответственности в связи с преследованием граждан за критику — все это важные проявления процесса обновления нашей жизни. И активное участие народных заседателей в решении возникающих перед судом вопросов, связанных с применением этих законов, с ходом перестройки, естественно и непременно. Не рискнул бы сегодня безоговорочно отдать здесь приоритет судьям-профессионалам. Без подлинной коллегиальности суд легко сойдет с правильной дороги.

Какие же черты привлекают в современном народном заседателе? Если кратко, то это широкий диапазон деловых и личных качеств: политическая зрелость, широта кругозора, чувство справедливости и умение принципиально, аргументированно отстаивать свою позицию. Народный заседатель — это характер, воля, это личность, которая не позволит «давить» на него, будь то прокурор или секретарь райкома. Судья, безусловно, может и должен оказывать влияние на формирование личности народного заседателя, в особенности на приобретение им основ правовых знаний, что, собственно, и происходит в жизни. Многое зависит и от умения судьи вызвать у народных заседателей интерес к разбираемому делу, от умения так вести судебное следствие, чтобы не все брать на себя, включать заседателей в сложную операцию поиска истины.

Однако нравственно-политический потенциал заседателя, чем он особенно ценен, должен в основном быть сформирован до прихода в суд. Думаю, что уверенность народных заседателей в своем положении в суде, а следовательно, и принципиальность их позиций можно было бы значительно поднять, предусмотрев в законодательном порядке, наряду с другими мерами, принятие ими присяги или их официальное напутствие, в котором бы четко были сформулированы задачи, основные принципы работы, права и обязанности заседателя.

Л. Л. — Конечно, многое зависит от того, кому и как мы даем право судить от имени народа. Мне рассказывали о таком эксперименте, проведенном на одном предприятии вскоре после выборов народных заседателей: рабочих и служащих опросили — кого они послали в суд в качестве заседателей, помнят ли их фамилии, кем работают, почему именно им доверили вершить правосудие? Ответы были отрицательные. В чем тут дело?

Ю. С. — На мой взгляд, демократии при выборах народных заседателей хватает. Судите сами. Выборы проводятся на собраниях граждан по месту их работы или жительства. В крупных трудовых коллективах собрания могут проводиться по цехам, участкам, сменам, бригадам. Каждому предоставляется право участвовать в обсуждении выдвинутых кандидатур, поддерживать их либо вносить предложения об отводе. Голосование открытое — по каждой кандидатуре в отдельности.

Беда в другом. Не очень требовательно подходят в трудовых коллективах, в советских органах к подбору кандидатов в народные заседатели. Часто на усмотрение избирателей предлагают случайно, наспех подобранных людей, заботясь лишь о соблюдении пропорций в представительстве различных групп населения. Нередко ищут на «выдвиже-

отменялись и изменялись либо по жалобам самих заинтересованных лиц, либо по протестам прокуроров и председателей судов. От заседателей же инициатива исходила очень редко.

Нами был проведен небольшой опрос. Двумстам председателям народных судов раздали анкеты с вопросом: «Участвуют ли народные заседатели реально в разбирательстве дел?». Две трети ответили отрицательно. Значит, в ходе судопроизводства доминирует единоличное мнение судьи-профессионала, а заседатели не отстаивают свои позиции. Особое мнение заседателей как основание для исправления неправильных решений — явление исключительное. А между тем роль заседателя в том и состоит, чтобы в необходимых случаях противопоставить свое убеждение позиции профессионального судьи и уметь отстоять это убеждение.

Не собираюсь бросать тень на весь полумиллионный отряд заседателей народных судов. Он состоит из людей с достойной трудовой биографией, хорошим жизненным опытом. Не хотелось бы создавать впечатление, что буквально все заседатели в суде безучастны, безлики. Дела рассматриваются не без обсуждений, возникают и споры. И тем не менее «верх» практически остается за профессиональным судьей. Заседателям недостает характера, упорства, принципиальности.

родных заседателей не отвечает требованиям, связанным с проводимой в стране демократизацией, понимают многие. И предложения в этой связи поступают разные. Важно, чтобы судебная правовая реформа по-серьезному затронула институт заседателей. Суд коллегиялен, и забота о его совершенствовании не может ограничиться только фигурой профессионального судьи. Меры частного характера, направленные на совершенствование судебной процедуры, повышение престижа и независимости судей, установление уголовной ответственности за попытки оказать влияние на рассмотрение дел, имеют, безусловно, важное значение, но все это не устранил глубинные причины, подрывающие основополагающий для правосудия принцип коллегиальности. Думается, что серьезное усиление начал коллегиальности суда может быть обеспечено прежде всего путем существенного повышения роли народных заседателей в осуществлении правосудия, повышения их самостоятельности, ответственности и престижа. Призывами, обыденными текущими мерами и, образно говоря, «заплатами» проблеме повышения активности народных заседателей не решить. Требуется создание работающей организационной структуры.

В последнее время многие юристы, ученые и практики стали сходить на

Укрепление состава народных заседателей людьми, способными разбираться в сложных жизненных ситуациях, отстаивать свою точку зрения, отвечающую создавшимся в обществе новым условиям, — одна из главнейших предпосылок обеспечения законности, исключения фактов несправедливости, необоснованного осуждения. Но ведь устранение судебных ошибок — это лишь программа-минимум. Потенциал правосудия, его предназначение, особенно в пору отказа от административно-нажимного стиля, социально более значим. Сейчас к ведению суда отнесено рассмотрение жалоб на неправомерные действия должностных лиц, борьба с преследованием за критику, защита прав кооперативов, лиц, занимающихся индивидуальной трудовой деятельностью, споров, связанных с расширением гражданского оборота. Правосудие становится одной из гарантий обеспечения демократизации, социальной справедливости, новых форм хозяйствования. Все это, конечно, значительно повышает роль и ответственность народных заседателей. Готовящийся закон о статусе судей должен стать законом и о статусе народных заседателей.

Л. Л. — Кое-кто из юристов предлагает в какой-то мере вернуться к суду присяжных. Что вы скажете по этому поводу?

Ю. С. — Это предложение вызывает ряд серьезных возражений. Присяжный имеет меньше прав, чем народный заседатель. Он лишен полномочий выяснять, допрашивать, вмешиваться в определение меры наказания. Поэтому «возвращаться» к суду присяжных, вероятно, не следует. Правда, можно было бы, реформируя суд, использовать некоторые рациональные черты суда присяжных при условии, что у представителей народа сохранялась бы их активная роль в судебном разбирательстве дел. Думаю, что устранение слабых мест из ныне действующей системы участия в правосудии народных заседателей, укрепление заседательского корпуса людьми с активной жизненной позицией делает эти поиски излишними.

Л. Л. — В печати мы гласно критикуем следователя, прокурора, судью за несправедливое решение. Ну, а народного заседателя? Почему так редко вспоминаем, что суд проходил с участием нами же избранных народных заседателей?

Ю. С. — Собственно, ваш вопрос надо бы адресовать не столько представителям юстиции, сколько самим работникам средств массовой информации, для которых привычным стало вину за судебную ошибку публично возлагать только на одного судью-профессионала, а не на всю коллегия. На мой взгляд, тут срываются стереотипы мышления — участие народных заседателей в судопроизводстве воспринимается как дело чисто формальное. И выводы надо делать всем — и прессе, и юстиции, и широкой общественности. Речь идет о более ответственном отношении к оценке деятельности судов как коллегиальных органов.

Думается, что целесообразно было бы больше популяризировать труд народных заседателей, выполняющих свой долг умело и честно. Ответственное исполнение государственной обязанности и гражданского долга заслуживает официальной благодарности и человеческого уважения. Неправильно было бы проходить и мимо тех заседателей, чья безучастность в разбирательстве дел оборачивается тяжелыми судебными ошибками. Здесь нужно выработать меры общественного спроса. Не грех бы, к примеру, кому-то из числа избирателей после того, как выяснилось, что подписанный его избранным обвинительный приговор по достаточному громкому делу оказался несправедливым, спросить: «Как же это так получилось? А мы-то доверили тебе вершить правосудие...» И спросить публично!

МНЕНИЕ

ПЕРВЫЙ ЗАМЕСТИТЕЛЬ
МИНИСТРА ЮСТИЦИИ РСФСР
Ю. Д. СЕВЕРИН
ОТВЕЧАЕТ НА ВОПРОСЫ
КОРРЕСПОНДЕНТА «ОГОНЬКА»
ЛЕОНИДА ЛЕРОВА

ние» человека, без которого просто легко можно обойтись на производстве. И еще. Зачастую главным и единственным критерием оказывается то, что у кандидата нет общественной нагрузки. При этом не задается вопрос: есть ли у него совесть, готов ли он бороться за правду-матку невзирая на лица?.. Мало еще при выборах задумываются над тем, что речь идет о человеке, от которого зависят судьба, жизнь людей, оказавшихся на скамье подсудимых. Случалось и так, что голосование проходило формально, наспех, во время короткого обеденного перерыва.

Думаю, что сказывается негласно утвердившаяся недооценка роли народных заседателей. Ведь появились же в печати предложения вообще отказаться от них, а следовательно, превратить суд в бюрократический орган, целиком состоящий из профессиональных юристов. Или же предлагали формировать народных заседателей лишь из числа пенсионеров. Додумались и до этого, забыли, что суд у нас не ведомственный, а народный, что заседатель — составная часть суда, а не придаток к деятельности профессионала. За такого рода предложениями стоит отказ от участия народа в правосудии. К сожалению, и в реальной жизни произошло раздвоение: идеи, лежащие в основе законодательных актов, направлены на утверждение высокой миссии заседателя. Однако на практике нередко эти принципы подрываются. Думаю, что избавиться от такой деформирующей двойственности — одна из главных задач предстоящей судебной реформы.

Существующий порядок формирования состава народных заседателей зачастую порождает их пассивность в осуществлении правосудия, а значит, не обеспечивает объективное установление истины и связанное с этим правильное разрешение дел. Печальное доказательство тому — многочисленные ошибки судов, которым пресса в последние годы справедливо уделяет много внимания. Почти все ошибочные приговоры по уголовным и решения по гражданским делам в последние годы

Л. Л. — В чем же вы видите причины заметной деформации принципа коллегиальности в суде, снижения роли народных заседателей, когда зачастую их участие в разбирательстве дел оказывается формальным атрибутом правосудия?

Ю. С. — Сказались недостатки, накопившиеся в прошлом в институтах социалистической демократии. Думаю, что повлияли укоренившиеся представления о роли заседателей в правосудии как о некоей формальности. К «покорности» народных заседателей подталкивает и то, что профессиональный судья организационно возвышен над заседателями, поскольку он председательствует в процессе. Отношения между судьей и заседателями порождают у них представления об их правовой неполноценности по сравнению с профессионалом, что и побуждает зачастую безропотно принимать его позицию.

В такой обстановке и сами судьи нередко перестают относиться к заседателям как к равноправным коллегам, сбиваются на такие позиции, что заседатели якобы обязаны лишь скрепить своей подписью их выводы. Эта схема реализуется разными средствами — от внешне благопристойных до самых уродливых. В Черниговском районном народном суде Приморского края оба народных заседателя возражали против осуждения Т., безосновательно обвинявшейся в должностном злоупотреблении. А поскольку все-таки оказавшийся в меньшинстве народный судья настаивал на своем, заседатели написали «особое мнение». Тем не менее был оглашен обвинительный приговор, который, естественно, в кассационном порядке отменен как постановленный с грубым нарушением законности.

Факты откровенного давления на заседателей, не имеющие ничего общего с деловым обменом мнениями и обсуждением разных оценок, не такое уж редкое явление. Это, конечно, прямое извращение демократизма, лежащего в основе правосудия.

То, что нынешняя деятельность на-

том, что надо увеличить число народных заседателей при рассмотрении наиболее важных дел. Эти идеи нашли отражение в решениях XIX Всесоюзной конференции КПСС. Больше число заседателей, безусловно, повысит весомость их слова в поисках истины и утверждении законности. Думается, что этому способствовали бы также меры по укреплению их состава активными и принципиальными людьми. Деятельная Всесоюзная партийная конференция открывает возможные направления для эффективного решения этой проблемы. Подробно одобренному конференцией новому порядку избрания народных депутатов не только населением, но и как представителей профсоюзных, кооперативных, молодежных, женских, ветеранских и других общественных организаций, представляется перспективным законодательное обновление порядка формирования контингента народных заседателей. Их избрание следовало бы осуществлять с предоставлением приоритета зарекомендовавшим себя общественным активистам. Важно, чтобы в заседатели наряду с передовыми рабочими, крестьянами и служащими выдвигались председатели и члены товарищеских судов, посланцы профсоюзных комитетов всех уровней, советов трудовых коллективов, комитетов ВЛКСМ, комиссий по делам несовершеннолетних, по борьбе с пьянством, представители средств массовой информации. Думается, что повышению возможностей и авторитета правосудия способствовало бы участие в корпусе народных заседателей и определенного числа депутатов местных Советов, начиная от сельского и кончая краевым.

Состав заседателей, сформированный из таких категорий активистов, обладал бы более высокой принципиальностью и самостоятельностью мышления, заставил бы серьезно подтянуться и судей. Было бы полезно в законодательном порядке закрепить также преемственность заседателей с тем, чтобы на каждых выборах обновлять их состав лишь на одну треть.



Подготовил подборку
Игорь ДВИНСКИЙ.
Рисовал Виктор КОВАЛЬ.

«МЫ ГОВОРИМ»

- Не каждый правдолюб бывает однолюбом.
- Если у женщины только один муж, он может стать эгоистом.
- Гадание на кофейной гуще обходится все дороже...
- Только имея твердую прописку, можно чувствовать себя вольной птицей.
- Лысого труднее держать под каблуком.
- Вокруг столько интересно, а нас тянут только к хорошему!

«МЫ ФАНТАЗИРУЕМ»

СНИМАЕТСЯ КИНО

Михаил ВОЗДВИЖЕНСКИЙ

«Смотрю — самолет на площадь садится...
Решила — снимается кино».
(Из разговора прохожих)

— Вась, откуда столько солдат на улице? Все в черных касках, а сами — фиолетовые! И у каждого автомат... Что случилось, Вась?

— Кино, наверное, снимают, что еще...

— Бабы говорили, в дом забрались артисты эти. Барахло увели, а один такой же фиолетовый и девчонок с собой зацапал!

— Ты слушай больше своих... Кино снимают! А барахло, значит, было ихнее, со студии, реквизит называется. И девки, небось, реквизитные...

— А почему фиолетовый?

— По действию, значит, так положено! Намазался чернилами — вот и фиолетовый!

— Так ведь и танки бабы видели, прямо на улице...

— Ну, не двинутый народ, а? А где им еще ехать, танкам-то? Не по прилавкам же в вашем магазине... Войну, стало быть, снимают — вот и танки пущены.

— Вась, а чего эти военные все прохожим говорят?

— Чего-чего... Смеются! Вот таким нервным, как ты, объясняют: снимается кино!

— А в газетах что пишут?

— Да я эти газеты читаю-то... Так, заголовок и чуть-чуть снизу... Ничего там такого не было...

— Слышь, Вась, грохот? Что это?! Смотри, точно танки — не соврали бабы!.. Сюда, к нам, подкатывают... Да ты подойди к окну, черт ленивый, сам погляди!

— Эва! Сколько их! Интересное, поди, кино задумано!

— Пушки поворачивают! Что это они, Вась? Господи, вот это грохнули! Дом восемь, кажись, начисто снесли...

— Значит, так по действию задумано. Дом восемь старый, чего жалеть эти пятиэтажки стрёмные — тараканов полно, да и панели сгнили...

— Слышь, а людей-то выселили?

— Наверное, выселили... А вообще-то не знаю: теперь для кино ничего не жалеют, им там в кино главное — приз отхватить!

— Гляди-ка, прожектора! Прямо, как на праздник... А чего это они наш дом осветили, а, Вась?

— В кино, значит, попадем, денег рублей по пять заработаем. Видишь, решили снять наш дом-то! Давай в окошко подальше высунемся!

— Смотри, Вась, опять пушки поворачивают... Теперь на нас!

— Значит, так по действию заду...

Владимир КЛИМОВИЧ

СКАЗКА ПРО ЦАРЯ

В некотором царстве, в некотором государстве царь был дурак. А что делать? Царь!

ДВОРНИК И ФЛАГ

В некотором царстве, в некотором государстве в одна тысяча девятьсот семьдесят уж не помню каком году жил рабочий Иванов. И был у него сундук. Вот как-то раз открыл рабочий Иванов сундук, достал оттуда красный флаг и говорит своей жене Авдотье:

— Ну я пошел, мать.

Авдотья всхлипнула и перекрестилась. Рабочий Иванов запел «Интернационал» и вышел на улицу, размахивая красным флагом.

Дворник Эдуард увидел это, перестал подметать и куда-то позвонил по телефону. Приехала машина, рабочего Иванова затолкали в машину и увезли в больницу лечить гипнозом.

— Сейчас у нас не царское время, чтобы интернационалы петь и красным флагом размахивать, — сказал дворник Эдуард и стал подметать дальше.

КАК ЦАРЬ

В некотором царстве, в некотором государстве был прогрессивный царь. Он читал газеты, слушал радио и думал о народе. И решил этот царь, что все люди в государстве должны быть такими же, как он. Чтобы издали даже нельзя было никого отличить. Посмотришь, а все одинаковые: каждый как царь.

Позвал царь своего заместителя, а сам ботинки снял и к двери спиной

«НАШИ СКАЗКИ»

встал. Заместитель к царю сверху дощечку приложил и на двери карандашиком отчеркнул, где царская голова кончается.

Потом взяли они с царем складной метр, смерили от черточки до пола, и получилось сто семьдесят сантиметров. Перемерили они еще раз, чтобы ошибки не было, и издали указ:

«Всем в государстве быть как царь: ростом — метр семьдесят. Тем, кто больше вымахал, — согнуться, а кто меньше — шею вытянуть».

Теперь в этом государстве все как царь — издали не отличишь. Только у одних спина болит, а у других — шея...



БАБУШКИНЫ СКАЗКИ

В некотором царстве, в некотором государстве стало так плохо, что царь того государства решил выпустить из подземелья шутов.

Открыл он дверь и говорит:

— Черт с вами, идите, шутите, — все равно хуже не будет.

Вот как бывает в бабушкиных сказках!
1984 г.



Сергей САТИН

СТОМАТОЛОГИЧЕСКОЕ

Вот сюжет не из веселых:
Бледный, как блокнотный лист,
Зуб сверлит мне стоматолог,
Молодой специалист.

Он без местного наркоза
Свой вершит сегодня труд,
И сочувственные слезы
По щекам его бегут.

На мои страдания глядя,
Плачут сестры и главврач;
В ближнем кресле толстый дядя
Умножает общий плач;

Санитарки плачут обе,
Хоть у них оклад и мал;

Гардеробщик в гардеробе,
Слышу, бурно зарыдал;

Плачут все: младенец в люльке,
Начинающий поэт,
Октябренок, две бабульки
И вдова во цвете лет...

Скрежеща и дико воя,
Бор вгрызается в дупло.
Но душа полна покоя,
Но в душе моей светло.

Мне волнительно до крика,
Что живу в таком краю, —
Все от мала до велика
Разделяют скорбь мою.

«МЫ ГОВОРИМ»

● Не влачи свое существование за собой!

● В каждом возрасте — свои прелести, но в молодости — еще и чужие.

● Как много писателей видят в Пегасе лишь лошадиную силу!

● Каждый новорожденный должен знать, на что идет...

● Одним — все, другим — все остальное.

Многообразие проблем определяется одной причиной...

Улучшить сон может только явь.

В того, кто полон оптимизма, больше ничего не лезет.

Материя бесконечна, но почему-то ее все время кому-нибудь не хватает на штаны.

Геннадий МАЛКИН

ХОР!



Раньше мы об этом только молчали. Теперь мы об этом только говорим. Еще недавно вопрос о кандидатуре спутника жизни решался в узком кругу, за закрытыми дверями. Едва предложение вносилось на голосование, как в зале сразу вырастал лес рук. Лес рубят — руки летят. Теперь никакая могущественная «рука» не сможет выдвинуть жениха по протекции!

По разнарядке новая инициатива была рождена здесь, в далеком колхозе имени Менделеева. Наш «газик» долго петляет по проселкам, прежде чем выехать на магистральную обочину. На ферму, где работает невеста, Мария Пельменная, мы приехали в час вечерней дойки. Напарницы-соперницы зашептали о растущих удоях, приплодах, привесах и перегибах. Временами их голоса заглушал стук отбойного молотка, которым у коров отбивают нездоровую тягу к еде. Это лишь одна из многих новинок, внедренных кандидатом в женихи — Юрием Тюхтей.

Его судьба сложилась непросто. Университет, аспирантура, диссертация о влиянии Тициана на выполнение промфинплана... Но Юрий пожертвовал блестящей карьерой ради давней мечты: стать мастером по искусственному осеменению. Нынче молодой специалист пользуется заслуженным авторитетом как в коллективе, так и в стаде.

— Благодаря перестройке коровника нашим дояркам больше не придется нагибаться, — рассказывает Юрий. — Теперь коровы подвешены к потолку, и доярке остается лишь подпрыгнуть, чтобы ухватиться за вымя. Надой — на высоте!

Еще год назад кандидатура такого жениха прошла бы единогласно. Но времена переменялись. Люди чувствуют личную ответственность за счастье Машы Пельменной и хотят получше присмотреться к человеку, с которым девушке предстоит рука об руку идти к вершинам производительности труда. Поэтому возникла и вторая кандидатура на должность жениха: Федот Шибаев, передовой набекренщик чугунохрустального цеха. Отсюда, из села Малые Трудодни, уходил он когда-то служить в армию. В ту пору здесь не было ни Дворца культуры, ни видеотеки, ни асфальтированных дорог, как нет их и сейчас. Но, видно, чем-то приворожила парня родная сторона. Мастер на все руки, он возглавил комплексную бригаду по отлову бродячих собак. Его принцип: надо не только поймать зверя, но и пробудить в нем что-то человеческое. Первые результаты налицо: понав в руки Федота, дворовый пес Бобик научился приписывать проценты к плану.

Есть и третий кандидат в женихи: это Николай Пельменный — Машин

муж. Пять лет прожили они душа в душу, но жажда нового взяла свое. Поначалу Николаю нелегко было расставаться с привычной женой. Однако он преодолел в себе застойные явления и понял: главное, чтобы Мария попала в хорошие руки. Она тоже осознала: Коля — парень молодой, перспективный, пусть растет. И он начал расти. Сейчас в нем уже метр сорок, а вся жизнь еще впереди.

Вот почему столько народу собралось сегодня на выборы. В зале тесно, яблоку негде упасть. Да и неоткуда: опять подвели заготовители. Они тут же берут повышенные обязательства и уходят. Встречный план принимает и невеста: к середине декабря народить богатыря.

Звучат долгожданные слова:

— Репетицию стихийного предвыборного митинга разрешить считать открытой!

В зале вспыхивает фонограмма оваций. Подружки невесты запевают: «Выбери меня, выбери меня, птица счастья завтрашнего дня!» Появляется первая ласточка. В ней зрители узнают переодетую во все белое и целое Машу. Сейчас решится, с кем же ей вить гнездо.

Неожиданно Юрий Тюхтя снимает свою кандидатуру.

— Я трезво взвесил свои возможности и понял: мы не пара, — заявляет он. — По итогам второго квартала Федот больше достоин Машы.

Но каков Федот, таков и самоотвод. В зале замешательство. Люди еще не привыкли решать самостоятельно. Невеста нервничает и поглядывает на часы. Через час ей заступать на дежурство, а через два — рожать.

Тут, как назло, появляются гости дорогие: делегация фермеров из далекой Пирамидонии. Они приехали перенимать у нас опыт индивидуальной трудовой деятельности. Глава делегации, простой пирамидонский миллионер Джим Джем, не может скрыть своего изумления:

— Я объехал весь мир, владею десятками отелей, мотелей и борделей, но такого, как у вас, еще не видел!

Внешность и производственные показатели Машы крепко запали гостю в душу. Да и невесте приглянулся зарубежный хлопец. Особенно тем, что недавно провел трехминутную забастовку протеста против попыток объявить кратер Везувия зоной трезвости.

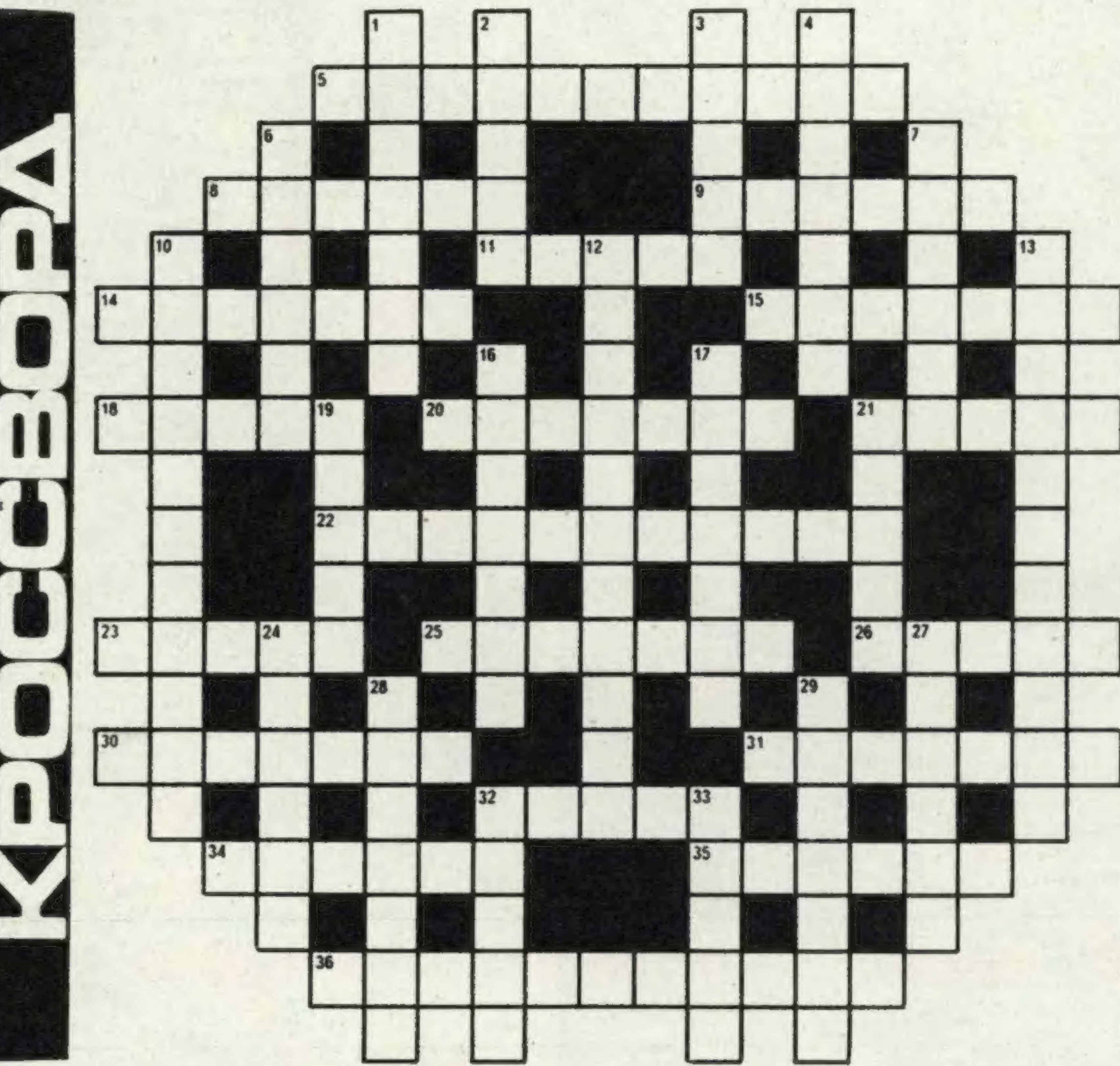
Тут начинается тайное, но явное голосование.

— Кто за то, чтобы избрать женихом Марии Пельменной ее мужа Николая? Единогласно!

Коля ведет новобрачную под венец. Тут и делу конец.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Маршал Советского Союза. 8. Доклад военнотружущего начальнику. 9. Химический элемент, металл. 11. Прозрачный драгоценный камень. 14. Новатор сельскохозяйственного производства, дважды Герой Социалистического Труда. 15. Древнегреческий мыслитель, математик. 18. Холодное оружие. 20. Счет с описью отправленного товара. 21. Картина Рембрандта. 22. Область филологии. 23. Бобовое растение. 25. Корпус самолета. 26. Приток Сырдарьи. 30. Химический элемент, газ. 31. Горный массив и вершина в Альпах. 32. Немецкий писатель, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». 34. Актер, Герой Социалистического Труда. 35. Летчик-испытатель, Герой Советского Союза. 36. Итальянский живописец, представитель Высокого Возрождения.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Авиаконструктор, трижды Герой Социалистического Труда. 2. Дежурство на корабле. 3. Предварительный набросок к картине. 4. Войсковое соединение. 6. Город в Аргентине. 7. Выдержка из текста. 10. Русский график, мастер гравюры. 12. Часть речи. 13. Симфония А. П. Бородина. 16. Устройство для спуска с высоты людей, грузов. 17. Советский хоккеист, двукратный чемпион Олимпийских игр. 19. Черта, линия, элемент рисунка. 21. Приток Дуная. 24. Слово, однозвучное с другим, но отличное по значению. 27. Лесная птица с пестрым оперением. 28. Механизм для подъема грузов. 29. Бальный танец-шестие. 32. Басня И. А. Крылова. 33. Звукоряд.



ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 33.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Славков. 9. Мемориал. 10. Алексеев. 11. Кибальников. 13. Фигаро. 14. Елогуй. 17. Становление. 18. Нанду. 19. Рений. 20. Лондондерри. 21. Кроль. 23. Наказ. 26. Спортсменка. 28. Макеев. 31. Ибикон. 32. Организация. 33. Чиковани. 34. Пергамин. 35. Вестник.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Ослябя. 2. Сварка. 3. Вершинин. 4. Корчагин. 6. Вольнов. 7. Ксилофон. 8. Меркурий. 11. Консульство. 12. Ветеринария. 15. Анадырь. 16. Перепел. 21. Керамзит. 22. Обреимов. 24. Комиссар. 25. Забойщик. 27. Силикат. 29. «Огниво». 30. Сцепка.

НЕТ ПРОБЛЕМ?

Рисунок Алексея МЕРИНОВА.





«ОЧАКОВ» — ОГОНЬКОВСКИЙ ЛАУРЕАТ



«Очаков» — так по имени старинного города названо объединение пансионатов Николаевского терсовета. В соревновании четырехсот профсоюзных здравниц семейного отдыха страны объединение завоевало в 1987 году переходящий приз журнала «Огонек». Победители награждены Почетной грамотой Центрального совета по управлению курортами профсоюзов и Центрального комитета профсоюза медицинских работников, двумя комплектами литературных приложений к «Огоньку» и денежной премией в размере 600 рублей.

Второй премии удостоен



пансионат имени Ф. Э. Дзержинского Воронежского территориального совета по управлению курортами профсоюзов.

Жюри присудило также три персональные премии отличившимся работникам здравниц:

Е. М. ГИЗ — воспитателю дома отдыха имени С. М. Кирова Пензенского областного совета по управлению курортами профсоюзов;

В. Е. ВИШНЕВСКОМУ — инструктору лечебной физкультуры дома отдыха «Учитель» Горьковского территориального совета по управлению курортами профсоюзов;

С. К. ВОРОБЬЕВУ — заведующему клубом дома отдыха «Комарово» Ленинградского территориального совета по управлению курортами профсоюзов.

Фото Д. ДЕБАБОВА.



На снимках: так отдыхают в «Очакове»



ОГОНЕК

ISSN 0131-0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663